

Безобидной
лжи
не бывает...

ДЕРЕВО ЛЖИ

ФРЭНСИС ХАРДИНГ

Вскоре после внезапного переезда семьи из графства Кент на отдаленный остров отец 14-летней Фейт погибает при загадочных обстоятельствах. Среди вещей отца девочка обнаруживает странное дерево. Оно растет и дает плоды, если рассказывать ему лживые истории. А съев плод, можно узнать скрытую от всех тайну. Чем серьезнее ложь и чем больше людей поверит в нее, тем грандиознее открывается тайна.

Пытаясь разобраться, что произошло, Фейт начинает свою игру.

Помню, как несколько лет назад я читал *Fly By Night* — абсолютно оригинальную историю с потрясающим антуражем и закрученным сюжетом. Фрэнсис Хардинг снова это сделала в «Дереве лжи» — превосходном романе, который написан для подростков, но увлечет и взрослых. Это современная классика...

Books Monthly

Это исключительный талант, который займет достойное место в литературе.

www.booksforkeeps.co.uk

«Дерево лжи» захватывающее чтение для каждого подростка, которого одновременно волнует и пугает мир возможностей, открывающихся перед ним во взрослой жизни.

INIS Magazine

По мере того как эта завораживающая книга движется к развязке, каждая страница излучает все больше тайн, волнует и не отпускает.

www.booktrust.org.uk

Хардинг пишет энергично и живо.

The Times

Хардинг — писательница с огромным талантом, неутомимым воображением и богатым, выразительным языком.

Guardian

Насыщенный, сложный и умный текст: блестящая, увлекательная история о восприятии людьми теории эволюции и социальной роли женщины...

Philip Womack, Daily Telegraph

Это историческое фэнтези, написанное присущим Хардинг метким и оригинальным языком, повествует о викторианской эпохе и резонирует с нашей.

Nicolette Jones, The Sunday Times Children's Book of the Year

«Дерево лжи» — это волнующий роман, который увлечет каждого, с роскошным языком и мощным, не отпускающим сюжетом.

Philip Womack, The Literary Review

«Дерево лжи» — фантастическая история. Это важная книга, и не только потому, что роман великолепен сам по себе, но и потому, что его главный посыл — как может сложиться жизнь девушки, которая не вписывается в свою эпоху. Это важный вопрос и в наше время.

James Heneage, председатель жюри премии Costa

Новый роман Хардинг — это всегда событие.

Sunday Times

Фрэнсис Хардинг

Дерево лжи

Моему отцу. За его негромкую мудрость и честность, а также за то, что он относился ко мне как к взрослому человеку задолго до того, как я им стала

Глава 1

Изгнание

Катер назойливо покачивался в тошнотворном ритме, и от этого возникало ощущение, словно кто-то расшатывает больной зуб. Едва видневшиеся сквозь туман острова тоже напоминают зубы, решила Фейт. Не идеальные белые зубы Дувра, а корявые желтовато-зеленые обломки, выступающие тут и там посреди взволнованного серого моря. Почтовый катер упрямо пыхтел по волнам, пуская в небо дым.

— Скопа, — проговорила Фейт, стуча зубами, и показала рукой.

Ее шестилетний брат Говард повернулся, но слишком медленно, чтобы увидеть, как в тумане исчезает большая птица со светлым туловищем и крыльями с темной окантовкой. Фейт поморщилась, когда он начал ерзать у нее на коленях. По крайней мере, он перестал требовать свою няню.

— Мы вон туда едем? — Говард прищурился, рассматривая призрачные острова перед ними.

— Да, Говард.

Над их головами по тонкой деревянной крыше стучал дождь. С палубы дул холодный ветер, обжигая лицо Фейт. Несмотря на шум вокруг, девочка могла поспорить, что слышит слабые звуки из ящика, на котором она сидела. Шорох, трение чешуйки о чешуйку. Фейт беспокоилась о запертом внутри цейлонском полозе — экспонате, принадлежащем отцу: змея ослабела от холода и инстинктивно свивалась в кольца при каждом крене.

За спиной Фейт громкие голоса соперничали с криками чаек и ударами огромных лопастей. Теперь, когда начался дождь, все сгрудилось под крошечным навесом на корме. Здесь хватило места для пассажиров, но чемоданов уместилась лишь часть. Мать Фейт, Миртл, делала все, чтобы отвоевать как можно больше места для семейного багажа, и ей сопутствовал успех. Украдкой бросив взгляд через плечо, Фейт увидела, как Миртл, словно дирижер, машет двоим грузчикам, устраивавшим под крышей чемоданы и коробки семейства Сандерли. Миртл была бледной от усталости и по самый подбородок закуталась в шаль, но, как обычно, разговаривала громко, приветливо и одновременно с самоуверенностью хорошенькой женщины, рассчитывающей на благородство окружающих.

— Благодарю... туда, прямо сюда... ох, мне и правда жаль это слышать, но ничего не поделаешь... положите на бок, пожалуйста... что ж, ваш чемодан выглядит вполне прочным... боюсь, статьи и разработки моего мужа не выдержат влаги, поэтому... преподобный Эразмус Сандерли, знаменитый ученый... о, как любезно с вашей стороны! Я так рада, что вы не против...

В кресле рядом с ней дремал круглолицый дядюшка Майлз, своей беззаботностью напоминая щенка. Взгляд Фейт скользнул мимо него к высокому безмолвному силуэту. Отец Фейт был облачен в черный, как положено священнику, пиджак и широкополую шляпу, бросавшую тень на его высокий лоб и крючковатый нос.

Отец всегда вызывал у Фейт благоговение, смешанное со страхом. Сейчас он немигающим гипнотическим взглядом смотрел в серую даль, мысленно отгородившись от промозглого дождя, запахов судна и угольного дыма, мелких споров и недостойной его внимания толкотни. Чаще всего она видела его на кафедре, поэтому так странно было наблюдать его сидящим рядом. Сегодня она испытывала к нему сочувствие: он явно страдал,

очутившись не в своей стихии, — намокший под дождем лев во второсортном шоу.

Миртл велела дочери сесть на самый большой ящик из их багажа, чтобы помешать другим пассажирам снова его передвинуть. Обычно Фейт удавалось избегать чрезмерного внимания — кого заинтересует четырнадцатилетняя девочка с невыразительными чертами лица и темно-русой косичкой? Сейчас же она морщилась под возмущенными взглядами, страдая от неловкости, совершенно, впрочем, не свойственной ее матери.

Маленькая фигурка Миртл занимала положение, препятствовавшее кому бы то ни было еще пристроить свой багаж под навес. Высокий крепкий мужчина с мясистым носом хотел протолкнуться мимо нее сзади со своим чемоданом, но она пресекла его попытку, резко обернувшись к нему с улыбкой. Миртл дважды моргнула, и ее большие голубые глаза расширились, излучая столь искреннюю симпатию, словно она только что рассмотрела незнакомца. Несмотря на порозовевший кончик носа, бледность и усталый вид, Миртл продолжала обезоруживать всех своей улыбкой.

— Я так благодарна вам за понимание, — сказала она слегка надломленно.

Это был один из ее приемов, чтобы подчинять мужчин своей воле, легкое кокетство, вырывавшееся наружу так же непринужденно, будто она открывала веер. Каждый раз, когда трюк срабатывал, желудок Фейт сжимался. Сейчас прием тоже подействовал. Джентльмен покраснел, коротко кивнул и отошел, но Фейт видела, что он остался недоволен. Фейт вообще подозревала, что ее семья восстановила против себя всех на борту.

Говард тихо боготворил свою мать, и когда Фейт была младше, она тоже души в ней не чаяла. Редкие визиты Миртл в детскую оказывались бесконечно волнующими, Фейт даже любила, когда ее причесывали, одевали и всячески суеились над ней, чтобы придать ей подобающий вид перед приходом очередного посетителя. Миртл казалась существом из другого мира, милым, веселым, прекрасным и неосязаемым, солнечной нимфой с врожденным чувством стиля.

Однако в последний год Миртл решила «взяться за Фейт» — она стала неожиданно прерывать ее занятия и, повинаясь импульсу, брать с собой в гости или в город за покупками, чтобы потом вновь оставить дочь в детской или в школе. Тесное общение на протяжении этого года сыграло злую шутку: Фейт обнаружила, что позолота стерлась. Девочка почувствовала себя тряпичной куклой, которую сначала хватают, а затем забывают, повинаясь сиюминутной прихоти.

Толпа перестала напирать. С чувством глубокого удовлетворения Миртл устроилась на трех чемоданах, составленных друг на друга, рядом с ящиком Фейт.

— Очень надеюсь, что в доме, который снял для нас мистер Ламбент, будет приличная гостиная, — произнесла она, — и сносная прислуга. Повариха ни в коем случае не должна быть француженкой. Вряд ли я смогу управлять хозяйством, если кухарка, чуть что, будет говорить, что не так поняла меня.

Голос Миртл не был неприятным, но он струился, струился и струился, не умолкая. В последний день ее болтовня стала постоянным спутником семьи, она изливала свои речи на извозчика в наемном экипаже, который вез их на вокзал, на грузчиков, укладывавших их багаж в лондонский поезд, а потом поезд в Пул, на угрюмого сторожа гостиницы, где они провели ночь, и капитана этого закопченного почтового судна.

— Зачем мы туда едем? — перебил Говард свою мать. Его глаза осоловели от усталости. Он был на распутье: то ли уснуть, то ли разреветься.

— Ты же знаешь, милый, — Миртл подалась вперед и рукой, затянутой в перчатку,

аккуратно убрала влажную прядь с глаз Говарда, — на этом острове есть несколько важных пещер, где джентльмены обнаружили десятки необычных окаменелостей. Никто не знает об окаменелостях больше, чем твой отец, поэтому его пригласили посмотреть на них.

— Но зачем *мы* туда едем? — настойчиво повторил Говард. — Он не брал нас с собой в Китай. И в Индию. И в Африку. И в Монгию. — Последнее было едва ли не лучшей его попыткой произнести слово «Монголия».

Это был хороший вопрос, и, вероятно, им задавались многие. Вчера по всем домам прихода Сандерли вихрем прямоугольных белых снежинок разлетелось множество открыток с извинениями и запоздалыми отменами визитов. К сегодняшнему дню известие о неожиданном отъезде семьи уже распространилось, как пожар. На самом деле Фейт и сама не прочь была услышать ответ на вопрос Говарда.

— О, в те места мы никак не могли поехать! — заявила Миртл. — Змеи, лихорадка, люди, поедающие собак. А это совсем другое. Это как маленькие каникулы.

— Нам пришлось уехать из-за человека-жука? — спросил Говард, состроив серьезную гримаску.

Преподобный, не подававший виду, что слушает разговор, внезапно втянул воздух через нос и с неодобрительным шипением выдохнул. Затем поднялся.

— Дождь стихает. И здесь так тесно, — заявил он и вышел на палубу.

Миртл поморщилась и покосилась на дядюшку Майлза, сонно потиравшего глаза.

— Вероятно, мне... э-э... стоит тоже совершить небольшой моцион.^[1] — Дядюшка Майлз бросил взгляд на сестру, приподняв брови, разгладил усы и вышел из салона следом за зятем.

— Куда пошел отец? — завопил Говард, изгибая шею, чтобы выглянуть в дверь. — Можно мне с ним? Где мой пистолет?

Миртл, нахмурившись, прикрыла глаза и зашевелила губами, вознося безмолвную молитву, чтобы Бог дал ей терпения. Вскоре она открыла глаза и улыбнулась Фейт.

— О, Фейт, ты моя единственная опора. — Она всегда одаривала Фейт такой улыбкой, ласковой, но с намеком на усталость и смирение. — Может, ты и не самая веселая компания... но по крайней мере ты никогда не задаешь вопросов.

Фейт выдавила из себя подобие улыбки. Она знала, кого Говард подразумевал под человеком-жуком, и подозревала, что его вопрос был опасно близок к цели. В течение последнего месяца их семья словно погрузилась в промозглый туман невысказанного. Косые взгляды, шепот за спиной, слегка необычное поведение окружающих и вежливо обрубаемые связи. Фейт заметила перемены, но не могла понять причину. А потом, одним воскресным днем, когда семья возвращалась из церкви, к ним подошел мужчина в коричневой фетровой шляпе. Он представился — с поклонами, расшаркиваниями и улыбкой, не задевавшей, однако, глаза. Он работает над научной статьей о жуках, и не соблаговолит ли преподобный Эразмус Сандерли написать предисловие? Преподобный не соблаговолил, мало того, его возмутила такая настойчивость. По его мнению, тот «злоупотреблял знакомством» вопреки всем правилам приличий, и в конце концов преподобный так ему и сказал. Улыбка исследователя жуков погасла. Фейт до сих пор помнила его слова, полные тихой злобы: «Прошу прощения, что решил, будто ваша любезность под стать вашему интеллекту. Слухи о вас распространяются быстро, преподобный, и я предположил, что вы *обрадуетесь* коллеге, который все еще хочет пожать вам руку».

При воспоминании об этих словах Фейт снова похолодела. Она не могла представить,

чтобы кто-то посмел так оскорбить ее отца прямо в лицо. И что хуже всего, преподобный отвернулся от незнакомца в безмолвной ярости и не потребовал объяснений. Ледяной туман подозрений Фейт начал принимать неясные очертания. О них сплетничали, и отец знал предмет слухов.

Миртл ошиблась. Фейт была переполнена вопросами, которые извивались и рвались наружу, словно змея в ее ящике. «Но я не могу. Я не должна поддаваться *этому*». В сознании Фейт всегда было *это*. Она никогда не давала ему имени, опасаясь, что *это* возьмет над ней еще большую власть. *Это* было тем, чему она всегда поддавалась. *Это* было полной противоположностью Фейт — той Фейт, какой ее знал весь мир. Хорошей девочке Фейт, опоре своей матери. Надежной, скучной, верной Фейт.

Сложнее всего ей было сопротивляться неожиданным возможностям, которые предоставляла ей судьба. Небрежно брошенному конверту, откуда выглядывал краешек письма, аккуратный и такой соблазнительный. Незапертой двери. Чужому разговору, подслушанному, когда дверь беспечно оставили незапертой.

Ее всегда снедал голод, а девочки не должны быть голодными. Они должны аккуратно клевать за столом свои изящные порции, их разум тоже должен пресыщаться скромной диетой. Несколько тоскливых уроков с сонной гувернанткой, скучные прогулки, пустое рукоделие. Но этого было недостаточно. Знание — любое знание — манило Фейт, и в том, чтобы поглощать его незаметно для других, была масса запретного наслаждения.

В данный момент ее любопытство свелось к одному предмету, и удовлетворить его следовало как можно более срочно. Именно сейчас ее отец и дядюшка Майлз могли беседовать о человеке-жуке и о причинах их срочного отъезда.

— Мам, можно мне немножко погулять по палубе? Мой желудок... — Фейт сама чуть не поверила собственным словам. Ее внутренности и правда жгло, но от возбуждения, а не от качки.

— Ладно, только ни с кем не разговаривай. Возьми зонт, постарайся не упасть за борт и долго не гуляй — простудишься.

Фейт медленно пошла вдоль борта, по ее зонтику барабанил мелкий дождь. И она мысленно призналась, что снова поддалась *этому*. Волнение подогревало ее кровь и болезненно обострило все чувства. Как ни в чем не бывало она вышла за пределы видимости матери и Говарда, потом сделала вид, будто любит морем, прекрасно зная, что пассажиры заскользили по ней изучающим взглядом. Но вот один за другим взгляды стали терять интерес.

Пора! Никто не смотрит. Она быстро пересекла палубу и скрылась среди ящиков, составленных у основания вибрировавшей дымовой трубы, выцветшей на солнце. В воздухе был разлит запах соли и греховности, заставляя ее чувствовать себя живой. Она невидимкой скользила от одного ящика к другому, подобрав юбки, чтобы они не развевались на ветру и не выдали ее. Широкие ступни, такие изящные, когда их пытались обуть в модные туфли, ступали по доскам неслышно — такое поведение явно было им привычно. Наконец Фейт пристроилась между двумя ящиками, в трех ярдах от которых стояли отец и дядя. Подсматривать за отцом — это было для нее своего рода кощунство.

— Сбежать из собственного дома! — восклицал преподобный. — Это пахнет трусостью, Майлз. Зря я позволил тебе уговорить себя покинуть Кент. Какой смысл в нашем отъезде? Слухи — словно псы: стоит пуститься от них наутек, как они бросаются за тобой по пятам.

— Слухи и правда псы, Эразмус. — Дядюшка Майлз поморщился под пенсне. — И они набрасываются всей сворой. Тебе надо было ненадолго покинуть общество. Теперь, когда ты уехал, они найдут себе другую жертву.

— Скрывшись под покровом ночи, Майлз, я лишь прикормил этих псов. Теперь они используют мой отъезд против меня же как улику.

— Может, и так, Эразмус, — с внезапной серьезностью ответил дядюшка Майлз, — но пусть лучше тебя осуждает кучка фермеров-овцеводов на отдаленном острове, чем всякие шишки в Англии. Раскопки на острове Вейн были лучшим предлогом для твоего отъезда, который я смог найти, и я до сих пор рад, что ты прислушался к моим словам. Вчера утром вся страна за завтраком читала статью в «Информере». Если бы ты остался, ты бы поставил свое окружение перед выбором, поддержать тебя или нет, и с учетом того, как быстро распространяются слухи, тебе бы не понравилось их решение. Эразмус, одна из самых популярных и уважаемых газет страны объявила тебя мошенником и обманщиком. Если ты не хочешь подвергнуть Мирт, с детьми унижениям и издевкам, не возвращайся в Кент. Пока твое имя не очистится, ничего хорошего там тебя не ждет.

Глава 2

Вейн

«Мошенник и обманщик». Эти слова звенели в голове Фейт, пока она прогуливалась под дождем, устремив невидящий взгляд на проплывавшие мимо острова. Как ее *отца* могли заподозрить в мошенничестве? Его кристальная честность была гордостью и проклятием их семейства. Он никогда не скрывал своего отношения к людям, даже если это было ледяное неодобрение. И что дядюшка Майлз подразумевал под мошенничеством?

К тому времени как она вернулась в салон, дядюшка Майлз и отец уже сидели на своих местах. Фейт снова взгромоздилась на свой ящик со змеей, не в состоянии выдержать чужой взгляд. Дядюшка Майлз, прищурившись в своем пенсне, изучал забрызганный дождем альманах с таким видом, словно они и правда едут на каникулы, потом перевел взгляд на море.

— Вон! — указал он. — Вон там Вейн!

Сначала остров показался ей совсем маленьким, но вскоре Фейт поняла, что он надвигается на них узким концом, словно лодка — заостренным носом. Только когда их судно обогнуло остров и двинулось вдоль его длинной стороны, Фейт увидела, насколько он превосходит другие острова. Огромные черные волны бились о прибрежные темно-коричневые скалы, выбрасывая вверх столбы пены.

«Здесь никто не живет, — была ее первая мысль. — Никто не стал бы здесь жить по собственной воле. Должно быть, тут обитают только изгнанники. Преступники вроде австралийских каторжников. И беглецы вроде нас. Мы изгнанники. Возможно, нам придется жить тут вечно».

Они проплывали мимо испещренных соленой водой мысов и глубоких гротов, кое-где на побережье мелькали одинокие дома. Наконец судно замедлило ход и вошло в глубокий залив, с трудом преодолевая мощный поток воды. Тут находилась пристань, окруженная высокой стеной, за которой поднимались ряды домов с пустыми глазами-окнами и блестящими от дождя покатыми крышами. В тумане покачивалась на якорях дюжина рыбацких лодок. Оглушающе кричали чайки, старательно выводя одну и ту же фальшивую ноту. Люди на судне зашевелились, выдохнули все как один и начали собирать багаж.

Как только катер пришвартовался у пристани, дождь усилился. Пока все вокруг кричали, бросали швартовы, возились с трапом, дядюшка Майлз кинул кому-то несколько монеток, и багаж Сандерли выгрузили на берег.

— Преподобный Эразмус Сандерли с семьей?

На пристани стоял промокший до нитки худой мужчина в черном пальто и широкополой шляпе, с краев которой стекала вода. Его приятное, чисто выбритое лицо выражало обеспокоенность и сейчас было немного синим от холода.

— Мистер Энтони Ламбент шлет вам приветствия. — Он церемонно поклонился и протянул влажный конверт.

Фейт заметила тугой белый римский воротник^[2] и поняла, что незнакомец тоже священник. Отец Фейт прочитал письмо, затем одобрительно кивнул и протянул руку:

— Мистер... Тибериус Клэй?

— Верно, сэр. — Клэй почтительно потряс его руку. — Я викарий Вейна.

Фейт знала, викарий — это что-то вроде младшего священника, нанимаемого в помощь

пастору или приходскому священнику, у которого слишком много приходов или чересчур много работы.

— От лица мистера Ламбента приношу вам извинения: он сам хотел вас встретить, но неожиданный дождь... — Клэй скривился, взглянув на свинцовые облака. — Есть опасность, что новые пещеры зальет водой, и он делает все возможное, чтобы не допустить этого. Позвольте, сэр, я позову людей, чтобы помочь вам с багажом. Мистер Ламбент прислал экипаж, чтобы доставить вас и вашу семью с багажом в Булл-Коув.

Преподобный не улыбнулся, однако пробурчал согласие не без тепла в голосе. Церемонные манеры викария явно заслужили его одобрение.

Их семейство привлекало взгляды, Фейт была уверена. Достиг ли загадочный скандал Вейна? Навряд ли. Судя по всему, причина в том, что они чужаки, нагруженные немислимым количеством багажа. До ее слуха доносились приглушенные перешептывания, но она не могла разобрать ни слова, это была просто мешанина звуков.

Багаж Сандерли кое-как сложили на крыше большой старой повозки и закрепили нестройную, грозившую вот-вот обрушиться кучу веревок. Внутри едва хватило места, чтобы викарий втиснулся рядом с членами семьи Сандерли. Повозка тронулась, подпрыгивая на булыжниках, и от этого зубы Фейт постукивали.

— Вы специалист по естественным наукам, мистер Клэй? — спросила Миртл, отважно игнорируя скрип колес.

— В таком обществе я могу считаться разве что любителем. — Клэй кивнул в сторону преподобного. — Хотя да, моим преподавателям в Кембридже удалось вколотить немного знаний по геологии и естествознанию в мою неразумную голову.

Фейт не удивили его слова. Многие друзья ее отца были священниками, которые занялись естественными науками примерно таким же образом. Сыновья джентльменов, предназначенные служить Богу, отправлялись в хороший университет, где получали достойное образование: классическая литература, греческий, латынь и немного естественных наук. Иногда этого «немного» было достаточно, чтобы подцепить их на крючок.

— Мой главный вклад в раскопки — это фотографирование, вот в чем мой интерес. — Голос викария наполнился радостью, когда он заговорил о своем хобби. — Увы, чертежник мистера Ламбента имел несчастье сломать запястье в первый же день, поэтому мы с сыном фиксируем открытия с помощью фотоаппарата.

Повозка доехала до маленького городка, который показался Фейт больше похожим на деревню, и стала подниматься по разбитой зигзагообразной улочке. Каждый раз, когда экипаж трясло, Миртл нервно хваталась за проем окна, заставляя остальных тоже волноваться.

— Вон то сооружение на мысу — это телеграфная башня, — заметил Клэй.

Фейт смогла различить лишь довольно большую обветшавшую постройку цилиндрической формы. Вскоре слева от них показалась маленькая церковь с конусообразным шпилем.

— Дом священника находится сразу за церковью. Надеюсь, вы окажете мне честь и зайдете на чашку чаю во время вашего пребывания на Вейне.

Экипаж еле-еле карабкался вверх по холму, отчаянно скрипя и громяхая, и Фейт опасалась, что у него вот-вот отвалится колесо. Вдруг повозка резко остановилась, и по крыше кто-то стукнул два раза.

— Прошу прощения. — Клэй открыл дверь и выбрался наружу.

Сверху донеслись звуки оживленного разговора на смеси английского и французского, но Фейт не смогла разобрать, о чем речь. В двери снова возникло лицо Клэя, встревоженное и озабоченное.

— Приношу мои глубочайшие извинения, но, кажется, у нас проблема. До дома в Булл-Коув, который вы арендовали, можно добраться по нижней дороге, идущей вдоль берега, или по верхней, которая проходит по гребню горы и затем спускается вниз. Я только что узнал, что нижняя дорога затоплена. Вообще здесь есть волнорез, но когда прилив высокий и волны сильные... — Он нахмурил лоб и бросил извиняющийся взгляд на низкое небо.

— Вы намекаете, что верхняя дорога длиннее и более утомительна? — отрывисто спросила Миртл, бросив взгляд на насупленного Говарда.

Клэй поморщился.

— Это... очень крутая дорога. На самом деле кучер сказал мне, что лошадь не осилит подъем... э-э-э... с таким количеством багажа.

— Вы предлагаете нам отправиться *пешиком*? — Миртл застыла, как истукан, и ее хорошенький маленький подбородок напрягся.

— Мама, — прошептала Фейт, предчувствуя, что иного выхода нет, — у меня с собой зонтик, и я не против немного прогуляться...

— Нет! — отрезала Миртл достаточно громко, чтобы заставить Фейт покраснеть. — Если мне предстоит стать хозяйкой нового дома, я не появлюсь там в облике мокрой крысы. И тебе не позволю!

Внутренности Фейт скрутило от нарастающей злости. Ей хотелось закричать: «Какое это имеет значение? Прямо сейчас газеты раздирают нас в клочья, а ты правда думаешь, что люди станут презирать нас еще больше только потому, что мы мокрые?»

Викарий выглядел озабоченным.

— Тогда, боюсь, экипажу придется сделать две поездки. Неподалеку есть старая хижина — пункт наблюдения за стаями сардин. Мы можем оставить там ваши вещи, а потом экипаж вернется и заберет их. Я с радостью останусь и присмотрю за ними.

Миртл благодарно просияла, но муж не дал ей ответить.

— Так не пойдет, — объявил отец Фейт. — Прошу прощения, но в некоторых из этих коробок находятся уникальные образцы флоры и фауны, и я *должен* проследить, чтобы их разместили в доме как можно скорее, иначе они погибнут.

— Что ж, я с радостью подожду в этой хижине и избавлю лошадь хотя бы от *своего* веса, — заявил дядюшка Майлз.

Клэй и дядюшка Майлз вышли наружу, поснимали с крыши чемоданы и ящики с личными вещами семьи, оставив только коробки с образцами. Но даже после этого кучер, взглянув на осевшую карету, дал понять, что она все еще перегружена. Отец Фейт даже не пошевелился, чтобы присоединиться к остальным мужчинам.

— Эразмус... — начал дядюшка Майлз.

— Я не могу бросить образцы, — оборвал его преподобный.

— Может, мы оставим хотя бы один ящик? — предложил Клэй. — Например, коробку с этикеткой «Различные черенки», которая гораздо тяжелее остальных...

— Нет, мистер Клэй, — тотчас прозвучал ледяной ответ преподобного. — Эта коробка имеет *особую* важность.

Отец Фейт окинул свое семейство холодным, отстраненным взглядом. Он скользнул по

Миртл и Говарду и остановился на Фейт. Девочка покраснела, понимая, что сейчас ее оценивают с точки зрения веса и значимости. В желудке появилось сосущее чувство, как будто ее поместили на чашу гигантских весов. Наконец, Фейт стало плохо. Она больше не могла ждать, пока отец вынесет свой унижительный вердикт. Не глядя на родителей, девочка неуклюже поднялась. На этот раз Миртл не пыталась остановить ее. Как и Фейт, она услышала мысленное решение преподобного и покорно поддалась ему, наткнувшись на невидимую преграду.

— Мисс Сандерли? — Клэй искренне удивился, увидев, как Фейт сходит с повозки и наступает прямо в поджидавшую ее лужу.

— У меня есть зонтик, — быстро сказала она, — и я хочу немного подышать свежим воздухом. — Эта маленькая ложь позволила ей сохранить остатки достоинства.

Кучер еще раз оценил уровень осадки экипажа и на этот раз удовлетворенно кивнул. По мере того как повозка с грохотом удалялась, Фейт отводила взгляд от своих спутников. Щеки горели от унижения, несмотря на ледяной ветер. Она всегда знала, что ею дорожат меньше, чем Говардом, драгоценным сыном. Но теперь она узнала, что стоит даже меньше, чем «различные черенки».

Хижина примостилась на склоне холма, обращенном к морю, и была грубо сложена из темных гладких камней. Из-под покатой глиняной крыши выглядывали маленькие окошки без стекол, на полу там и сям виднелись землистого цвета лужи. Барабанный стук дождя над головой понемногу стихал.

Дядюшка Майлз и Клэй по очереди втащили внутрь чемоданы и коробки, а закоченевшая Фейт тем временем отряхивала капли со своей шляпки, досадуя на собственную бесполезность. Лишь когда к ее ногам с грохотом поставили отцовский сейф, ее сердце подпрыгнуло. В замке забыли ключ. В сейфе хранились все личные бумаги отца: дневники, научные заметки, переписка. Возможно, они подскажут причины загадочного скандала, приведшего их сюда.

Фейт прочистила горло:

— Дядюшка... мистер Клэй... у меня одежда намокла. Не могли бы вы... — Она умолкла, показав жестом на влажный воротник.

— Ах да, разумеется! — Клэй засуетился, ведь джентльмены часто приходят в замешательство при одном упоминании дамской одежды.

— Кажется, дождь стихает, — заметил дядюшка Майлз. — Мистер Клэй, как вы насчет того, чтобы прогуляться по холму и рассказать мне о раскопках?

Мужчины вышли наружу, и через некоторое время их голоса стихли. Фейт опустилась на колени рядом с сейфом, обтянутым кожей. Пальцы скользили, и она решила было снять тесные намокшие перчатки, но поняла, что это займет слишком много времени. Застежки сейфа были тугими, и она стала нетерпеливо дергать их, пока они не поддались. Ключ повернулся, крышка откинулась, и Фейт увидела листы кремовой бумаги, исписанные разными почерками. Ей больше не было холодно. Лицо горело, а пальцы покалывало от нетерпения. Она начала читать письма, осторожно вынимая их из конвертов и держа за краешек, чтобы ничего не испачкать и не помять. Сообщения из научных журналов. Письма от издателя его брошюр. Приглашения из музеев.

За этим скрупулезным занятием Фейт утратила чувство времени. Наконец она наткнулась на письмо, привлекавшее ее внимание: «...подвергая сомнению аутентичность не

одного ископаемого образца, но всех, которые вы предъявили научному сообществу и на которых основана ваша репутация. Они утверждают, что в лучшем случае образцы умышленно были изменены, а в худшем — совершенные подделки. Нью-фолтонская находка, утверждают они, — это две искусственно соединенные окаменелости, и сообщают о следах клея в суставах крыльев...»

Когда раздался стук в дверь, Фейт подпрыгнула.

— Фейт! — послышался голос дядюшки. — Экипаж вернулся!

— Секунду! — отозвалась она, торопливо складывая письмо.

И тут ей бросилось в глаза большое синее пятно на ее белой перчатке. С ужасом она осознала, что размазала чернила на письме, оставив след от пальца.

Глава 3

Булл-Коув

Повозка по-прежнему громыхала, двигаясь второй раз по верхней дороге. Фейт крепко сжала кулаки, чтобы скрыть пятно. Она ненавидела себя. Если отец просмотрит письма, он сразу наткнется на следы ее деятельности. Кто еще оставался наедине с сейфом? Он быстро вычислит, что виновата она. Ее поймут. Она *заслуживает*, чтобы ее поймали. О чем она только думала? В то же время ее мозг пытался осмыслить прочитанное, кипя от возмущения за честь отца. Кому пришло в голову предположить, что его открытия — подделки, не говоря уже о знаменитой находке из Нью-Фолтона? Все согласилось, что она подлинная. Все. Множество экспертов изучали ее, ощупывали, ликовали, писали о ней. Один журнал назвал ее «нью-фолтонским нефилимом», ^[3] хотя отец никогда так не говорил, и объявил, что это «находка десятилетия». Как все они могли ошибаться? «Должно быть, у отца есть враги. Кто-то пытается погубить его».

Уже стемнело, когда они достигли вершины холма и начали спускаться по неровной извилистой дороге. Наконец повозка остановилась, и Фейт заметила желтый свет, струившийся из открытой двери. Это был старый фермерский дом с черепичной крышей, построенный из шероховатого бурого камня, напоминавшего колотую карамель. По другую сторону мощеного двора находились конюшня и амбар. За ними поднимался купол оранжереи, и ее стекла в полумраке казались молочными. Дальше раскинулась лужайка, а за ней — темная чахлая рощица и еще какие-то неясные очертания, напоминающие дом.

Повозка проехала по лужам и остановилась. Клэй выпрыгнул наружу и помог Фейт выйти, пока дядюшка Майлз отсчитывал кучеру чаевые.

— Добро пожаловать! — Викарий торопливо поклонился Фейт и дядюшке Майлзу. — Не буду задерживать вас под дождем!

Подбежал слуга и начал выгружать багаж. Раскрыв зонт, дядюшка Майлз и Фейт поспешили к распахнутой двери, где столкнулись с сухопарой женщиной средних лет, отступившей в сторону, чтобы впустить их.

— Мистер Майлз Каттисток и мисс Сандерли? Я Джейн Веллет, экономка. — У нее был низкий мужеподобный голос и маленькие пронизывающие насквозь глаза. Одета она была в полосатое темно-зеленое платье, застегнутое под горло.

Прихожая оказалась темнее, чем они ожидали: свет падал лишь из двух ламп, стоявших на подоконниках. Потолок подпирали черные деревянные балки. В воздухе Фейт уловила запах парафина и другие ароматы, возвещавшие, что этот дом стар, у него свои порядки и что это не ее дом.

Вскоре Фейт сидела перед пылающим камином рядом с дядюшкой Майлзом и Миртл, держа чашку с горячим бульоном в руках. Если Миртл и чувствовала угрызения совести из-за того, что бросила дочь на дороге, она умело их скрывала. Ее щеки порозовели, и она имела важный вид — она явно уже произвела разведку в новом семейном обиталище и нашла его прискорбно неудовлетворительным.

— У них *совсем нет газа*, — поведала она Фейт театральным шепотом. — Говорят, что в городе кое-где есть, но здесь нам придется обходиться лампами и свечами. Кухарки тоже нет, только экономка, горничная и слуга. Они все обслуживали последних жильцов — двух больных леди, вот их и оставили. По всей видимости, готовили экономка и горничная, но

как они справятся с семьей из пяти человек? И для Говарда нет няни, тебе придется позаботиться о нем, Фейт, пока мы не найдем кого-нибудь.

— Где отец? — спросила Фейт, когда мать взяла паузу, чтобы перевести дух.

— Он ушел на поиски места для какого-то ботанического образца, сразу как приехал, — устало ответила Миртл. — По-видимому, оранжереи недостаточно. Он уже целую вечность назад ушел в то здание, дрожа над своим растением.

— В какое здание?

— В старую башню. — Миртл прочистила горло, когда экономка проходила мимо двери. — Миссис Веллет, что это за башня?

— Предполагалось, что это будет смотровая башня, мэм, — с готовностью ответила миссис Веллет, — для слежки за кораблями Наполеона. Здесь, на Вейне, не строили крепости, как на Олдерни. Джентльмен, который владел этим домом в те времена, решил, что ему надо построить свои собственные защитные сооружения, как подобает доброму англичанину.

— Ну и как, эта башня пригодилась? — спросила Миртл.

— У него закончились деньги до того, как он ее достроил, мэм, а потом и война закончилась, — объяснила миссис Веллет. — Какое-то время ее использовали для хранения яблок... но там протекала крыша.

— Странное место для растения, — пробормотала Миртл и вздохнула. — Так или иначе, не стоит мешать ему и даже просто приближаться к башне. По-видимому, это растение экзотическое и ужасно хрупкое, от неподготовленного взгляда листья могут осыпаться или произойдет еще что-нибудь в этом роде.

Фейт задумалась: что, если ее отец скрылся в заброшенной башне, потому что это единственное место, где он мог уединиться? Ее сердце заныло. Она знала, что некоторые крупные животные уходят из стаи, когда они ранены.

Даже Миртл с ее болтливостью умолкла: долгое путешествие вымотало их. Когда мать заметила, что голова Фейт поникла, она велела ей отправляться в постель.

— У тебя самая маленькая комната, дорогая, — сказала Миртл, — но ничего не поделаешь. Ты же не против?

Миссис Веллет взяла свечу и предложила проводить Фейт в ее комнату. Когда они вышли в коридор, Фейт глянула в другую раскрытую дверь и заметила, что маленькую гостиную приспособили под отцовский зверинец. Ящерицы смотрели на нее сквозь стекло. Старый вомбат чихал и ворочался во сне — этим он занимался все последнее время. Фейт вдруг сообразила, что не видит змею, и нахмурилась.

Все чемоданы и коробки были составлены вдоль стены коридора. С удивлением она увидела в самом низу ящик со змеей. Его бросили в холодном коридоре, словно шляпную коробку. Фейт подбежала к ящику и присела, прильнув ухом к стенке. Ни звука.

— Миссис Веллет, вы не могли бы распорядиться, чтобы этот ящик отнесли в мою комнату?

Комната Фейт оказалась крошечной, в два раза меньше, чем ее спальня в Кенте. Веселый огонь камина отбрасывал свет на умывальный столик с потрескавшейся мраморной столешницей, старый комод для одежды и кровать с пологом на четырех столбиках, заставшую еще предыдущего монарха. В тени за комодом она заметила дверь с широкими засовами.

— Желаете, чтобы вам принесли поссет^[4] перед сном? — спросила экономка.

— У вас, случайно, не найдется дохлой мыши? — Не успев договорить, Фейт поняла, что это был не лучший ответ на вопрос. — Мой отец держит цейлонского лазающего полоза, — поспешно добавила она, увидев, что брови миссис Веллет поднялись еще выше. — Мясо... подойдут маленькие кусочки свежего мяса, — запинаясь, продолжила Фейт. Пожалуй, она произвела не самое приятное первое впечатление. — И несколько тряпок. И... поссет был бы очень кстати, благодарю вас.

Оставшись наконец в одиночестве, она открыла ящик и извлекла клетку. Полоз свернулся на дне грустной золотистой восьмеркой с черно-белыми пятнышками. Дома Фейт много времени проводила в отцовском зверинце и даже заботилась о животных, пока он отсутствовал. Змея же всегда была ее любимицей. Отец привез ее из Китая восемь лет назад.

Погладив полоза по спине, Фейт с облегчением заметила, как животное шевельнулось. Слава богу, жив. Девочка поставила клетку на комод подальше от сквозняка, но не слишком близко к огню. Полоз любил прохладу, слишком высокая температура убьет его так же верно, как и чересчур низкая.

Миссис Веллет принесла сверток тряпок и миску с говяжьими обрезками. Когда она ушла, Фейт протолкнула тряпки в клетку, чтобы змея могла сделать из них гнездо, и наполнила миску водой из кувшина, стоявшего в изголовье кровати. Мясо полоз проигнорировал, но стал плескаться в воде. Убедившись, что ее питомец не собирается умирать, Фейт вспомнила о чернильном пятне на перчатке и попыталась отстирать его холодной водой, но тщетно. В конце концов она просто спрятала перчатки под матрасом.

Одежда была наказанием Фейт. Девочка не могла перейти пыльную дорогу, пройтись под дождем, присесть в ивовое кресло или прислониться к свежепобеленной стене, чтобы на ее туалете не осталось следов. Одежда вечно становилась источником вины для нее. «Элизе приходится часами отстирывать грязь с твоего подола...» Что еще хуже, одежда нередко предавала ее. Если Фейт тайком выскальзывала наружу, или пряталась в буфете, или прислонялась к пыльной двери, чтобы подслушать чей-то разговор, одежда выдавала ее. Даже если члены семьи не придавали этому значения, слуги знали все.

Фейт легла, но не могла уснуть. Конский волос в матрасе колелся сквозь простыню. Полог закрывался не полностью, пропуская влажный сквозняк. Длинный день накрепко отпечатался в ее мозгу, и, закрыв глаза, она вновь видела серое небо и темные беспокойные волны.

Ветер стучался в ставни и дергал дверь, и временами на его фоне Фейт слышала далекий шум, похожий на крики неизвестного животного. Она знала, что это, скорее всего, проделки ветра, но ее воображение нарисовало огромного черного зверя на мысу, воющего посреди бури. Она задумалась, пребывает ли до сих пор ее отец в добровольном заточении старой башни. Иногда Фейт чувствовала между ними незримую связь, словно тонкий корень, протянувшийся между мангровым деревом и его маленькими детенышами-плодами. На секунду она попробовала представить себе эту связь. А вдруг он почувствует то же, что чувствует она, если она как следует напряжется?

«Я в тебя верю, — мысленно сказала она. — Что бы ни говорили все остальные, я в тебя верю».

Фейт резко проснулась от частого стука шагов по деревянному полу. Открыв глаза, она увидела незнакомый полог над головой, и в ее сознании пронеслись картины вчерашнего

дня. Она отдернула занавески, опасаясь, что кто-то бежит прямо по ее комнате. Шаги звучали совсем близко, в нескольких ярдах от ее головы. К счастью, в комнате никого не оказалось. Замерев, она снова услышала шаги и на этот раз уловила четкий ритм: кто-то бежал по лестнице вверх или вниз. Черная лестница! Должно быть, ее комната соседствует с помещением для слуг, вот почему она слышит их шаги через стену. Фейт встала, медленно обошла спальню, прижимаясь ухом к стенам, и ощутила дрожь ликования, найдя место, где звуки слышались отчетливее всего. Она даже смогла разобрать отдаленный разговор!

Большинство людей возмутились бы таким соседством. Смысл черной лестницы заключался в том, чтобы слуги перемещались по ней, не тревожа членов семьи. Что же хорошего, если они постоянно мешают и к тому же будят тебя ни свет ни заря? Однако Фейт не ощутила досады, для нее это была возможность прикоснуться к невидимому миру слуг. Хотя, разумеется, она не будет использовать ее для *этого*.

Засовы на таинственной двери за комодом проржавели, но в конце концов поддались. После нескольких попыток дверь неохотно раскрылась, и Фейт ослепило яркое солнце. Перед ней был маленький садик, разбитый прямо на крыше, светлые каменные плиты блестели от капель росы. По периметру шла увитая зеленью кованая решетка, скрывавшая Фейт от глаз тех, кто находился внизу. Каменные фигуры детей, тронутые лишайником и временем, протягивали перед собой каменные чаши, в которых цвели неказистые сиреневые обриеты. В дальнем конце Фейт заметила маленькую калитку, увитую лозой, за которой начинались каменные ступеньки, скорее всего, ведущие вниз. Губы Фейт растянулись в улыбке. Если бы она имела обыкновение незаметно исчезать, теперь у нее есть для этого все условия — собственный выход из дома.

Она оделась и продолжила исследования нового обиталища Сандерли. Спускаясь по главной лестнице, девочка задумчиво считала ступеньки, запоминая, какие скрипят, а на какие можно наступать смело. Фейт поймала себя на мысли, что прикидывает, какие засовы и щеколды нужно смазать. Но нет! Фейт же бросила *это*! Вскоре ей предстоит конфирмация, напомнила она себе, испытав привычный испуг при этой мысли. В глазах церкви и Бога она станет взрослой. Ее грехи падут на нее всей своей тяжестью. Разумеется, она всегда чувствовала над головой огромный угрожающий маятник Божьего суда, и юность была ее единственной хрупкой защитой и извинением. Теперь она стала вполне взрослой, чтобы маятник сбил ее с ног одним ударом. Ей следует искоренить все плохие привычки. «Однако дом в Булл-Коув открывает кое-какие возможности», — насмешливо прошептал голос в ее голове.

Когда Фейт вошла в слабо освещенную, обшитую деревом столовую, ее мать отчитывала горничную — хорошенькую, но своенравную темноволосую девушку лет пятнадцати с вечной улыбкой в уголках губ.

— Нет, Жанна, это совершенно не годится! — Миртл ткнула пальцем в принесенный горничной поднос, где лежали два неаккуратных ломтя хлеба необычной формы. — Когда я прошу хлеба и масла, то ожидаю получить ломтик хлеба, отрезанный от *настоящей* буханки, вот такой толщины. — Миртл отмерила указательным и большим пальцами полдюйма. — Будь добра, имей это в виду.

Горничная недовольно поморщилась и унесла поднос.

— Что за дом! — воскликнула Миртл. — Я не могла сомкнуть глаз прошлой ночью! Держу пари, комнаты не проветрили. И что за ужасный грохот и рев раздавались всю ночь?

— По всей видимости, это был Большой черный бык,^[5] — подмигнув, ответил дядюшка Майлз. Во время сильной бури зверь выскакивает из недр земли и воет в небо. Но, скорее всего, это был совершенно естественный феномен — так бывает, когда ветер гуляет по прибрежным пещерам.

— Что ж, думаю, со стороны владельца дома было весьма нелюбезно сдать нам дом, не предупредив о ревущих быках-привидениях, — язвительно заметила Миртл.

— Да, но, по местным поверьям, на этом острове шагу нельзя ступить без привидений, — с улыбкой возразил дядюшка Майлз. — Вчера Клэй рассказал мне кое-какие истории — о плачущих женщинах, призрачных кораблях и тому подобном. Да, и, по всей видимости, во время войны с французами Вейн был приютом контрабандистов. Говорят, один из них перед смертью закопал тут баснословные сокровища и уже сорок лет его призрак пытается указать людям, где они лежат.

— Не больно-то он хорош в шарадах, — пробормотала Фейт себе под нос, сядя за стол.

— Что ж, теперь о более земных делах. Утром нам оставили две визитные карточки. — Миртл бросила взгляд на мужа. — Одна от доктора Джеклерса, дорогой, он пишет, что заедет к нам сегодня в два часа, чтобы забрать тебя на раскопки. Вторая — от мистера Ламбента. Он говорит, что в четыре часа у него дома собирается геологическое общество и что они будут счастливы видеть тебя в качестве почетного гостя. Да, и всех нас приглашают на чашку чая. К тому же он готов прислать за нами карету.

Преподобный бросил на жену короткий задумчивый взгляд, наклонил голову в знак того, что услышал ее, и молча продолжил жевать.

— Может быть, нам всем стоит поехать с доктором Джеклерсом и посмотреть на раскопки? — с надеждой предложил дядюшка Майлз. — Совершим семейную прогулку.

— Можно? — Фейт бросила на родителей умоляющий взгляд. Дома она проводила долгие часы в отцовской библиотеке, изучая книги, посвященные доисторическим животным, и восхищаясь рисунками, изображающими кости давно вымерших созданий. Мысль о том, чтобы увидеть настоящие раскопки воочию, взволновала ее.

Миртл взглянула на мужа. Тот бросил отстраненный взгляд на стол и прокашлялся:

— Не вижу причин, почему бы и нет.

Появилась Жанна, аккуратно поставила поднос с невинным видом и направилась к выходу. Ломти с нарочитой тщательностью были порезаны на куски толщиной в полдюйма, но не пережили такого обращения. Ошметки хлеба лежали на шрапнели из крошек, сохраняя форму лишь за счет масла.

— Жанна! — окликнула Миртл уходящую горничную, но та прикинулась глухой. — О, это уже слишком! Я все выскажу миссис Веллет, пусть даст ей нагоняй!

Сверху донесся приглушенный грохот, звук маленьких бегущих ножек, сопровождаемый хлопками дверей. Миртл скривилась и бросила взгляд на мужа, который поморщился, воздев глаза к потолку с явным неодобрением: Говарда не должно быть видно в такое время и тем более слышно.

— Фейт, — тихо произнесла Миртл, — ты не будешь так добра позавтракать с братом сегодня, а потом помочь ему с уроками? — Она даже не посмотрела на дочь, чтобы услышать ответ.

Фейт завистливо окинула взглядом жаркое из рыбы, риса и карри, ломтики бекона, тосты и мармелад и встала. Однажды Миртл объяснила Фейт, как правильно отдавать

приказы слугам. Формулируешь фразу в виде вопроса, чтобы слова не прозвучали грубо: «Не могли бы вы подать чаю? Не могли бы вы поговорить с кухаркой?» Но вместо вопросительной интонации говоришь утвердительно, чтобы показать, что на самом деле это не вопрос и никому и в голову не придет ждать отрицательного ответа. Фейт подумала, что именно так мать с ней и обращается.

Говарду отвели две сообщающиеся комнаты — ночную детскую для сна и дневную детскую для игр, уроков и приема пищи.

— Ненавижу эти комнаты, — объявил он, понемногу откусывая тост и запивая его водой. — Тут ночью бегают крысы. Я не могу спать без Скордл.

«Скордл» было исковерканное «мисс Коддл» — имя его няни, дома, в Кенте, спавшей с ним в одной комнате. Фейт втайне нравилось прозвище «Скордл» — оно походило на имя загадочного животного.

Фейт и сама не любила детские, но по другим причинам. Весь прошлый год она чувствовала себя словно на качелях, швырявших ее из детства во взрослую жизнь и обратно. Яснее всего это ощущалось во время приема пищи. Порой она обнаруживала, что за ночь выросла со скоростью бобового стебля и ей дарована честь есть вместе с родителями в столовой. А потом без предупреждения она снова оказывалась в детской вместе с Говардом и миской каши, и маленький не по росту стул скрипел под ее весом.

Детская еда была «простой» и «полезной», что обычно означало безвкусной и вконец переваренной. Все детские воняли картошкой, рисовой кашей и дважды проваренной бараниной. От этого запаха Фейт казалось, будто на нее натянули старое платье, которое ей отчаянно мало. Ей хотелось чесаться.

— В другую руку... — Фейт ласково переложил ложку из левой руки Говарда в правую. Ежедневная борьба.

Главная трудность ждала ее после завтрака ей предстояло одеть брата в синий пиджак. Говард терпеть не мог этот пиджак, который ему приходилось носить на всех уроках. Левый рукав его был пришит к боку, таким образом, левая рука оказывалась в ловушке кармана, и он не мог ей пользоваться.

Упорное желание Говарда делать все левой рукой было, по словам Миртл, прихотью, из-за которой не стоило беспокоиться, но ее не стоило и поощрять. Гувернантка, воспитывавшая его до «Скордл», была слишком снисходительной, и у него развились кое-какие «дурные привычки».

— Ты же знаешь, что говорит мама! Тебе надо научиться писать и есть как положено до того, как ты пойдешь в школу! — Родители собирались отправить сына в закрытую школу, когда ему исполнится восемь.

Говард поморщился, как он делал всегда, когда речь заходила о школе. Фейт сглотнула комочек горечи и зависти.

— Ты везунчик, Говард. Некоторые были бы счастливы, если бы их отправили учиться в хорошую школу. — Фейт не стала сознаваться, что сама относится к их числу. — Послушай! Если ты наденешь пиджак и сделаешь свои письменные задания, потом мы пойдем гулять в сад. Ты сможешь взять с собой пистолет!

Сделка показалась Говарду приемлемой.

Выйдя из дома, Говард бежал и стрелял по окнам верхних этажей, направляя на них свой

деревянный пистолетик и истошно вопя: «Бум! Бум!» Он «подстрелил» черных ворон, флегматично подпрыгивавших при его внезапном приближении и лениво раскрывавших крылья, чтобы опередить его. Он стрелял во все, что попадалось им на грязной каменистой тропинке к морю.

Если бы кто-то заметил, как он ведет себя, Фейт наверняка отругали бы, что она позволяет ему так «утомляться». Все очень боялись, что Говард, единственный выживший сын, подхватит какую-нибудь смертельную простуду. Фейт уже была свидетельницей того, как пятеро ее младших братьев перестали цепляться за жизнь и увяли, словно маргаритки. Одни умерли в младенчестве, другие протянули несколько лет. Первых двух звали Говардами, потом были Джеймс и два Эдварда. Поэтому все считали выжившего Говарда хрупким, как будто умершие братья протягивали к нему руки. Но Фейт знала, что Говард гораздо крепче, чем полагают ее родители. Она понимала, что ему нужно бегать и носиться изо всех сил, пока он не устанет, а еще играть со своим пистолетиком. Он стрелял в те вещи, которые его пугали. Так он пытался сделать новый, незнакомый окружающий мир более безопасным.

Ее взгляд зацепился за приземистую башню на краю рощи. В свете дня Фейт обнаружила, что древнее строение — не более чем одноэтажный обрубок, глазницы окон заросли плющом, а каменная кладка была испещрена бурыми пятнами. Фейт захотелось осмотреть руины, но у нее были более неотложные занятия. Перчатки-улики жгли ей карман. Надо было как можно скорее от них избавиться, пока их не обнаружила какая-нибудь служанка.

Ближе к морю тропинка раздвоилась. По левой можно было взобраться на утес, но Фейт и Говард свернули направо, на выложенную булыжниками дорожку, ведущую к пляжу. Там Говард носился как сумасшедший, метаясь в птиц, расстреливая грязно-коричневые утесы, вздымавшиеся по обе стороны, и собственную тень на влажном песке.

На пляже стоял маленький лодочный сарай с единственной лодкой внутри, возле которой была навалена куча камней. Пока Говард носился по берегу, Фейт проскользнула в сарай и сунула перчатки между парой валунов, сразу почувствовав облегчение. Почему-то чувство вины было острее, пока ее могли поймать с поличным.

Фейт вернулась на пляж. Ей тут скорее нравится, подумала она, несмотря на все эти мрачные цвета и свинцовую серость неба. Перед ее мысленным взором раскрылись учебники отца по естественной истории, и она с легкостью нашла слова для того, что видела. Вот проворные острокрылые крачки плавно скользят по серому воздуху. Вот важная черно-белая гагарка чистит перья на обломке скалы. Белые цветки морских водорослей трепещут среди камней.

Вглядевшись в далекий скалистый мыс, сильно выступавший в море, Фейт заметила, что волны бушуют там особенно яростно, разбрасывая вокруг шматки пены. Там и сям виднелись черные расщелины и треугольные разломы у основания скалы.

— Смотри, Говард! — окликнула она и махнула рукой. — Гроты!

Говард подбежал к ней и прищурился, всматриваясь по направлению ее пальца, потом прицелился пистолетиком.

Там есть чудовища? — задумчиво спросил он.

— Возможно.

Давай поплывем туда на лодке и поглядим!

Фейт бросила взгляд на лежащую в сарае лодку, а потом уставилась на взволнованное

море. Темные провалы в скале манили ее, как магнит.

— Может, в другой раз, — произнесла она, скорее уговаривая саму себя, — и нам надо будет спросить разрешения у папы с мамой.

Когда Говард набегался, Фейт повела его по тропинке обратно в дом. Увидев желто-бурую башню, она остановилась. Накануне вечером отец провел несколько часов в этой башне, хлопоча над каким-то загадочным растением. Тогда она предположила, что он просто хочет побыть наедине, но сейчас вспомнила этикетку «различные черенки», из-за которых она лишилась места в повозке. Слишком размытое определение, если вдуматься. Обычно ее отец был более точен в формулировках.

— Говард, хочешь поохотиться на львов около башни?

Фейт в поисках двери пришлось зайти со стороны леса. Из дома ее не могли видеть, и девочка, не в силах побороть соблазн, отодвинула ветхий засов и распахнула тяжелую деревянную дверь. Внутри царил мрак. От странного запаха, холодного, словно мята, щипало глаза. Она взглянула вверх: темные балки были затянуты паутиной. Крыша не пострадала от времени, с удивлением обнаружила она, и совершенно перекрывала дневной свет. Почему отец устроил здесь драгоценное растение? Ведь сюда не проникает солнце...

Фейт осторожно шагнула вперед, поскользнувшись на влажном каменном полу, и всмотрелась в темную маленькую круглую комнатку. Около дальней стены стояло нечто куполообразное, закрытое брезентовой тканью, из-под которой выглядывало основание горшка. Вся конструкция была высотой в два фута — подходящего размера, чтобы уместиться в ящик. Двинувшись к свертку, Фейт внезапно осознала, что крики «Бум!» стали громче и беспокойнее. Почувствовав укол совести, она выбежала наружу и быстро захлопнула за собой дверь, осматриваясь с опаской, нет ли поблизости отца. Вместо этого она увидела Говарда, пулявшего по зарослям: сквозь папоротники пробирался незнакомый мужчина.

Он не принадлежал к числу слуг, Фейт сразу это поняла. Поношенная одежда, спутанные волосы, клочковатая борода. В руке деревянная кадка. Скорее всего, незаконно проникший на их территорию. Фейт испугалась. Все волоски на ее теле встали дыбом, как у животного, учувшего представителя другого вида. Четырнадцать лет внушаемых страхов вылились в приступ паники. Незнакомец. Она девушка, почти женщина, и ни при каких обстоятельствах ей не следовало появляться в обществе незнакомца без защитников и свидетелей. Иначе могло произойти ужасное.

— Бум! — завопил Говард. — Бум!

Мужчина остановился и повернулся к ним. Фейт подхватила Говарда и на всех парах понеслась к дому. Ворвалась в парадную дверь и чуть не столкнулась с матерью, выходящей из гостиной.

— Боже мой! — Брови матери взметнулись вверх. — Фейт, в чем дело?

Фейт поставила Говарда на ноги и рассказала обо всем прерывающимся голосом. Миртл бросилась хлопотать над Говардом, решившим, что он, должно быть, ушибся. Мальчик тут же заплакал.

— Позаботься о Говарде, Фейт, а я поговорю с твоим отцом.

Через несколько секунд в гостиную, где Фейт пыталась отвлечь внимание Говарда, явился отец.

— Где ты видела того мужчину? — спросил он.

— Около башни, — ответила Фейт.

— Насколько близко он подошел?

Фейт никогда не видела его столь взволнованным и злым. Теплая волна разлилась по ее телу при мысли, что отец заботится о ней.

— Примерно на десять ярдов, он шел мимо, вниз по холму.

Миссис Веллет явилась вскоре после звонка преподобного. Ее щеки слегка покраснелись, и Фейт подумала, дала ли та нагоняй горничной по поручению Миртл.

— Наверное, это Том Пэррис, — сразу же ответила миссис Веллет, когда Фейт описала незнакомца.

— Может быть, вы мне скажете, почему этому Пэррису дозволено нарушать границы владений? — холодно спросил преподобный.

— Прошу прощения, сэр, — тихо ответила экономка, — но по этим землям проходит кратчайший путь к пляжу. Это лучший пляж на острове для ловли моллюсков, так что... — Она развела руками в попытке оправдаться. «Так уж обстоят дела, с этим невозможно ничего поделать».

— Больше никаких вторжений на территорию, — резко объявил преподобный. — На мне лежит ответственность за безопасность жены и детей, а также за ценные образцы в оранжерее, и я не намерен терпеть здесь бездельников и воров. Пока я арендую эту усадьбу, я буду считать всех посторонних нарушителями. Если кто-то из них вам знаком, передайте, что я поставлю капканы.

«Насколько близко он подошел?» Поначалу, растрогавшись, Фейт приняла эти слова за выражение заботы о ее с Говардом безопасности. Однако, успокоившись, она начала думать, что отец имел в виду другое: «Насколько близко он подошел к башне?»

Глава 4

Коварная пещера

В два часа дня к дому подъехала карета. Через минуту-другую в гостиную вошел крепкий мужчина средних лет с красными щеками, черными усами и сияющей улыбкой. Он представился доктором Джеклерсом и обменялся с преподобным приветствиями, несколько раз с силой тряхнув его руку, словно собирался оторвать ее.

— Преподобный! Какая честь познакомиться с вами! Я читал ваши статьи в журнале Королевского общества!

Дядюшку Майлза доктор приветствовал с куда меньшим энтузиазмом, несмотря на заверения дядюшки, что он тоже внес немалый вклад в естествознание и что, возможно, любезный доктор слышал о его крошечной заметке касательно ископаемых моллюсков. Миртл поспешно прервала брата покашливанием.

Когда Джеклерсу представили Фейт, доктор замешкался:

— Фейт... ах да, я помню ту историю! Но я думал... — Он умолк, вытянув руку и словно собираясь погладить по голове воображаемого малыша. — Это было так давно? Ты уже совсем взрослая!

Фейт улыбнулась ему с небольшим замешательством. Она сразу поняла, что за историю он имеет в виду, и всегда вспоминала тот день со смесью радости, тоски и смущения. Ей было семь лет, и как-то отец позвал ее прогуляться по пляжу. Она бежала рядом с ним вприпрыжку вне себя от счастья, что он изъявил желание побыть с ней. Нечасто приходилось ей видеть отца столь веселым и добрым. Время от времени он наклонялся, собирая какие-то камешки в корзину, и один раз даже соизволил показать камень ей. Он был белым, с небольшими трещинами и выпуклостями, образующими узор.

«Как думаешь, смогла бы ты найти такие же камни?» — спросил он. Просияв, Фейт начала бегать вокруг и приносить ему все камни, которые, как она надеялась, могли быть теми самыми, особенными, но чаще всего это были просто камни, блестевшие от морской воды, а высыхая, они тотчас тускнели в руках отца. В какой-то момент он резко свернул от воды и повел ее к подножию утеса: «Попробуем поискать здесь, Фейт».

Пока он стоял, уставившись в море, девочка лазила среди валунов. Наконец она кое-что заметила — плоский камень со спиралевидным рисунком. Она принесла его отцу, осторожно держа обеими руками и трепеща от надежды и сомнения. «Молодец, Фейт. — Отец присел перед ней на корточки. — Это окаменелость, и очень любопытная. Запомни этот день: сегодня ты нашла свою первую окаменелость».

Намного позже Фейт прочитала в газетах об этой находке. Малютка Фейт, беззаботно играя на пляже, принесла отцу красивый камешек, в котором тот сразу признал чрезвычайно интересную окаменелость. Журналистам эта история так понравилась, что каждый из них не преминул написать о «бесхитростной девочке» и «несведущем младенце, распахнувшем дверь к чудесам природы».

После того случая, когда преподобному случалось представлять свою дочь коллегам-естествоиспытателям, все ожидали увидеть миниатюрное воплощение невинности с широко открытыми глазами. Обнаружив нескладную девушку-подростка, мало кто знал, как реагировать. Фейт покинула благословенный остров детства, но пока не пристала и ко взрослому. Она принадлежала двум мирам, словно русалка. Поэтому было неясно, как себя с

ней держать.

— Что же, юная леди, находили ли вы другие ископаемые? — нарочито весело спросил доктор Джеклерс.

Фейт покачала головой. Первая окаменелость оказалась последней. Никогда больше отец не брал ее с собой на поиски ископаемых. В тот солнечный, пропахший солью день он будто раскрыл перед ней дверь, а потом захлопнул снова. Она твердила себе, что дверь закрыта не навсегда, что отец по натуре человек необщительный и угрюмый. Он разрешал ей читать книги из его библиотеки, расшифровывать стенографические заметки и записывать под диктовку, и Фейт воспринимала это как знак, что он все еще хочет впустить ее в свой мир и что эта дверь может вновь распахнуться.

Доктор Джеклерс больше не смотрел на Фейт. Все ясно. Как и те мокрые камни, она утратила свой блеск.

Энтузиазм Говарда по случаю семейной прогулки тотчас погас, когда стало известно, что они не поедут к морю и ему не удастся поиграть с волнами.

— Но мы нашли маленькую лодку на пляже, и Фейт сказала, что мы поплывем на ней в гроты!

— Фейт пошутила, малыш. — Миртл с ужасом взглянула на Фейт. — Морские течения слишком сильные. Говард, разве ты не хочешь посмотреть, как работает твой отец?

Говард осторожно посмотрел на отца, вцепившись в руку Фейт.

Пока семейство Сандерли чинно выходило во двор, Фейт вся горела под наигранно безразличными взглядами слуг. Ботинки отяжелели, воротничок душил. Когда дверь закрылась, Фейт услышала приглушенный смех. Чутье отшельника подсказало ей, что слуги обсуждают ее сегодняшнее чересчур бурное возвращение домой. Ее родители продолжали восстанавливать против себя домочадцев, а теперь и она стала мишенью для язвительных шуток.

Был отлив, поэтому тронулись по нижней дороге вдоль мыса. По одну ее сторону вздымались морщинистые утесы, по другую виднелся волнорез — широкая стена примерно пяти футов высотой. Фейт задумалась, насколько яростно здесь бьют волны, раз они даже заливают дорогу, и почувствовала азарт.

— Что удалось найти? — спросил отец Фейт доктора Джеклерса.

— Мы подняли наверх осколки кремня, обработанные вручную, преподобный, и кости карликового гиппопотама, а еще зуб, который я классифицировал как зуб мамонта. — Доктор довольно потер ладони. — Я надеюсь раскопать человеческие останки, может быть, даже найти череп. Я люблю черепа, преподобный. Но... по правде говоря, я очень рад, что вы здесь, — наставите нас на путь истинный. — Доктор искоса взглянул на отца Фейт. — Боюсь, что те из нас, кто занимается раскопками, вот-вот вцепятся друг другу в волосы. Ламбент — дилетант, напрочь лишенный терпения. Мы как можем сдерживаем его, чтобы он не ломился сквозь камень при каждом повороте. Но, поскольку пещера расположена на его земле, мы не можем его игнорировать. Потом наш славный викарий...

— Мистер Клэй произвел очень благоприятное впечатление, — вставила Миртл. В действительности ее утверждение таило в себе вопрос.

— О да! Но у него слишком старомодные взгляды для человека его лет. — Доктор говорил с улыбкой, хотя и слегка вымученной. — Но его тоже нельзя снимать со счетов, ведь именно он нашел пещеру. Вернее, его собака. Бедного пса угораздило свалиться в скрытую

от глаз шахту, и он сломал лапу. Мы потратили кучу времени, вытаскивая его оттуда. Что касается меня, я знаком с последними исследованиями в пещерах, а они нет, поэтому им не обойтись без меня. — Доктор невесело улыбнулся.

Фейт передернуло. Ее отца пригласили в качестве эксперта, но складывалось ощущение, что местные просто хотят, чтобы кто-то разрешил их разногласия.

Повозка повернула в глубь острова, затем поехала в гору и вновь по ровной дороге. Наконец экипаж остановился, и семья вместе с Фейт сошла на землю. Местность здесь была неровной и каменистой. Повсюду из земли выступали горные породы, гребни образовывали небольшие ущелья, по дну которых некогда струились потоки воды. Спуск в сторону моря представлял собой нагромождение утесов и ровных уступов, словно какой-то великан пытался соорудить здесь лестницу.

Доктор Джеклерс повел семейство Сандерли по выложенной опилками дорожке к ближайшему ущелью. Глянув вниз, Фейт увидела палаточный городок. С растущим возбуждением она поняла, что палатки разбиты около устья туннеля, высеченного в склоне горы между двумя огромными валунами. Вход укрепили деревянными балками, подобные подпорки Фейт разглядела и внутри. «Туннель в прошлое», — подумала она.

Когда доктор Джеклерс прокричал слова приветствия, пятеро мужчин в испачканных землей рабочих комбинезонах прекратили свои дела и вежливо выпрямились. Шестой мужчина, одетый как джентльмен, посмотрел на гостей, прикрыв глаза ладонью, а потом стал энергично подниматься по зигзагообразной тропинке им навстречу.

— Мистер Энтони Ламбент, — успел лишь сказать доктор, перед тем как владелец этих мест приблизился к ним.

Ламбент был ростом шесть футов, хотя всем показался еще выше, когда подлетел к ним светловолосым ураганом. Фейт предположила, что ему за тридцать, но в его походке до сих пор чувствовался молодой задор. Его зеленое пальто было слегка заляпано грязью, ярко-желтый галстук сбилсся набок.

— Преподобный! — Прокричав обращение, больше похожее на боевой клич, Ламбент рьяно схватил преподобного за руку.

Отец Фейт слегка отшатнулся, и на миг девочке показалось, что он начнет защищаться тростью. Едва дождавшись, пока доктор Джеклерс представил обе стороны, Ламбент торопливо повел гостей вниз по холму.

— Пойдемте, я вам сейчас все покажу! — Чувствовалось, что он был слегка не в себе, как лошадь, готовая в любой миг взбрыкнуть.

Миртл сделала недовольное лицо, аккуратно спускаясь по тропинке, Фейт с не меньшей осторожностью последовала за ней. Идти было трудно — они не видели куда ступают. Спустя какое-то время Ламбент спохватился, что гости сильно отстали, и вернулся к ним.

— Прощу прощения! — сказал он. — Всему виной моя безнадежно неутомонная натура — я должен быть все время в движении.

— Наверное, из-за этого вы мало спите? — поинтересовалась Миртл.

— О да, много лет я спал не больше двух часов в сутки, и доктора ничего не могли с этим поделать. Осмелюсь сказать, я вынужден был прибегнуть к снотворному. К счастью, теперь у меня есть моя дорогая жена, которая оказывает на меня поразительно успокаивающее воздействие. Стоит Агате раскрыть рот, как я начинаю зевать.

Фейт подумала, что вряд ли его «дорогая жена» обрадовалась бы такому комплименту.

Добравшись до подножия холма, Ламбент обратил внимание на деревянный пистолетик

Говарда.

— Эй! — Он наклонился, приблизившись вплотную к брату Фейт. — Кто у нас тут — солдат? Или спортсмен? О, да вы охотник на крупную дичь, сэр?

Оцепенев, Говард уставился на казавшееся огромным усатое лицо Ламбента и неопределенно кивнул.

— Превосходно! — воскликнул Ламбент. — И что же вы подстрелили, сэр?

Говард раскрыл было рот и вновь замер. Глаза расширились от испуга и напряжения. Наконец раздались невнятные звуки, готовые превратиться в слова:

— Ль... ль... ль....

Фейт поняла, что робость и страх лишили Говарда дара речи. Теперь чем больше людей будут смотреть на него, тем хуже. Она поспешно подошла и мягко положила руку ему на плечо.

— Львы, — быстро сказала девочка. — Говард стрелял во львов.

Ламбент откинул голову и расхохотался:

— Отважный малый! Полагаю, вы готовы путешествовать по всему миру, как ваш отец?

Говард моргнул, зачарованно уставившись на светлую гриву владельца этих мест.

— Крок! — крикнул Ламбент.

Смуглый широкоплечий парень, приблизившись, козырнул. Почти такой же высокий, как Ламбент, он слегка наклонял голову и сутулился, чтобы казаться пониже. Двигался он с неспешной осторожностью, словно боясь задеть кого-нибудь.

— Это мой бригадир Бен Крок. Крок, позаботься, пожалуйста, о дамах, пока я покажу джентльменам раскопки. — Он улыбнулся ему и подмигнул, намекнув, что «отважный малый» Говард относится к джентльменам.

Джентльмены захватили фонарь, в который была вставлена специальная свеча, и Ламбент повел их в туннель — преподобного, дядюшку Майлза и даже мелюзгу Говарда, вцепившегося в дядюшкин рукав. Леди остались в стороне, чтобы о них «позаботились»! У Фейт будто захлопнули дверь прямо перед носом.

Среди удобных и уместных здесь брезентовых тентов было возведено простейшее деревянное сооружение, покрытое роскошной красной тканью с бахромой и смахивавшее на бедуинскую палатку с открытым входом. Внутри стояли диван, маленький столик и несколько кресел, два из которых тотчас подставили Миртл и ее дочери. В фарфоровой чашке, забытой на столе, Фейт заметила остатки янтарного чая. Очевидно, это место было специально оборудовано для леди. Но Фейт не хотелось сидеть. Наконец-то она оказалась на раскопках! На настоящих *научных* раскопках! Она осмотрелась, завороченная даже тачкой с наваленными на нее булыжниками. В дальнем конце узкого ущелья она заметила Клэя, устанавливавшего камеру на треножник. Ему помогал мальчик примерно того же возраста, что и сама Фейт. Она вспомнила, что Клэй упоминал о сыне.

В ближайшей палатке Фейт заметила длинный стол, заставленный низкими деревянными ящиками.

— Мистер Крок, можно мне посмотреть? — Она показала рукой в сторону палатки: любопытство взяло верх над стеснительностью.

— Фейт, не стоит отвлекать мистера Крока! — Миртл взглядом попросила ее умолкнуть, но Фейт не собиралась сидеть тихо — не сейчас.

— Пожалуйста!

— Не вижу в этом никакого вреда. — Крок вежливо улыбнулся им обоим и отодвинул

полотнище, впуская их в палатку.

Приблизившись к столу, Фейт обнаружила, что ящики подписаны чередой загадочных чисел, внутри лежали бурые, обмазанные каким-то составом обломки и осколки чего-то, похожего на кости.

— Лучше не трогайте, мисс, — тихо посоветовал Крок. — Испачкаете перчатки. Они еще влажные от...

— Раствора для схватывания, — автоматически договорила Фейт и взглянула на него. — Выварка из лошадиных копыт или что-то вроде того — чтобы предотвратить высохшие древние кости от разрушения. — Она читала о растворе для схватывания в отцовских книгах, но впервые ощутила его запах и увидела его липкие следы на костях, более древних, чем египетские пирамиды.

— Да, мисс. — Бен Крок выразительно моргнул. Его взгляд был таким же снисходительным, но девочка почувствовала, что он стал воспринимать ее иначе.

Фейт осмотрела обломки костей и обратила внимание на один осколок, лежавший чуть в стороне от других. Она не смогла сдержать вздох восхищения. На одном конце кость была заострена, а на противоположном виднелось идеально круглое отверстие.

— Мистер Крок, это иголка?

— Верно, мисс, — подтвердил Крок. — Выточенная из рога оленя с помощью каменного инструмента, как считают джентльмены.

— Ледниковый период?

— Доктор Джеклерс говорит, да.

Фейт поймала себя на том, что улыбается. От этих простых и спокойных ответов девочка почувствовала почти физическую радость. Она задумалась об этой иголке, выточенной в далекую эпоху нескончаемого льда, когда копыта оленей стучали по ледяным пустыням даже в Британии. Ей так захотелось дотронуться до нее, протянуть сквозь бесчисленные эпохи руку и схватить ее так, как когда-то делал это человек, создавший ее. Это было все равно что прикоснуться к звезде.

Когда они вышли из палатки, Миртл поравнялась с дочерью.

— Фейт, — прошипела она, — тебе обязательно вести себя так нелепо?

Вскоре из туннеля выскочил Ламбент в сопровождении «джентльменов». Говард в чем-то испачкался и выглядел сконфуженным.

—.. Так что наш туннель еще не дотянулся до пещеры, — вещал Ламбент, — но нет в мире такого предмета, с которым не справился бы бочонок с порохом. Давайте я покажу вам, как мы спускаемся в пещеру с поверхности!

Миртл осталась в «бедуинской палатке», а остальных членов семейства Сандерли Ламбент повел вверх по извилистой тропинке. Они поднялись на гребень холма, и взору Фейт открылось испещренное ямками и заросшее травой плато, на котором то тут то там виднелся низкий кустарник.

— Будьте осторожны! — радостно воскликнул Ламбент. — Именно в этих местах собака нашего викария неожиданно провалилась в яму, и кто знает, сколько их тут еще!

Впереди, в самой большой яме, находилась платформа из недавно обтесанных бревен. В середине ее Фейт рассмотрела продолговатое отверстие, над которым располагался крепкий каркас. К каркасу крепился вал с обвитой вокруг толстой цепью — конструкция напоминала механизм, позволяющий доставать воду из колодца. Но вместо ведра здесь висело что-то

вроде клетки без крыши с квадратным металлическим основанием. Высотой клетка была около трех футов.

— Я перевез этот механизм из заброшенной шахты на другой оконечности острова, — пояснил Ламбент. — Транспортировать груз мне помогал вон тот дружок. — Он указал на крепкую лошадь, к недоузду которой был прикреплен другой конец цепи. — Нам нужно было что-то в этом роде, спуск — футов тридцать.

Вцепившись Фейт в руку, Говард привстал на цыпочки в попытке разглядеть шахту.

— А! — воскликнул Ламбент. — Наш юный спортсмен присматривается к корзине! Хотите прокатиться в ней, сэр? — Он бросил взгляд на преподобного. — Что думаете, почтенный? Хотелось бы ему стать одним из первых людей со времен каменного века, увидевших эти пещеры? Мы могли бы опустить его на дюжину футов вместе с кем-то из мужчин и с фонарем — только чтобы мальчик смог заглянуть в пещеру.

В глазах преподобного загорелся тихий огонек. Он взглянул на Говарда, и Фейт поняла, что идея пришлась ему по вкусу. *Его сын* увидит доисторическую пещеру еще не выдавшую своих тайн. Это будет своего рода крещением. Он едва заметно кивнул, и сердце Фейт заняло от зависти.

Фейт смутно осознала, что Бен Крок с удрученным видом стал что-то нашептывать на ухо Ламбенту. Она расслышала только слова «ребенок» и «риск». Однако от всех его аргументов отмахнулись. Ламбент поманил Говарда, но мальчик продолжал цепляться за рукав Фейт. Его челюсть снова заходила ходуном, лицо покраснело от досады, потому что он не мог произнести ни слова.

— Он согласится, только если я поеду вместе с ним, — неожиданно прошептала Фейт отцу. Не смогла удержаться. Конечно, она бы предпочла, чтобы он воскликнул: «Фейт, я хочу, чтобы ты увидела это, чтобы разделила эту радость со всеми». Но раз ей остается лишь одно — воспользоваться слабостью младшего брата, это все же лучше, чем ничего.

Преподобный не метнул в нее гневный взгляд. Возможно, он заметил, что Говард при мысли о совместной поездке стал выглядеть менее испуганным. Наконец отец кивнул. Фейт покраснела от возбуждения, когда мужчины начали готовить корзину к спуску, первым делом прикрепив к ней масляный фонарь. По настоянию Бена Крока они также привязали по бокам натяжные канаты, чтобы корзину не вращало при спуске. Одна сторона клетки-корзины держалась на петлях, и ее отодвинули, чтобы впустить Фейт и Говарда.

— Сядьте на пол, так безопаснее, — велел Крок, и они послушались.

При виде его нахмуренного лба внутренности Фейт сжались от страха, но любопытство было сильнее. Фейт обняла Говарда, цепь загремела, и корзина начала опускаться. Они миновали деревянное основание конструкции, и теперь со всех сторон их окружал неровный, в щербинах красно-коричневый камень. В свете фонаря глаза Говарда горели.

— Это настоящее приключение, Говард! — прошептала Фейт. — Мы путешествуем в прошлое! На миллионы лет назад, когда здесь был не остров, а горная вершина. Никакого моря, только земля, покрытая слоем снега высотой с дом. Представь, по окрестностям бродят мамонты, и все вокруг дрожит от их поступи. Огромные стада оленей встряхивают рогами. Тут поросшие шерстью носороги, огромные, как лошади-тяжеловозы. Там саблезубые тигры.

Прошлое обступило ее. Она ощущала его кожей. Прошлое не было мертвым. Нет, оно было живым и так же интересовалось этой девочкой, как девочка интересовалась им.

Шахта расширялась, словно они спускались сквозь бутылочное горлышко. Свет фонаря

подчеркивал неровности стен, ниже царил абсолютный мрак. От скрежета металлической цепи, эхом отражавшегося в шахте, сводило зубы. Потом монотонная музыка сменилась слабым хрустом, и вдруг что-то оглушительно затрещало. Корзина стала падать.

Долю секунды Фейт ощущала полную невесомость и головокружительное отчаяние. Вскоре корзина застучала о каменные стены, и Говард пронзительно закричал. Фейт охватил панический ужас.

Внезапно корзина остановилась, резко дернувшись. Говард чуть не вывалился, и Фейт обхватила его одной рукой, другой вцепившись в прутья корзины. Что-то тяжелое, звякнув, больно ударило ее в спину. Это был конец оборвавшейся цепи. Застонав, когда корзина повисла над черной бездной, Фейт поняла, что канаты туго натянуты. Только они спасли их от неминуемого падения. Сверху кто-то кричал, но эхо мешало разобрать слова. Неуклюжими рывками корзина начала подниматься. Подняв голову, Фейт рассмотрела темные силуэты голов на фоне клочка синего неба. Когда корзина начинала раскачиваться, Фейт обратила внимание, что тонкие канаты трутся о каменные стены и постепенно расползаются.

— Тише, Говард, тише, Говард, тише, Говард... — бормотала Фейт, как заклинание. Всклипывания Говарда — все, что было у нее сейчас реального.

Небо стало ближе. Сверху к корзине протянули руки. Фейт подхватила Говарда под мышки и подняла как можно выше. Ее руки заболели и стали дрожать под его весом, но тут ее избавили от ноши. Говард болтал ногами, пока его поднимали вверх, и чуть не ударил Фейт по голове. Корзина начала подниматься быстрее, сверху снова протянули руки, на этот раз пытаясь схватить за ладони и плечи Фейт. Наконец они вцепились в нее, вытащили наружу, и вот она уже сидела на траве, едва веря в свое спасение.

Потом было много крика. Больше всех горячился Ламбент, метая громы и молнии. Он местный магистрат, он заставит кое-кого поплатиться. Основной мишенью его гнева был человек, продавший ему оборудование из старой шахты.

Говард ныл. Его предстояло осмотреть на предмет ранений, утереть сопلي носовым платком, погладить, утешить и предложить сладостей. Преподобный был холоден как лед от ярости, но постепенно смягчался под градом извинений. В конце концов, кто мог предположить, что такая толстая цепь лопнет? И благодаря натяжным канатам настоящей опасности не было.

На неверных ногах Фейт подошла к Бену Кроку, тот сидел на траве и пытался перевести дух. На его ладонях виднелись свежие кровавые ссадины от веревок.

— Спасибо, — тихо сказала она, указывая взглядом на его руки.

— Ни одна леди не должна испытывать такой страх в мою смену, — вот и все, что он ответил. — Надеюсь, вы сможете простить меня, мисс.

Глава 5

Череп и кринолины

Семейство Сандерли отправилось домой переодеться. В дороге они бурно обсуждали произошедшее. Миртл, вне себя от гнева, была готова отказаться ехать к Ламбентам на послеобеденный чай. Лишь когда ей доходчиво объяснили, что ее дети не подверглись реальной опасности, она наконец уступила. Фейт молчала. Она до сих пор помнила липкий ужас, когда Говард чуть не вывалился из корзины. В тот момент опасность казалась совершенно реальной.

Миртл сомневалась, относится ли приглашение «леди семейства Сандерли» в том числе и к Фейт. Если бы их позвали на ужин, Фейт, без всяких сомнений, осталась бы с Говардом. Но послеобеденный чай — несколько иное. В конце концов Миртл позволила Фейт поехать, хотя та заподозрила, что мать просто хочет использовать ее в качестве камеристки.

Поскольку событие предстояло довольно важное, Миртл согласилась затянуть детский корсет Фейт на дюйм ту же обычного, но запретила надевать ей более длинную, взрослую юбку. Фейт заметила, что в последний год подолы ее ровесниц стали длиннее. Большинство из них также перешли на взрослые корсеты, и Фейт начала стесняться своего неуклюжего, болтающегося детского корсета. Временами ей приходило в голову, что Миртл держит ее за ребенка из тщеславия, не желая признать, что ей уже немало лет.

Выходя из дома, Миртл обратила внимание, что на Фейт надеты ажурные перчатки.

— Где другие твои перчатки? — спросила она.

— Я... не знаю. — Фейт покраснела. — Уверена, что на катере я была еще в них... — Намек на то, что злосчастные перчатки могли упасть за борт.

— О, Фейт! — Миртл с упреком поджала губы.

Дом Ламбентов стоял на мысу, на самой вершине, меньше чем в миле от раскопок. Согласно старой деревянной табличке он именовался «Пейнтс». Четырехэтажный дом был построен из красного кирпича и отважно сносил порывы ветра, но окружавшие его заборы и шуплые деревья сдались под напором стихии, склонившись к высокой траве. Неподалеку виднелись большая конюшня и каретный двор. В псарне лаяли гончие.

Выбираясь из экипажа Ламбентов, Миртл, как обычно, замешкалась: ее кринолин — куполообразная клетка из металла, китового уса и льна, раздувавшая юбку сзади, — шуршал и колыбался, открывая взору изящные туфельки с бантиками. Не успело семейство Сандерли войти в вестибюль, как к ним подскочил Ламбент:

— Проходите, пожалуйста! Позвольте мне вас представить!

Он провел их в подобие трофейного зала, где повсюду на шахматных полах из красно-белой плитки валялись репы и собачья шерсть. Из стен тут и там торчали олени рога, отбрасывая ветвистые тени. Помимо прочих сувениров из экзотических земель здесь также были африканские маски, китайские нефритовые статуэтки, моржовый бивень, бумеранг и много чего еще. С дюжину гостей, большинство из которых — мужчины, были заняты разговором. Среди них Фейт узнала только доктора Джеклерса и Клэя.

Когда Сандерли вошли, Фейт бросила на гостей тревожный взгляд, нет ли на их лицах презрительного выражения. Но, когда ее отца представили, она, напротив, заметила лишь восторг, уважение и любопытство. Если ее отец и оказался замешанным в каком-то

скандале, никто из присутствующих об этом не знал.

Как всегда, лесть растопила сердце преподобного, а Миртл опутала всех кружевной паутиной своего очарования. Она быстро завоевала симпатии джентльменов остроумием, не проявляя при этом слишком много ума. Тем временем дядюшка Майлз извлек ископаемых моллюсков, которых хранил в табакерке, и начал демонстрировать их присутствующим, несмотря на попытки Миртл остановить его. Случайно Фейт обнаружила себя рядом с доктором Джеклерсом, который явно не знал, о чем с ней говорить.

— Вы не расскажете мне о черепах? — прошептала Фейт. Это было дерзкое предложение, вероятно, не подобающее для леди, и если бы Миртл находилась в пределах слышимости, Фейт не осмелилась бы на такое. Но готовность, с которой Крок отвечал на ее вопросы, придала ей уверенности. Что, если на Вейне другие правила? Вдруг ей позволено проявить интерес к естествознанию, не показавшись странной?

— Ах, ты шутишь над пожилым человеком! — рассмеялся здоровяк доктор, обнажив сильные белые зубы. Он решил обернуть ее предложение в шутку. — Я коллекционирую черепа не для того, чтобы пугать милых юных особ вроде тебя, но потому, что пишу статью о человеческом мозге и об источниках сознания. Также я измеряю головы пациентов. Даже если они приходят с жалобами на кашель, я всегда найду повод подступить к ним с сантиметром.

— Значит, вы краниометрист?^[6] — Едва это слово вырвалось из уст Фейт, она увидела увядшую улыбку доктора и поняла, что сделала ошибку. Объясняя, он получал удовольствие от процесса, а она все испортила своей излишней осведомленностью. — Я... правильно употребила слово? — Она знала, что да, но сглотнула и добавила с ноткой нерешительности в голосе: — Я... мне кажется, я его где-то слышала.

— Да. — Трюк сработал: к доктору постепенно возвращалась уверенность. — Совершенно правильно, дорогая. Молодец! — И он продолжил описывать свою коллекцию черепов.

Фейт слушала, ощущая кислый комок в желудке. Она злилась на себя за то, что использовала слишком умное слово. Наконец-то с ней *говорили о науке*, и если она покажет себя слишком образованной, беседа может прерваться. Да, он рассказывает о вещах, которые она знала, когда была в два раза младше, но она благодарна и за это.

Давным-давно, когда ей было девять лет и она начала кое-что понимать в отцовских книгах, Фейт использовала любую возможность блеснуть знаниями. Каждый раз, когда к ним приходили гости, она была готова завалить их свежими фактами и новыми словами, поразившими ее. Она хотела произвести впечатление — доказать отцу и всем вокруг, что *она умная*. Но каждый раз реакцией гостей был удивленный смех, сменявшийся неловким молчанием. Не то чтобы ее грубо обрывали, но спустя какое-то время начинали ее просто игнорировать, как грязное пятно на скатерти. Потом она долго плакала, пока не засыпала с мыслью, что она показала себя не умной, а глупой, глупой, глупой. Она всех смутила и все испортила.

Фейт смирилась с тем, что ее все отвергают. Она перестала стараться, чтобы ее похвалили или просто приняли всерьез. Теперь она вела себя скромно, отчаянно надеясь, что ей позволят хотя бы присутствовать при мало-мальски интересной беседе. Но даже так каждый раз, когда она притворялась невеждой, она ненавидела себя и свое безвыходное положение.

— Чем больше череп, тем больше мозг и, соответственно, тем мощнее ум, — продолжал

доктор, все больше погружаясь в тему. — Только взгляни на разницу в размерах мужского и женского черепов. Мужской больше, и это доказывает, что он занимает высшую ступень интеллектуального развития. — Доктор вдруг поймал себя на мысли, что он не очень тактичен. — Женский мозг — совсем другое дело, — быстро добавил он, — и в своем роде он весьма очарователен! Но избыток ума сделает женщин плоскими, испортит их. Это как камни в суфле.

Фейт вспыхнула. Она чувствовала себя совершенно раздавленной и преданной. *Наука* предала ее. В глубине души она всегда верила, что наука, в отличие от людей, не станет порицать ее. Отцовские книги легко открывали ей свои тайны. Его журналы не вздрагивали от ее «слишком женского» взгляда. Но сейчас ей показалось, будто наука все взвесила, наклеила на Фейт ярлык и пришла к выводу, что Фейт не выдержит испытания. Наука решила, что Фейт не может быть умной... а если каким-то чудом она все-таки умна, значит, с ней что-то категорически не так.

— Ах, слышу старую песню! — пропел женский голос за спиной Фейт. — Доктор Джеклерс снова ругает нас за небольшой размер черепа!

Это была дама, которую представили как «мисс Хантер, начальница почтового отделения и оператор телеграфа». Невысокого роста опрятная брюнетка проворностью движений и повадками напомнила Фейт куропатку. Пухлыми пальчиками в перчатках мисс Хантер все время поправляла и разглаживала одежду, но взгляд ее был острым и оценивающим.

— Прощу прощения, доктор, не позволяйте мне укорачивать вашу речь. — Мисс Хантер любезно улыбнулась. Фейт показалось, что она сделала легкий акцент на слове «укорачивать».

Реакция доктора Джеклерса не оставляла сомнений. Его румяное лицо приобрело свекольный оттенок. Он с горечью посмотрел на мисс Хантер. И хотя это был высокий мужчина, Фейт подумала, что замечание мисс Хантер могло быть завуалированной шпилькой по поводу его роста. Возникло ощущение, что у этих слов есть скрытый смысл.

— Я просто говорю, — настойчиво продолжил доктор, — что Всемогущий предусмотрел для каждого из нас свое место в этом мире...

Его слова оказались роковыми: разразился спор по поводу эволюции. Естествоиспытатели любили дискутировать. Дома Фейт привыкла к тому, что гости ее отца, улыбаясь и добродушно подшучивая друг над другом за чашкой чаю, развивали свои теории, подхлестывая их, словно лошадей на скачках. Разногласия по поводу теории эволюции были совсем другое дело. Щепки летели в разные стороны!

Этот спор тоже получился не из приятных. К удивлению Фейт, всегда мягкий и обходительный Клэй оказался самым громким и непримиримым спорщиком.

— Ламарк и Дарвин глубоко заблуждаются! — заявил он. — Предположив, что виды меняются, мы допускаем, что они изначально были созданы несовершенными! Мы критикуем самого Бога!

— Но, Клэй, а как же останки вымерших животных? — возразил Ламбент. — Мاستодонт! Огромный пещерный медведь! Туры! Динозавры!

— Все погибли во время Всемирного потопа, — тотчас без колебаний ответил Клэй, — или во время других подобных катаклизмов. Господь много раз находил целесообразным очистить мир, населяя его всё новыми видами.

— Но ископаемые... большинству из них как минимум десятки тысяч лет, то есть они

существовали задолго до Потопа...

— Это невозможно. — Клэй был непреклонен. — Благодаря Священному Писанию мы знаем, сколько лет миру. Ему не больше шести тысяч лет.

Самый пожилой джентльмен одобительно кивнул при этих словах. Другие мужчины притихли и пришли в замешательство. Клэй обратил внимание на повисшую тишину.

— Доктор Джеклерс, — воззвал он, — вы же утверждали то же самое! Я помню, как вы беседовали на эти темы с моим отцом...

— Возможно, беседовал лет десять назад. — Доктор Джеклерс тоже выглядел смущенным. — Клэй... в последние десять лет все изменилось.

Фейт, будучи дочерью естествоиспытателя, знала, о чем речь. Мир изменился. Его прошлое изменилось, а вместе с ним и все остальное. Когда-то давным-давно все знали, что земля была сотворена за неделю и человек — венец вселенной, а миру не больше нескольких тысяч лет. Но потом ученые выяснили, сколько времени требуется камню, чтобы стать слоеным, как тесто. Были найдены ископаемые и странные человеческие черепа неправильной формы с покатыми лбами. А когда Фейт стукнуло пять лет, миру явилась книга под названием «Происхождение видов»,^[7] и он сотрясся до основания, словно лодка, наткнувшаяся на мель. Так начало разворачиваться неведомое прошлое. Десятки тысяч, сотни тысяч, даже миллионы лет... и чем глубже уходили темные века, тем более жалким выглядело человечество. Оно не было сотворено в самом начале, и весь мир отнюдь не был преподнесен ему в дар. Нет, оно явилось последним, а его предки выбрались из ила и ползали по грязи.

Библия не лгала. Каждый добропорядочный набожный ученый это знал. Но камни, ископаемые и кости тоже не лгали, и, судя по всему, они собирались рассказать совсем другую историю.

— Истина не изменилась! — воскликнул седовласый тощий старичок. — Изменилось лишь мнение о ней сомневающихся! Среди нас находится преподобный Эразмус Сандерли, чье величайшее открытие является неоспоримым доказательством правдивости Евангелия!

Все взгляды обратились на отца Фейт, который не осмеливался поднять глаз.

— Я был одним из первых, кого пригласили проверить его нью-фолтонскую находку, — продолжил пожилой джентльмен. — Когда я взглянул на нее и увидел человеческое плечо и следы растущего из него крыла, я испытал... благоговейный трепет. Я сразу же понял, что это. «Это, — воскликнул я, — древний нефилим, и он не менее настоящий, чем я сам. Клянусь своей репутацией!»

Щеки преподобного дернулись при слове «репутация». Фейт искренне ему посочувствовала. Сначала она обрадовалась, что у ее отца есть такой пылкий сторонник, но заявление пожилого джентльмена было слишком эмоциональным, и она занервничала.

— Мои дорогие друзья, — произнес Ламбент, — не думаю, что всем гостям интересна эта тема.

Вскоре общество разделилось. На какое-то время в воздухе повисла натянутость, гости вели себя нарочито вежливо. Общество дам было, безусловно, приятным, но теперь джентльменам не терпелось, чтобы леди ушли пить чай и они могли спокойно и без стеснения обсудить научные вопросы.

С упавшим сердцем Фейт пришлось уйти вместе с остальными дамами. «Это твоё будущее, — произнес жестокий голос в ее голове. — Уходить с интересных разговоров,

потому что тебе не позволено на них присутствовать».

В коридоре ее внимание привлекла открытая дверь. За ней виднелась крошечная комнатка, пропахшая пылью и формальдегидом. Дневной свет из высоких окон отражался на застекленных шкафчиках и в глазах чучел. Кунсткамера, обитель натуралиста. Фейт бросила взгляд на Миртл и других дам, никто из них не обращал на нее ни малейшего внимания. Ощувив укол возмущения, она услышала знакомый мотив в ушах: «Если мне нельзя есть за столом, я могу подобрать объедки». Девочка скользнула в маленькую комнату, беззвучно прикрыв за собой дверь.

Фейт обошла помещение, с восхищением разглядывая полку за полкой. Птичьи яйца. Бабочки. Сушеные шкуры ящериц и крошечных крокодилчиков, растянутые на булавках. Похожие на бумагу остатки плотоядных растений с острыми зубами-шипами или тычинками-языками. Каждый образец был аккуратно подписан крошечными буквами. Чучело мангуста навеки застыло в объятиях черно-желтой змеи. Цвет и узор чешуек напомнил Фейт об отцовской змее.

Рассматривая экспонаты в самом большом шкафу, она почувствовала странное ощущение в животе. Чучело барсука-альбиноса стояло между куском янтаря с застывшей в нем мухой и жутковатым корнем, напоминающим человека. В огромной банке, погруженные в вечный сон, плавали сросшиеся близнецы-поросята. «Курьезы природы», — гласила табличка. «Вот что я такое, — подумала Фейт, и ее затошнило. — Маленький женский мозг, в который слишком много всего втиснуто. Может, в этом и моя проблема. Может, именно поэтому я не могу перестать выслеживать и подслушивать».

Едва Фейт украдкой вышла из комнаты в коридор, как появилась Миртл с нетерпеливо поджатыми губами.

— Что тебя задержало?

— Прости, мама, я заблудилась... — Фейт умолкла и удовлетворенно подметила, что раздражение матери сменилось усталым смирением.

— Нет времени бродить попусту и витать в облаках. — Миртл поправила жесткий воротничок Фейт. — Эти «леди» будут оценивать нашу семью, так что очень важно произвести правильное впечатление. Мы не должны выглядеть заискивающе. Если мы позволим им вести себя с нами покровительственно, к завтрашнему дню весь остров будет вести себя с нами так же.

Фейт вслед за Миртл вошла в гостиную с зелеными обоями, где сидело около полудюжины леди. Перед ними стоял серебряный чайный сервиз. В камине жарко пылал огонь. В сравнении с трофейным залом здесь было душно, воздух казался спертым. В плетеном кресле у камина сидела дама, которую Фейт раньше не видела. По-королевски высокий лоб, пышные светлые волосы, собранные в узел. Она зябко куталась в плед.

— Пожалуйста, прошу вас, входите, чтобы слуга мог закрыть дверь. Теплее всего у камина. Меня зовут Агата Ламбент. — У нее был глубокий приятный голос, но интонация каждого предложения трагически падала вниз, словно под собственной тяжестью.

Оставшиеся в трофейной комнате сейчас наверняка отпустили поводья беседы. Здесь, в гостиной, дамы тоже почувствовали свободу и стали более раскованными, заполнив не занятое мужчинами пространство. Хотя и незаметно для глаз, но они раскрылись, как цветы... или как складные ножи. Фейт почувствовала, как мать лихорадочно пытается оценить присутствующих. Каждая занимает свое место на невидимой иерархической лестнице. Легко понять, что герцоги значительно выше тебя, а горничные намного ниже. Но

были тысячи других ступенек, некоторые едва отличались по высоте, и Миртл всегда стремилась определить место каждого с ювелирной точностью.

Голубые глаза Миртл порхали по комнате и ее обитательницам. Миссис Ламбент говорила на таком же чистом английском языке, как и сами Сандерли, но в приветствиях остальных леди слышался легкий акцент. Платья местных дам были хорошего качества, но фасоны безнадежно устарели. Большинство из них носили кринолины в форме колокола, которые были в моде несколько лет назад. Миртл же была одета в наимоднейший кринолин, плоский спереди.

С внутренним содроганием Фейт наблюдала, как Миртл уверенно плывет по комнате, делая книксены вежливо, но чуть свысока. Она поняла, что ее мать претендует на позицию пониже, чем у миссис Ламбент, но повыше, чем у остальных дам. Может быть, все эти дамы и являются важными персонами на Вейне, но все они провинциалки.

— Как мило было с вашей стороны пригласить нас! — сладкоголосо произнесла она, подойдя к миссис Ламбент. «И как любезно было с нашей стороны принять ваше приглашение», — продолжили ее манеры.

Фейт присела, пытаясь не ерзать. Тугой корсет делал ее намного взрослее, но сидеть ровно было трудно — лямки врезались в плечи. Миртл была моложе большинства присутствующих, но едва ли считалась с их мнением. Напротив, она все время возражала: «Но в Лондоне я всегда...» или «Что ж, припоминаю, как один лондонский джентльмен сказал мне...» Она выросла в Лондоне, где и прожила до свадьбы, и это была ее козырная карта. «Пожалуйста, прекрати, — мысленно взмолилась Фейт. — Ты правда хочешь, чтобы все нас возненавидели? Что, если нам предстоит провести на этом острове несколько лет?» И лишь черноволосая мисс Хантер казалась невозмутимой, наблюдая за Миртл с приятным предвкушением, будто пришла на забавную пьесу.

«Я здесь чужая, — с отчаянием подумала Фейт. — Я чужая в этой комнате с ее чаем, шляпками и сплетнями...» Фейт пыталась не прислушиваться к словам матери и к колючему шепоту вокруг. Вместо этого она принялась рассматривать комнату и заметила, что в ней полно религиозных предметов: молитвенников, сборников псалмов и памятных вещиц вроде фарфоровых черепов и черных поминальных венков. Наверно, болезнь миссис Ламбент заставила ее сосредоточить мысли на том свете. Что ж, ей явно не грозит попасть в ад за недостаток религиозной символики в доме.

— Фейт! — прошипела Миртл.

Фейт вздрогнула от неожиданности и обнаружила, что ее внимательно рассматривает миссис Ламбент. Девочка покраснела, догадавшись, что прослушала вопрос.

— Прошу простить Фейт, она еще не пришла в себя после вчерашнего путешествия. — Миртл бросила на Фейт взгляд, в котором едва ли была хоть капля прощения.

— Должно быть, то еще испытание, — согласилась мисс Хантер. — Особенно с учетом того, что вы не взяли с собой слуг. — Ее улыбка стала приторной.

— В доме, который мы арендовали, есть вся необходимая прислуга, — быстро ответила Миртл.

— О, мы вовсе не виним вас! — Мисс Хантер развела руками. — К чему перемешивать два комплекта слуг! Всем известно, как они любят посплетничать...

Чашка Фейт звякнула о блюде. Слова мисс Хантер совпадали один в один с ее собственными подозрениями. Сандерли не взяли с собой слуг, чтобы избежать сплетен.

— Надеюсь, вы найдете все необходимое на Вейне, — любезно продолжила мисс

Хантер. — Мы здесь не отрезаны от жизни, и рано или поздно сюда приходят все лондонские моды. Мы даже... получаем лондонские газеты. Обычно на день позже, да новости не молоко, не прокиснут. — Теперь ее тон стал колючим. — Больше всего я люблю «Информер». Вы читали его когда-нибудь, миссис Сандерли?

— Предпочитаю «Таймс», — с вызовом заявила Миртл, суетливо помешивая ложечкой чай.

Фейт наклонила голову пониже, опасаясь выдать свои чувства. Она начала было надеяться, что мрачные слухи об отце еще не достигли Вейна, но только глухой не уловил бы намека в словах мисс Хантер. Фейт взглянула на мать и увидела, что щеки той побледнели.

«Мама знает про обвинения в адрес отца. Она наверняка знала о них все это время. Значит, мы не опередили „Информер“. Он следовал за нами на остров. Мисс Хантер наверно, уже в курсе скандала... и вскоре узнают все остальные».

Глава 6

Желтые глаза

Пока экипаж Ламбентов вез семейство Сандерли обратно в Булл-Коув, Фейт пыталась собраться с мужеством. Надо поговорить с отцом. Надо передать ему слова мисс Хантер и сказать, что она, Фейт, на его стороне, что бы ни происходило. Сущая пытка видеть его таким одиноким.

Наконец они добрались домой, Жанна забрала их пальто и шляпы, а дядюшка Майлз зажег свечу и раскурил трубку, собираясь на свою традиционную прогулку. Преподобный бросил ему на пороге:

— Майлз, если ты собираешься погулять, держись поближе к дому. Сегодня я велел садовнику расставить капканы.

Дядюшка Майлз выпустил гигантский клуб дыма, закашлявшись.

— Эразмус, разумно ли это? Сейчас темно... и если люди не знают об опасности...

— Вряд ли ночных нарушителей, скитающихся по поместью, можно назвать разумными или не представляющими опасность, — резко ответил преподобный. — Теперь прошу прощения, мне нужно навеститься в башню. — И он шагнул в сад.

Через некоторое время преподобный вернулся с небольшой деревянной коробкой в руке. Когда он вошел, стряхивая землю с туфель, Фейт набралась отваги:

— Отец, можно...

— Дорогой, можно поговорить с тобой? — в ту же секунду произнесла Миртл, заглушив робкий голос Фейт. Тон ее был настороженным, как бывало всегда, когда она собиралась поговорить с мужем на деликатные темы. — Есть одно дело...

— Дело подождет, — отрезал преподобный, уставившись на свою коробочку. — Все подождет. Кое-что требует моего полного внимания, и немедленно. Я буду в библиотеке, меня не беспокоить ни при каких обстоятельствах. — С первого дня преподобный объявил библиотеку своим кабинетом, и теперь это место было неприкосновенно. Отец Фейт преуспел в искусстве придавать своим словам железную окончательность, а решениям — бесповоротность.

Дверь в библиотеку захлопнулась. Момент был упущен.

Ужин Фейт разделила с Говардом, затем помогла ему помолиться и стала укладывать спать, удивляясь про себя, когда она успела стать одновременно нянькой и гувернанткой. У Говарда слипались глаза, но он вцеплялся в нее при каждой попытке уйти. Фейт гладила его по голове, напевая колыбельную, но вдруг странный звук отвлек ее от размышлений. Это был резкий короткий вскрик, очень похожий на детский, и донесся он откуда-то снаружи. Входная дверь открылась и закрылась. Послышались тихие разговоры и встревоженные возгласы. Торопливо забегали чьи-то шаги.

Фейт выскользнула из спальни брата и поспешила вниз. В гостиной, не повышая голосов, спорили мать, дядя и миссис Веллет.

— Мадам, мы должны послать за доктором, — настаивала миссис Веллет.

— Я не могу распорядиться без разрешения мужа... — Миртл бросила нервный взгляд в направлении библиотеки.

— А разве он запрещал это? — спросил дядюшка Майлз. — Эразмус вообще в курсе, что

у его порога — искалеченный ребенок?

— Он дал инструкции, строгие инструкции, чтобы его не беспокоили. — Тон Миртл был вполне красноречивым, и ее брат пошел на попятную. Даже разгоряченный портвейном, дядюшка Майлз боялся вызвать гнев преподобного. — Майлз, нет ли у тебя возможности...

— Миртл, имей я деньги на доктора, я бы сразу послал за ним, но сейчас у меня нет ни фунта.

— Миссис Веллет, — Миртл повернулась к экономке, — если мальчика перенесут в кухню, его ведь не будут там перевязывать?

— Нет, мадам. — Было видно, что миссис Веллет трудно дается ее привычная выдержка. — Хотя это необходимо сделать в первую очередь.

Все трое были слишком заняты разговором, чтобы заметить Фейт, проскользнувшую в сторону библиотеки. «Нужно сказать папе. Конечно, он хотел бы знать».

Фейт постучала. Ответом ей была тишина и слабый звук, как будто кто-то прочищал горло или что-то бормотал. Она повернула ручку и открыла дверь. Газовые лампы были прикручены и едва мерцали, но медная настольная лампа бросала на пол дрожащий круг света. За столом, откинувшись в кресле, сидел отец. Когда Фейт вошла, он чуть-чуть повернул голову в ее сторону и нахмурился.

Фейт открыла было рот, но слова застряли у нее в горле. Ее отец, всегда такой прямой, сейчас странно обмяк. Она никогда не видела его таким бледным и вялым. Кожу покалывало. В комнате чувствовался запах сырости, и она вспомнила, что этот же самый холодный, как мята, запах она ощутила в башне. Он пробежал маленькими ледяными пальцами по ее горлу, потрогал нервы, идущие к зубам, и сетчатку глаз. Воздух был словно напоен им.

— Папа?

Голос прозвучал странно, будто его сопровождали слабые вздохи. Фейт неуверенно двинулась вперед, и шаги ее тоже были странно глухими. Такое ощущение, что воздух колеблется и дышит сам по себе. В пальцах отца дрожало перо, чернила капали на бумагу. Неуклюжим, кривым почерком, так не похожим на почерк отца, были написаны несколько предложений. Зрачки его были крошечными и непроницаемо черными. В свете лампы было видно, что радужка его глаз, обычно серая, стала желто-зеленой. Присмотревшись, Фейт заметила, что точки и пятнышки на радужке плывут и двигаются, словно водоросли...

— Папа!

Желтые глаза посмотрели на нее, взгляд медленно сосредоточился. Потом челюсти преподобного сжались, лоб слегка нахмурился.

— Убирайся! — Это был шепот, но в нем звучала такая злоба, какой Фейт никогда еще не слышала в отцовском голосе. — Убирайся!

Фейт развернулась и выскочила из комнаты с колотящимся сердцем.

— Фейт! — Не успела Фейт закрыть за собой дверь, как в коридоре появилась Миртл. — О, твой отец закончил работу на сегодня? Слава богу, я должна поговорить с ним.

— Нет! — Фейт рефлекторно прижалась спиной к двери библиотеки.

Она не могла понять, что за сцену только что видела, но знала, что отец хотел бы сохранить ее в секрете. Фейт вспомнила истории о странных веществах, которые курят втайне и пары которых лишают мужчин воли, поработав их. Что, если из-за всех этих забот и тревог отец начал принимать опиум? Она не должна его выдавать. Хватит с него скандалов и насмешек.

— Я... спросила его насчет мальчика в капкане, — нашлась Фейт.

— И что он сказал?

Фейт пришла в замешательство. Единственным разумным ответом было признаться, что он выгнал ее, ничего не сказав. К тому же это была правда.

— Он велел послать за доктором, — услышала она собственные слова.

На красивом лице Миртл явственно отразилось облегчение, и она поспешила к миссис Веллет отдать распоряжения. Фейт поразилась своей дерзости. Ее ложь неизбежно выплывет наружу. Мысли заметались, как мыши в поисках выхода, но она так и не придумала никакого предлога или оправдания своему поступку. Она не могла представить, как, глядя отцу в глаза, скажет, что отдавала ложные распоряжения от его имени.

«Папе придется понять, — сказала она самой себе. — Если бы я не сделала это, его бы раскрыли или обвинили в том, что он позволил мальчику истечь кровью. Я пытаюсь его защитить». В то же время мысль о том, что она отвоевала себе крошечное место в одном из секретов отца, наполнила ее тихой радостью.

Через пару минут Фейт увидела в окно, как дядюшка Майлз, слуга и миссис Веллет помогают какому-то невысокому человеку добраться до входа в дом. Когда они подошли ближе и на них упал свет из окна, она рассмотрела лицо мальчика лет четырнадцати. Он был очень бледен, со щеками, мокрыми от слез, и искаженным болью лицом. Тряпка, кое-как обмотанная вокруг его лодыжки, была мокрой от крови. Это зрелище наполнило Фейт невыносимым сочувствием.

Девочке не разрешили войти в кухню, но из соседней столовой она легко могла расслышать всхлипывания мальчика и перепуганные голоса.

— ...Так не пойдет, держите ткань ровно!

— Миссис Веллет, она промокла насквозь! У меня уже все пальцы в крови!

Появился Прайт, слуга, принеся ворох тряпок, чтобы использовать их в качестве бинтов. Когда он открывал дверь кухни, Фейт заметила покалеченного мальчика, лежавшего на коврик перед камином, и Жанну, прижимавшую кусок тряпки к его лодыжке. Зажмурившись, мальчик тихо ругался сквозь стиснутые зубы.

— Я не потерплю таких выражений у себя на кухне, — послышался голос миссис Веллет, и дверь закрылась. — Что, если ты истечешь кровью прямо сейчас и тебя утащат в ад за твой злой язык?

Экипаж доктора Джеклерса приехал через час. Доктор поклонился миссис Сандерли и Фейт, но вместо привычной дружелюбной улыбки деловито спросил:

— Как мальчик? Серьезно, говорите? Что ж, надеюсь, это так. Мне только что пришлось оставить большую чашку сидра со специями, так что будет обидно, если я приехал зря. — Он попросил немного опия, чтобы утихомирить мальчику боль, и чашку горячего чая для себя — согреться. — Не люблю работать онемевшими от холода пальцами, а греться лучше всего изнутри.

После приезда доктора в доме стало потише. Час спустя он вышел из кухни с чистыми руками и вновь сложенным чемоданчиком.

— Как поживает бедный ребенок? — робко спросила Миртл.

— Что ж, к счастью, капкан не повредил кость, но сделал две дыры в икре. Я промыл раны от ржавчины и грязи карболовой кислотой. — Доктор заметил, что Миртл побледнела от его слов, и сменил тему: — Он как следует забинтован, так что я могу отвезти его домой,

я знаю семью Пэррисов.

Секунду спустя Фейт поняла, почему фамилия Пэррис показалась ей знакомой. Мужчину, которого она встретила в лесу и от которого стремглав убежала, по словам миссис Веллет, звали Том Пэррис. Пострадавший мальчик был подходящего возраста, чтобы оказаться его сыном. Может быть, вся их семья промышляла ловлей моллюсков.

Когда доктору подали верхнюю одежду, он огляделся по сторонам и нахмурился с раздосадованным видом. Фейт догадалась почему: он ждал, что ее отец выйдет и поприветствует его.

— Огромное спасибо, что приехали к нам в такое время! — Миртл одарила его очаровательной улыбкой и протянула руку.

Досада доктора Джеклерса тут же улетучилась, как роса на солнце.

Намного позже, когда все домочадцы улеглись спать, Фейт тихонько встала с кровати и накинула халат. Она проскользнула вниз и сквозь замочную скважину заглянула в библиотеку. Было видно только книжную полку и кусочек пола, и то и другое все еще освещала лампа. Прижавшись ухом к скважине, она расслышала яростный скрип пера по бумаге, сопровождавшийся бормотанием и поскрипыванием кресла. Фейт с облегчением вздохнула. Она уже успела вообразить отца распростертым на полу в застывшей позе. Теперь этот образ растаял, и она представила его за столом — живого, в полном сознании, делающего заметки.

Она сжала ручку двери, но в нерешительности остановилась. Металл охлаждал кожу. Она вспомнила странные глаза отца, ожившую тишину в комнате и ненависть, с которой он велел ей убираться. Так и не отважившись войти, Фейт украдкой поднялась по лестнице и легла в остывшую постель. Когда она наконец уснула, ее мозг все не мог успокоиться. Ей снилось, будто она пробирается сквозь зимний сад, все деревья в котором покрыты изморозью. В центре сада она натывается на огромную каменную голову отца, торчащую из земли, словно его закопали по шею. Его глаза были из желтого стекла, покрытого пятнами, а в глубине их плавали темные силуэты. Лицо покрылось мхом, но, когда она попыталась соскоблить его, мох отходил только вместе с камнем.

Глава 7

Ползучий холод

Мозг Фейт оставался настороже, даже когда она спала. Первые признаки жизни в доме нарушили ее сон, оставив лишь дрему. Она слышала, как в отдалении хлопает дверь, льется вода, громяхают дрова в поленнице. Набросив на ночную рубашку пальто, Фейт проскользнула на первый этаж и увидела, как Жанна несет в библиотеку чай.

— Все в порядке, Жанна, — сказала Фейт, пытаясь воспроизвести уверенные интонации матери, — я сама отнесу поднос.

Жанна с удивлением взглянула на Фейт, потом на дверь. Фейт видела, как в служанке пышным цветом расцветает любопытство.

— Да, мисс.

Как только Жанна ушла, Фейт с подносом в руках вошла в библиотеку. Здесь было темным-темно, но к прежнему холодному запаху добавилась какая-то кислая затхлость, словно от гнилых апельсинов. Фейт поставила поднос и торопливо распахнула окна и ставни, впуская свет и свежий воздух. Если это запах опиума, от него нужно срочно избавиться.

В лучах дневного света, просочившихся в библиотеку, Фейт увидела, что преподобный до сих пор сидит в кресле в той же одежде, что и вечером. Его тело склонилось на стол, и Фейт вздрогнула было от страха, но тотчас услышала его дыхание. Стол был завален открытыми книгами и исписанными листками бумаги. Коробка с письменными принадлежностями и дорожный сундук преподобного были открыты, их тщательно охранявшееся ранее содержимое разбросано по стульям и даже по полу. Свеча, стоявшая с краю стеллажа, давно догорела, оставив на полке повыше черное пятно, а на полке ниже — восковые сталактиты.

Фейт казалось кощунством видеть отца спящим. Даже сейчас его лицо сохраняло величавую суровость мраморной статуи. Он был неподатливым камнем, и его суждения глубоко врезались в твердь. Он был заповедной землей, где ступать нужно осторожно, а говорить шепотом.

— Папа?

Преподобный пошевелился, потом медленно поднял голову и сел прямо. К его глазам вернулся привычный серый оттенок, но они были подернуты словно туманом. Вскоре, однако, туман рассеялся, и его взгляд стал острым, как бритва.

— Что ты делаешь в этой комнате?

Фейт застыла. Секунду назад она твердо знала, что защищает его. Теперь эта мысль казалась ей детской и самонадеянной.

— Жанна несла вам утренний чай, и я подумала... я подумала, вы не захотите, чтобы она входила. Прошлым вечером вы... казались больным.

— Я отдал распоряжение, чтобы сюда никто не входил! — Отец моргнул и, нахмурившись, уставился сквозь Фейт, словно она была неисправным телескопом. Наконец его глаза окончательно приобрели свой каменно-серый цвет. — Я... не был болен. Ты ошиблась. — Он словно заглянул ей вовнутрь. — Ты кому-нибудь говорила, что я болен?

— Нет, — ответила Фейт, покачав головой.

— Кто-то еще входил сюда?

— Не думаю... — Фейт умолкла.

Взгляд ее отца за что-то зацепился, и, посмотрев в том же направлении, она увидела свежую вязанку хвороста у камина и полное ведро с углем. Фейт забыла, что большинство каминов растапливают в пять утра. Кто-то из слуг явно входил сюда, увидел спящего преподобного и снова ушел, оставив принадлежности для растопки камина.

Преподобный встревоженно окинул взглядом разбросанные бумаги.

— Когда ты в первый раз вошла, эти бумаги уже были разбросаны?

Фейт кивнула, и преподобный начал собирать их в кучу, складывая на письменный стол. На нескольких страницах были зарисовки, сделанные чернилами, и отец стал рассматривать их.

— Что это значит? — пробормотал он себе под нос. — Я заслуживаю ответ, я пожертвовал всем ради него! Разве можно что-то понять из этой чепухи?

Фейт поспешила к нему на помощь. Наброски были странными и непонятными. Существо, похожее на крысу, поставило передние лапы на что-то овальное. Зверь, напоминающий дракона, поднял голову. Получеловеческое лицо с покатым лбом смотрело враждебно и изумленно. Она больше ничего не успела рассмотреть — преподобный выхватил рисунки из ее рук.

— Не трогай! — резко сказал он.

— Я просто пытаюсь помочь! — Отчаяние Фейт взяло верх над благоразумием. — Я просто хотела помочь! Папа, пожалуйста, скажи мне, что случилось! Я обещаю, что никому не выдам тебя!

Несколько секунд отец изумленно смотрел на нее, потом нетерпеливо произнес:

— Все в порядке, Фейт. Подай мне чай и оставь меня поработать.

От нее снова отмахнулись, по-прежнему больно ранив. Почему-то у нее никак не вырабатывался иммунитет.

Фейт позавтракала в детской. Ей принесли слабый остывший чай и недоваренные яйца в мешочек. Не в своей тарелке от недосыпа, она поздно спохватилась, что Говард держит вилку и нож не так, как надо. Спустившись вниз, Фейт отважилась подойти к дверям столовой. Завтрак почти закончился — отец с матерью и дядей пили чай. Преподобный выказывал все признаки самообладания, уверенно переворачивая страницы газеты.

— А вот и ты, Фейт! — Заметив дочь, Миртл поманила ее к себе. — Сегодня ты поедешь со мной в город. Надо купить тебе новые детские перчатки, ведь свои ты потеряла... хотя я не понимаю, как можно быть такой рассеянной!

Фейт, покраснев, пробурчала извинение.

— Собирайся поскорее. — Миртл бросила на мужа обеспокоенный взгляд. — Дорогой... если ты сегодня на раскопках увидишь доктора Джеклера, ты ведь все уладишь?

— Доктора Джеклера? — Преподобный воззрился на жену с таким видом, словно она неразумный червяк под микроскопом. — Что улажу?

Сердце Фейт упало, и она пожалела о том, что не призналась отцу сегодня утром. Но уже слишком поздно, разоблачения не миновать. Ее ужасная дерзость вот-вот откроется.

— Гонорар за лечение этого мальчика, который вчера угодил в капкан... — Миртл осеклась.

— Что? — Преподобный встал, бросив грозный взгляд в сторону сада.

— Ты... велел, чтобы мы послали за доктором. — Миртл с сомнением нахмурилась, и ее глаза скользнули к дочери.

Фейт с трудом сглотнула, наткнувшись на взгляд отца. Выражение его лица было трудно разобрать. Там угадывались ненастье и предвестие бури. Она видела, как он безмолвно принимает решение, но не могла понять, какое именно. Потом он снова медленно сел на стул и разгладил смятую газету.

— Когда я посылал за доктором, — холодно продолжил Эразмус, — я предполагал, что расходы понесет семья мальчика. Не стоит позволять нарушителям обчищать наши карманы, но... поскольку я увижу доктора Джеклерса, я расплачусь с ним. Разумеется, я также поговорю с магистратом и позабочусь о том, чтобы закон был соблюден.

Фейт слушала его с облегчением, пребывая в то же время в шоке. Каким-то чудом буря пронеслась, никого не задев. Отец подтвердил ее слова. Теперь Фейт чувствовала, что они не просто разделяют тайну — они сообщники. Она не вполне понимала, как это случилось и когда.

— В какой капкан он угодил? — запоздало спросил преподобный.

— Среди деревьев, совсем рядом с башней, — ответил дядюшка Майлз. — Эразмус, я надеюсь, ты передвинешь этот капкан. Он прямо на краю крутого спуска, ведущего в лощину. Тот, кто наступит на него, может упасть и свернуть шею. И... это не совсем законно.

Преподобный кивнул с важным видом, но Фейт не была уверена, услышал ли он совет дядюшки Майлза. На самом деле она сомневалась, что он услышал хоть что-нибудь, прозвучавшее после слова «башня».

Один из джентльменов, с которыми они познакомились у Ламбентов, любезно предложил экипаж и кучера в распоряжение Миртл на это утро, «чтобы она могла посмотреть город». Когда прибывшее средство передвижения оказалось двухместной коляской, на лице Миртл отобразились удивление наполовину с возмущением, но они быстро сменились улыбкой. Миртл села рядом с кучером, а Фейт досталось заднее сиденье спиной к дороге, доступное всем ветрам. Пока коляска везла женскую половину семейства Сандерли вдоль низкой прибрежной линии в город, Фейт, наблюдая за разворачивавшейся под ногами дорогой, все пыталась понять отцовское поведение. Дул сильный ветер, превращая небо в лоскутное одеяло из серых облаков и голубых клочков, и Фейт пришлось придерживать шляпку. Капли воды падали на щеки девочки и блестели на ресницах.

Маленький портовый город при свете солнца являл собой более приятное зрелище, чем в день приезда Сандерли. Дома были выкрашены в белый, ярко-синий и охряно-желтые цвета. Солнечные лучи блестели на вывесках трактиров и на колоколе, установленном на крошечной центральной площади неправильной формы. В воздухе был разлит запах моря. Миртл попросила кучера подождать на площади и изящно спустилась на землю в сопровождении Фейт. Сегодня накидка, платье и шляпка Миртл были голубыми, эффектно оттеняя цвет ее глаз.

Над витриной одного из самых симпатичных зданий висела вывеска с изображениями изящных шляпок и перчаток. Внутри было тесновато, но очень опрятно. Штук пять модных шляпок были водружены на подставки из ивовых прутьев. На мраморном прилавке гордо возлежали самые разные перчатки: и длинные с пуговками на запястье, и короткие, очень практичные — для дневного ношения. Продавщица, невысокая женщина с выдающимся носом, была преисполнена важности. Она наблюдала, как Миртл перебирает детские перчатки, потом ушла в заднюю часть магазина в поисках пары для Фейт. Вернувшись, она

стала еще более высокомерной.

— Приношу свои извинения, мадам, но в настоящее время у нас нет в наличии перчаток подходящего размера для вашей дочери.

— Как это? — Брови Миртл поднялись. — Что за нелепость? Моя дочь даже не примерила ни одной пары!

— Мадам, приношу извинения, — учтиво ответила продавщица, — но я ничем не могу вам помочь.

Когда Сандерли вышли на улицу, до Фейт донеслись оживленные перешептывания из магазина.

— Как странно. — Миртл не могла поверить своим ушам. — Удивительно... О, Фейт, смотри, это же те две леди, с которыми мы вчера познакомились!

И правда, по другой стороне улицы решительно шла черноволосая мисс Хантер в обществе шатенки постарше. Миртл направила в их сторону одну из лучших улыбок и присела в книксене. Взгляд мисс Хантер упал на них, а потом соскользнул, как вода с гуся. Она как ни в чем не бывало повернулась к своей спутнице, что-то обсуждая, и леди продолжили путь, не выказав ни малейшего признака, что узнали Миртл и Фейт.

— Они нас не заметили, — произнесла Миртл дрогнувшим голосом, взгляд у нее был как у испуганного ребенка.

Фейт показалось, что у нее в животе заворочался камень. Беспокойства больше не было, оно сменилось гнетущим ощущением неизбежного. К ним отнеслись пренебрежительно. Пренебрежение — это для тех, кто не достоин внимания. Вчера их приняли в общество Вейна. Но что-то изменилось, ибо сегодня мисс Хантер считала себя вправе игнорировать их.

— Мама... поедem домой? — Фейт посматривала на прохожих, то и дело замечая брошенные украдкой взгляды, и среди них не было ни одного дружелюбного.

— Нет! — Миртл закуталась в накидку. — После этого кошмарного путешествия вдоль берега я намерена увидеть все лучшее, что может предложить этот городишко.

Лавки модисток неожиданно закрывались при их приближении. Продавщица в кондитерской говорила только по-французски и не понимала Миртл, что не мешало ей прекрасно изъясняться с остальными. В маленькой аптеке было так много клиентов, что Сандерли так и не дождались, пока их обслужат.

— Пожалуйста, поедem домой, — тихо взмолилась Фейт, интуитивно чувствуя непрекращающийся град насмешливых взглядов.

— Фейт, ну что ты вечно ноешь? — прошипела Миртл с покрасневшимся лицом.

В этот момент Фейт почти ненавидела свою мать, и дело было вовсе не в отказе Миртл прекратить пытку унижением — дело было в вопиющей несправедливости ее упрека. Фейт никогда не позволяла себе жаловаться или что-то требовать. С горечью она осознала, что ей каждый день приходится молча переносить обиды. Обвинение в том, что она ноет, было настолько несправедливым, что у нее закружилась голова.

По мере того как они продолжали путь, глаза Миртл стали проясняться.

— Мы отправимся в церковь, — объявила она. — Я говорила мистеру Клэю, что мы, возможно, зайдem, чтобы арендовать скамью.

Коляска отвезла их на вершину холма, и они спешили около маленькой церквушки, но в ней никого не было, так что Миртл направилась к жилищу священника — невысокому сгорбившемуся строению, грозившему обрушиться под тяжестью кустов жимолости. В

самом большом окне была выставлена на всеобщее обозрение коллекция фотографий, частично раскрашенных. Из-за этого дом подозрительно напоминал магазин. Фейт предположила, что Клэй немного подрабатывает с помощью своего «хобби».

Когда они подошли ближе, Клэй открыл дверь и чрезвычайно удивился их приходу.

— Я... миссис Сандерли... мисс Сандерли... — Он оглянулся, как будто в поисках подкрепления. — Желаете... пожалуйста, входите. — Фейт не могла не заметить, что Клэй был растерян. — И... это мой сын Пол.

Мальчик лет четырнадцати вышел вперед и учтиво забрал у них накидки и шляпки. Именно его Фейт видела рядом с Клэем на раскопках. У смуглого и худого, как и его отец, Пола был подвижный рот, и Фейт подумала, что он легко может сложиться в гневную или сердитую гримасу при других обстоятельствах.

— Прошу, садитесь, — сказал Клэй. — Чем могу быть полезен вам, леди?

— Что ж, я зашла, чтобы договориться об аренде скамьи для моей семьи, — начала Миртл, — но... откровенно говоря, мистер Клэй, еще я надеялась увидеть хотя бы одно дружелюбное лицо. — Она сказала это с надломом, большие голубые глаза ее при этом трогательно засияли. — Сегодня утром с нами плохо обошлись в городе, и я... может быть, это покажется вам глупостью, но я не знаю почему. Пожалуйста, будьте честны со мной, мистер Клэй. Я сделала что-то ужасное и всех обидела?

Фейт вонзила ногти в ладони. На улице Миртл командовала ею, как типичный солдафон, а теперь, в обществе джентльмена, внезапно превратилась в дрожащего олененка.

— О, миссис Сандерли, вам наверняка показалось! — Клэй растаял. Мужчины всегда таяли от такого обращения.

— Все дело в том жутком происшествии с бедным мальчиком, который пострадал на нашей территории? — спросила Миртл.

— Это... сыграло не в вашу пользу, миссис Сандерли. Но мой сын Пол говорит, что бедняга чувствует себя лучше, чем ожидалось.

— Скорее всего, ногу ему не отрежут, — бесцеремонно вмешался Пол, серьезно посмотрев на дам широко расставленными карими глазами. Он был ровесником пострадавшего мальчика, и Фейт подумала, что они, возможно, друзья.

— Но главная причина... — Клэй резко замолчал и неуверенно взглянул на Фейт.

Миртл поняла его замешательство и тотчас обратилась к Фейт:

— Фейт, не хочешь взглянуть на фотографии мистера Клэя?

— И правда! — Клэй ухватился за эту идею. — Пол тебе все покажет.

Фейт позволила Полу, по-прежнему хранившему каменное выражение лица, проводить ее в дальний конец помещения. На полках и камине было расставлено множество фотографий людей в застывших позах, большинство размером не больше ладони.

— Вот это непростая фотография. — Пол указал на снимок, где двое мужчин смотрели друг на друга. Один сидел и играл на виолончели, а второй в костюме дирижера стоял, взмахнув палочкой. Приглядевшись, Фейт поняла, что музыканты похожи как две капли воды. — Одного и того же мужчину сфотографировали два раза. Ты ни за что не найдешь место склейки.

Фейт обратила внимание на другую фотографию. На переднем плане сидел малыш максимум двух лет от роду, а за его спиной нависала фигура человека, закутанного в черную ткань, почти неразличимую на темном фоне.

— Иногда маленькие дети капризничают или плачут во время съемки, и это портит

фотографию. — Пол указал на темную фигуру. — Но когда рядом мы сажаем мать, даже спрятанную под тканью, они перестают бояться.

Бросив взгляд в противоположную часть комнаты, Фейт увидела, как Клэй протянул Миртл газету и указал на какой-то заголовок. Миртл начала читать. Газета в ее руках задрожала. «Информер». На самом деле Фейт и так уже догадалась, почему от них все отшатнулись. Скандал вокруг ее отца добрался до Вейна и перестал быть для кого-либо секретом.

— Может быть, тебя заинтересует вот это.

Пол прервал ее размышления, кивнув в сторону деревянной коробочки с двумя окулярами. Фейт сразу же опознала стереоскоп — хитрый прибор, который показывал каждому глазу немного другую картинку, поэтому она казалась трехмерной. Девочка задумчиво поднесла его к лицу и всмотрелась. Когда ее взгляд сфокусировался, она ужаснулась. Фотография запечатлела сцену убийства в переулке: преступник занес клинок над телом окровавленной женщины. От солнечного сплетения до низа живота тянулась длинная рана.

Дрожащей рукой Фейт медленно опустила стереоскоп. До нынешнего дня все, что она видела, — это экзотические пейзажи и причудливые картинки с феями, что посылают детям сладкие сны. Такое жуткое изображение не следовало показывать леди.

Пол встретил ее взгляд холодно и невозмутимо. Он и правда сердился, сейчас Фейт была в этом уверена, — сердился на семейство Сандерли из-за того, что его друг пострадал. Вот почему он решил отыгаться на самой легкой мишени — скучной, аккуратной, стеснительной дочери преподобного. Это было жестоко, опрометчиво и глупо, и он знал, что ему попадет. Его глаза бросали ей вызов, подталкивая пожаловаться.

Внезапно Фейт тоже разозлилась. Ее стали бесить Вейн, этот нелепый капкан, мать, унижения и перешептывания, секреты и ложь. А больше всего ее бесило, что, если она вскрикнет, убежит или еще каким-то образом доставит Полу неприятности, это будет значить, что он победил. Она подтвердит, что он был прав — что она действительно скучная, аккуратная, стеснительная дочь Сандерли, и не более того. Поэтому она не стала делать ничего из перечисленного, а вместо этого улыбнулась.

— Однажды я помогала отцу с чучелом игуаны, — тихо произнесла она. — Нам пришлось сделать такой же разрез, чтобы извлечь внутренности.

Секунды убегали, каждая длиной в вечность. Правила трещали по швам. Трудно было понять, потрясли ли Пола ее слова, но он какое-то время молчал.

— Я привык иметь дело с чем-то покрупнее ящерицы, — наконец отреагировал Пол, затем подошел к другой полке.

Фейт последовала за ним. Самое первое изображение на полке привлекло ее внимание. В рамке было два снимка, оба показывали одну и ту же хорошенькую девушку с аккуратной прической. На одной фотографии, подписанной «Крепко спи», ее глаза были закрыты. На второй, с надписью «Проснись», она широко распахнула глаза.

— Мой отец дорисовывает глаза, — сказал Пол, — если семья хочет, чтобы они выглядели естественно.

Фейт потребовалась секунда-другая, чтобы понять, что изображено на снимках. Девушка была покойницей, и ее сфотографировали на память. Любящие родственники уложили тело так, чтобы казалось, будто она отдыхает. Остальные фотокарточки на этой полке были в том же духе, поняла Фейт, ведь теперь она знала, на что смотреть. Многие

снимки были семейными, причем один член семьи всегда был наклонен вперед чуть сильнее, чем остальные, или его подпирали подушками, спинками кресел, иногда поддерживали руками. Когда умирали братья Фейт, их не снимали на память. От них остались другие памятные вещи: бережно хранимые детские бутылочки, пряди волос.

— Я помогаю сажать их в нужное положение, — добавил Пол. — Только нужно успеть сделать снимок, пока тело не окоченело. — Его лицо приобрело прежнее выражение подчеркнутой вежливости. «Твоя очередь», — говорили его глаза.

— Как ты посадил этого? — Фейт ткнула в маленькую фотографию мальчика, который сидел в детской комнате с игрушечным солдатиком в руке, один и без поддержки.

— Эта фотография сделана по-другому. — Пол поколебался. — Отец сфотографировал этого мальчика... потом вырезал голову, очень аккуратно, и приклеил на мой старый снимок. Он всегда много меня фотографировал, так что ему легко делать портреты покойников из моих снимков, если клиенты захотят.

— У тебя есть оригинальные фотографии? — поинтересовалась Фейт.

— Нет, конечно. — Пол пожал плечами. — Зачем тратить драгоценную бумагу попусту?

— И как ты себя чувствуешь, — прошептала Фейт, — когда вспоминаешь собственное прошлое и каждый раз вместо себя видишь мертвеца? Будь я на твоём месте, я бы подумала, что *исчезаю*. Я бы спросила себя, хочет ли мой отец вообще меня помнить? Тебе когда-нибудь снились кошмары, в которых ты, проснувшись, обнаруживал, что от тебя ничего не осталось — только какой-то мертвец с чужим лицом?

От Фейт не укрылось, что Пол вздрогнул. Она задела его за живое и испытала при этой мысли ликование.

Глава 8

Запятнанная репутация

Миртл и Фейт возвращались в Булл-Коув в молчании. Высаживаясь из коляски, они заметили одинокую фигуру, скрывавшуюся от ветра за углом дома. Это был дядюшка Майлз. Он хмурился и прикрывал трубку ладонью. Увидев их, он замахал рукой, пытаясь привлечь их внимание, потом настойчиво поманил к себе.

— Майлз! — воскликнула Миртл, подходя к нему. — Я думала, ты на раскопках! Неужели мой муж уехал без тебя?

— О нет, мы уже были там, на наше горе. — Дядюшка Майлз говорил приглушенным голосом. — Я подумал, лучше мне поймать тебя до того, как ты войдешь. Был ужасный скандал, так что ходить по дому лучше на цыпочках. — Он многозначительно поднял брови. — Кое-кто вернулся с раскопок в дурном настроении, и да поможет нам Господь, если мы будем думать слишком громко.

Плечи и спина Фейт напряглись. Когда ее отец бывал не в духе, им следовало вести себя особенно осторожно. Он не был жестоким человеком, но если принимал решение в состоянии слепой ярости, впоследствии его не менял. Миртл сделала шаг вперед и взяла брата за руку.

— Давай прогуляемся, — тихо сказала она.

Фейт последовала за матерью и дядей на лужайку, держась достаточно близко, чтобы слышать их разговор, и достаточно далеко, чтобы они об этом не догадались. Они шли прочь от дома.

— Миртл, девочка моя, — наконец произнес дядюшка Майлз, — уверен, большинство людей считают меня терпеливым человеком. Но сегодняшний день поистине стал испытанием для моего терпения. Наш дражайший Эразмус довел меня до ручки.

— Что случилось на раскопках? Почему вы вернулись так рано? — постным голосом спросила Миртл, словно она уже знала ответ.

— Утром за нами не приехала карета. Нам пришлось заплатить какому-то парню, чтобы он отвез нас. А когда мы добрались, нас не пустили внутрь! После всех этих писем и заявлений, что им так нужен великий преподобный Эразмус Сандерли, они не пустили нас на свои драгоценные раскопки! И что хуже всего, дорогу нам преградили наемные работники и их предводитель Крок! Ламбент даже не соизволил выйти к нам!

— Может быть, это недоразумение? — спросила Миртл без капли надежды.

— Я предположил, но преподобный не согласился со мной. На раскопках ему дали какое-то письмо, и когда он его прочитал, он словно сбесился — настоял на том, чтобы отправиться в «Пейнтс», стучал в двери так, что чуть не выбил их, и передал такое грубое послание, что я не удивлюсь, если Ламбент подаст на него в суд за оскорбление. Миртл, ты знаешь, я всегда хочу как лучше, но каждый раз, когда я пытаюсь утихомирить стихию, твой муж вскипает еще сильнее.

Молча следуя за ними, Фейт пылала от ярости из-за того, как обошлись с ее отцом. Вчера почетный гость, с которым носятся, добиваясь внимания, а сегодня сомнительный ремесленник, которого грубо отстраняют от дела.

— До них дошли экземпляры «Информера», — пробормотала Миртл.

— Это все объясняет. — Дядюшка Майлз вздохнул. — Тем не менее осудить коллегу, не

выслушав его... — Он покачал головой. — Лучше расскажи Эразмусу об «Информере», потому что он уверен, что все дело в сплетнях слуг. Сколько человек в курсе?

— Все. — Голос Миртл задрожал. — Сегодня утром нас игнорировали повсюду в городе.

— В Кенте было бы в сто раз хуже, — настойчиво и будто защищаясь сказал дядюшка Майлз. — Но твой муж иначе смотрит на положение вещей. Я сделал все, дабы помочь твоему семейству избежать несчастий Миртл, но, если послушать Эразмуса, можно подумать будто я умышленно заманил вас на этот остров.

— Он не имел это в виду, — из вежливости произнесла Миртл.

— Эразмус никогда не говорит то, чего не имеет в виду, — возразил дядюшка Майлз. В его голосе звучала искренняя досада. В отличие от сестры ему не были свойственны вспышки гнева. Обычно добродушие служило ему своеобразным буфером, и обида просто отскакивала от него. Но когда шипы проникали внутрь, они оставались там навечно.

— Нужно покинуть Вейн, Майлз. — Миртл поправила белый шарф, прикрывая горло. — Поехать дальше, на континент, если необходимо. Мне нужно, чтобы ты помог мне убедить его.

— Прости, Миртл, но мне сейчас нужно только одно — услышать от твоего мужа извинения, — сухо ответил брат, — и я готов поставить десять гиней, что у него нет такого намерения. А пока... — Дядюшка Майлз вздохнул и поднял плечи, потом снова опустил, будто снимая с себя ответственность.

Даже без предупреждения дядюшки Майлза Фейт, едва войдя в дом, поняла бы, что разразилась буря. Тихие люди чувствуют погоду лучше, чем шумные: перемену ветра в разговоре и холод невысказанных упреков.

Принять их шляпки и накидки вышла миссис Веллет, а не Жанна.

— Миссис Сандерли, могу ли я поговорить с вами? — Голос экономки был негромким, но настойчивым. — Прошу прощения, но это важно.

— Ох! — Миртл вздохнула и поправила волосы. — Хорошо, но сначала подайте чай в гостиную. Не могу говорить ни о чем важном, пока не приду в себя.

Хотя это потребовало от миссис Веллет усилия, но она молчала, пока Фейт и Миртл не устроились в гостиной за чаем. Наконец Миртл кивнула ей.

— Мадам, Жанна Биссет — неплохая девушка, честная и трудолюбивая. Может быть, временами она болтает глупости и бывает упряма, как и все ее ровесницы, но она служит в этом доме с тринадцати лет, и ни у кого никогда не возникало сомнений в ее честности. Мадам, она признает, что это ее газета, но это ведь не преступление...

— Миссис Веллет! — округлив глаза, перебила экономку Миртл. — О чем идет речь? Жанна жалуется на то, как с ней здесь обращаются?

Миссис Веллет вздохнула, сложила руки и с трудом проговорила:

— Мадам... ваш муж считает, что кто-то рылся в его бумагах. Одно письмо испачкано... — Она нетерпеливо мотнула головой. — Как по мне, это похоже на каплю воды, размывшую чернила, но преподобный уверен, что это след пальца.

Фейт охватил жар. Она надеялась, что пятно никто не заметит, но нет, отец все понял. Ей показалось, что она покраснела до ушей.

— Он потребовал, чтобы все слуги показали руки. Жанну обнаружили, когда она мыла руки на колонке за домом, поэтому она сразу попала под подозрение.

Первый приступ паники схлынул. Сердце Фейт начало колотиться чуть медленнее, мысли прояснились, и до нее стал доходить смысл сказанного экономкой. Подозревают не ее. Отец нашел следы преступления, но не заподозрил ее.

— И... ее руки были испачканы? — спросила Миртл.

— Да, но не чернилами. Газетной краской. — Миссис Веллет опустила глаза. — Когда ее спросили, она вывернула карман и достала газету — сказала, что нашла ее в городе и знает, что не следовало ее брать, но ей стало интересно и она решила почитать ее после работы.

Повисла многозначительная пауза — миссис Веллет не упомянула о том, что именно стало интересно Жанне, а Миртл решила не уточнять. Фейт не составило труда понять, о какой газете шла речь.

— У кого газета сейчас? — спросила Миртл.

— Ваш муж тотчас конфисковал ее, — ответила экономка.

— Я приму к сведению ваши слова, — устало произнесла Миртл, — но думаю, что для начала мне следует самой поговорить с Жанной и решить, что делать. Пришлите ее, как только она закончит работу.

— Работу? Мадам, ваш муж уволил ее! Она собирает вещи, ей сказали, что она должна покинуть дом до завтрашнего утра.

Только Фейт, достаточно хорошо знавшая мать, заметила, что Миртл застыла и едва справилась с собой, чтобы не выдать реакцию. Управление домашним хозяйством, включая слуг, — это была ее прерогатива. Предполагалось, что все в доме должно быть устроено в соответствии с желаниями Эразмуса Сандерли, но до сих пор он никогда не отдавал подобных распоряжений в обход жены.

Руки Фейт задрожали. Ей удалось избежать осуждения, пострадал другой человек. Она криво поставила чашку на блюдце, плеснув горячий чай себе на платье.

— Фейт! — Миртл пришла в ярость. — Глупая неловкая девчонка! Иди переоденься, а потом... почитай молитвенник.

Фейт спустилась к ужину в недавно выстиранном синем платье. Его свежесть заставляла ее чувствовать себя еще хуже, словно она — отравленное письмо в хрустящем новом конверте. Мысль о том, чтобы рассказать отцу правду, наполняла ее совершеннейшим ужасом. Если отец отвернется от нее, солнце скроется и все ее мечты пойдут прахом. Ей нужна была хоть капля надежды на его внимание, уважение и любовь. Она не могла вынести мысль, что утратит все это навсегда. «К тому же Жанна всегда может найти другое место, — пробормотал отчаявшийся голос в ее голове. — А я не смогу найти другого отца».

Вскоре стало ясно, что ужин будет безрадостным. Дядюшка Майлз согласился вернуться в дом, но попросил, чтобы еду принесли ему в комнату. Отец Фейт, холодный и неразговорчивый, опоздал к ужину, но сам ужин подали еще позже. Семья полчаса просидела за столом, когда наконец подали первое блюдо. Его принесла испуганная девушка, которую Фейт раньше не видела. Казалось, она наполовину ослепла от важности порученного ей дела. Она проливала суп на скатерть каждый раз, хватаясь за половник. Когда она юбкой сбросила со стола ложку Миртл и та звякнула об пол, девушка так испугалась, что опрокинула кувшин со сливками. Преподобному пришлось отодвинуться вместе со стулом, чтобы спастись от надвигающегося потока.

— Это невыносимо! — Его голос не был громким, но лед в нем был такой, что резал

насквозь. — Это неразумное дитя из местных или кто-то просто притащил сюда осла, поставил на задние ноги и одел в передник?

Глаза девочки заблестели от слез, когда она попыталась ликвидировать последствия с помощью передника.

— Хватит, ты делаешь только хуже, — нетерпеливо, но не так резко сказала Миртл. — Иди смени передник и попроси миссис Веллет принести свежую скатерть.

Девушка поспешила воспользоваться шансом и покинула комнату.

— Она совершенно безнадёжна, — объявила Миртл надломленным голосом, — но больше никого нельзя было найти в столь короткий срок. Может... — Она помолчала, и Фейт увидела, как ее аккуратный кружевной воротничок дрогнул, как будто она нервно сглотнула. — Может быть, стоит оставить Жанну ненадолго, просто чтобы избавить себя от таких испытаний?

— Утром ноги ее не должно быть в этом доме. — Преподобный был непреклонен.

— Однако я бы хотела... я бы очень хотела, дорогой, чтобы ты позволил мне поговорить с девушкой и, возможно, уладить дело по-своему...

Отец Фейт грохнул ножом и вилкой по столу и воззрился на жену.

— Я бы так и поступил, если бы видел, что ты для этого достаточно компетентна! Я думал, тебе под силу вести хозяйство, но, похоже, я тебя переоценил. Дом для каждого человека должен быть прибежищем, местом, где он может почувствовать себя хозяином и где ему не нужно каждый миг быть во всеоружии. Неужели я прошу слишком многого? Вместо этого мне на ужин подают остывшие помои, слуги все неуклюжие, неряшливые, они всё проливают, хлопают дверьми и не проявляют ни капли уважения. Горничные копаются в моих личных бумагах, а половина дома закрывает глаза на браконьеров и бродяг, шатающихся по моей земле. Меня изводят и донимают там, где мое слово должно быть законом.

Глаза Миртл расширились, потом она опустила взгляд. Ее лицо медленно покрылось краской, и нож в руке задрожал.

— Прости... прости, дорогой, — прошептала она почти неслышно.

— Знаю по собственному опыту, что есть пределы женской понятливости, — горько продолжил преподобный. — Однако я слышал, что другие жены умудряются держать слуг в порядке и не позволяют домашнему хозяйству скатиться в совершеннейший бардак. — Он резко встал, швырнул салфетку на стол и вышел из комнаты.

Фейт показалось, будто ее рвут на части, так случалось с ней каждый раз, когда отец разговаривал с матерью подобным образом. Ей хотелось принять сторону отца и было больно оттого, что она сочувствует матери. Сейчас она была почти уверена, что по ту сторону двери их кто-нибудь подслушивает, наслаждаясь унижением Миртл. Без сомнения, ее мать тоже боялась этого.

Миртл ушла к себе в комнату, сославшись на головную боль. Беспорядок в столовой был ликвидирован, тарелки унесли на кухню. Выходя из столовой, Фейт слышала всхлипывания. Казалось, они доносятся со стороны черной лестницы рядом с кухней. Заглянув за угол, она увидела, что на нижней ступеньке отчаянно рыдает Жанна. Горничная выглядела несчастной и растерянной. Глаза ее покраснели, а губы опухли от плача.

Фейт отпрянула от угла. Но это не помогло. В ее сознании Жанна Биссет больше не была хорошенькой, самоуверенной и высокомерной. Теперь она напоминала Фейт ребенка,

которого отшлепали. Может быть, Жанна не надеялась получить другую работу. Может, ей больше некуда идти.

Глава 9

Признание

«Я не могу. Это невозможно». И все-таки Фейт стояла перед дверью в библиотеку, подняв руку, готовая постучать. Ее мутило, мысли крутились и разбегались. Фейт пыталась представить, как Бог сейчас смотрит на нее и ждет, что она совершит благородный поступок. Но в ее представлении у Бога было лицо отца. Даже сейчас какая-то часть девочки верила, что, если отец не узнает, что она натворила, Бог тоже не будет знать, и тогда это не грех.

Фейт постучала. Все, поздно, теперь она не может повернуть назад.

Дверь распахнулась, и показался отец. При виде Фейт раздражение на его лице сошло на нет. Он явно ожидал увидеть кого-то менее приятного.

— Фейт, что-нибудь случилось?

— Папа, мне нужно поговорить с тобой, — быстро сказала Фейт, пока ее не покинули остатки мужества.

Отец секунду молча ее рассматривал, потом кивнул.

— Хорошо, — сказал он и открыл дверь пошире, сразу закрыв ее за Фейт. — Присаживайся, Фейт.

Она послушно села, не поняв, радоваться или еще больше беспокоиться от ласковых ноток в голосе отца.

— Думаю, я знаю, о чем ты хочешь поговорить. — Отец устроился за письменным столом. От недавней вспышки гнева не осталось и следа. Теперь он выглядел хмурым и усталым. — Ты все еще переживаешь о моем здоровье, да? И боишься, что я сержусь на тебя за то, что ты без приглашения вошла в мой кабинет? — Он бросил на нее взгляд, в котором не было ни тени суровости.

Фейт сглотнула и ничего не сказала. Это и правда ее беспокоило, но не в первую очередь.

— Во-первых, тебе не стоит волноваться по поводу моего здоровья, — продолжил отец. — Как я уже говорил, ты ошибаешься, вчера вечером со мной все было в порядке, просто я устал и слишком увлекся работой, потому не смог уделить тебе внимание. А что касается твоего вторжения в мой кабинет вечером и на следующее утро... — Он сложил ладони и серьезно посмотрел на Фейт. — Ты поступила нехорошо, и я буду сильно разочарован, если ты когда-нибудь сделаешь так снова. Но я уверен, что ты не хотела причинить мне зло или проявить неуважение. Я забуду про этот инцидент, Фейт. И больше не будем говорить на эту тему.

Он слегка кивнул, явно ожидая, что Фейт уйдет. Но она оставалась на месте, чувствуя себя глупо.

— Ты хочешь сказать что-то еще? — Он уже взял перо и открыл записную книжку — верный знак, что ей пора идти.

— Отец... — Перед глазами Фейт все плыло. — Я... это я заляпала твое письмо.

Перо легло на стол. Записная книжка захлопнулась.

— Что ты сказала? — Взгляд больше не был добрым.

— Это не Жанна. Я... я это сделала. — Фейт едва слышала свой голос.

Отец смотрел на нее несколько долгих секунд.

— С тех пор как мы выехали из Кента, письмо лежало в моем сейфе. — Отец Фейт встал. — Ты хочешь сказать, что специально открыла мой сейф?

— Прости... — снова начала Фейт.

— Ты имела возмутительную наглость копаться в моих бумагах? Ты прочитала письмо? Что ты еще видела?

— Только это письмо! Я... пролистала другие, ноглянула мельком. Мне ужасно стыдно, я не должна была так поступать, но я не знала, что мне еще делать! — Отчаяние придало силы ее голосу. — Я знала, что мы уезжаем из Кента по каким-то ужасным причинам, но никто не говорил мне, в чем дело! Я просто хотела это узнать!

— Что? Ты пытаешься оправдать свое поведение? — Отец затрясся от возмущения. — Нет! Ни слова. Молчи и слушай. Видимо, я должен пересмотреть свое отношение к тебе. Я считал тебя почтительной дочерью, честной, имеющей четкое понимание своего долга перед старшими. Я не думал, что ты способна на такой коварный обман. По всей видимости, за тобой недосмотрели, и твой характер опасно изменился к худшему. Честность похвальна для мужчины, но для девушки и женщины она важна как ничто. Послушай, Фейт. Девочка не может быть такой же отважной, умной и умелой, как мальчик. Если она не добродетельна, грош ей цена. Понимаешь?

Фейт показалось, что ее ударили наотмашь. В глубине души у нее жила слабая, крохотная надежда, что ее поймут и простят. Сейчас, практически утратив ее, она знала, что должна молить о прощении. И почему-то она не стала этого делать.

— Но я действительно умная. — Она произнесла это негромко, но все-таки произнесла. Она услышала, как ее губы выговаривают эти слова.

— Что ты сказала?

Подавляемые вот уже семь лет мысли вырвались наружу.

— Я умная! Я всегда была умной! Ты это знаешь! Я сама выучила греческий язык! Все говорят о Говарде и о том, какой у тебя блестящий сын, но в его возрасте я прочитала «Путешествие Пилигрима в Небесную страну» и «Историю Англии для детей» и запоминала латинские названия растений в саду! Говард едва может высидеть спокойно, пока ему читают «Историю маленькой Гуди Два Ботинка»!

— Как ты смеешь! — перебил отец, надвигаясь на нее. — Кто позволял тебе говорить со мной в таком тоне? Кто дал тебе право так хвастаться и дерзить? Где ты набралась этой спеси? Это что, награда мне за то, что я открыл тебе доступ к своей библиотеке и коллекциям? Ты лишилась ума или только благодарности? Ты не считаешь себя обязанной за свою одежду, крышу над головой и пищу, которой тебя кормят? Нет. Ты — нет! Каждый ребенок вступает в жизнь, будучи в долгу перед родителями, которые дают ему кров, пищу и одежду. Сын может однажды отплатить тем, что станет выдающимся человеком и увеличит состояние семьи. Но дочь никогда этого не сделает. Ты никогда не прославишься на военном поприще, не проявишь себя в науке, не сделаешь себе имя в церкви или в парламенте и не овладеешь достойной профессией. Ты всегда будешь лишь обузой, опустошающей мой кошелек. Даже если ты выйдешь замуж, твое приданое пробьет брешь в семейном состоянии. Сейчас ты отзываешься о Говарде презрительно, но если ты не выйдешь замуж, в один прекрасный день тебе придется просить его о снисхождении, чтобы не оказаться на улице.

Фейт не могла выдавить из себя ни слова. У нее перехватило дыхание. Горячие слезы полились по щекам. Перед ее мысленным взглядом возник залитый солнечным светом пляж, где она нашла ископаемое, свое первое ископаемое. Но вот солнце скрылось за

непроглядной черной тучей, отец ушел, и маленькая девочка осталась совсем одна с глупым камнем в руке.

— Все, что может сделать дочь, — более спокойно продолжил преподобный, — дабы компенсировать долг, который она не может возместить, это придерживаться пути повиновения, благодарности и скромности. Это ведь так мало, не правда ли?

Утирая слезы рукой, Фейт кивнула. Она ненавидела себя за этот кивок. Но свет на пляже грозил погаснуть. Ее самоуважение столкнулось с любовью, а в этом случае исход обычно бывает предрешен. Любовь играет не по правилам. В этот момент ее гордость, глубинная уверенность, что она права, само ее восприятие себя натолкнулись на перспективу быть нелюбимой.

Отец Фейт вернулся за стол и сел к ней спиной, нетерпеливо рассовывая бумаги. Она воспользовалась передышкой, трясущимися руками вытащила носовой платок и утерла слезы. Ей казалось, будто ее вывернули наизнанку. Все ее чувства и мысли, которые она вынашивала в себе годами, вырвались наружу... и вот от них не осталось камня на камне. Она больше не была ни в чем уверена. Тут Фейт смутно осознала, что отец перестал копаться в бумагах. Он поднял какой-то листок и внимательно его рассматривал. Через несколько секунд он выдвинул кресло из-за стола и развернул его в сторону Фейт, таким образом оказавшись на расстоянии одного фута от нее. Из-за слез она все еще видела мутно.

— Фейт. — Его голос стал менее ледяным. — Ты правда жалеешь о том, как вела себя?

Фейт снова кивнула.

— И эти твои глупости — это потому, что ты беспокоилась обо мне и хотела помочь?

— Да! — с трудом выдавила Фейт.

— А ты все еще хочешь помочь своему отцу?

— Конечно! — Внутри Фейт что-то шелохнулось. Она почувствовала что-то твердое под ногами. Каплю надежды.

— Хорошо. — Преподобный протянул Фейт бумагу, и она увидела, что это карта Вейна. — Говард сказал, что вы видели с пляжа гроты. Покажи их на карте.

Фейт озадаченно уставилась на очертания побережья и показала места, где, насколько она помнила, виднелись темные провалы пещер.

— Он упоминал, что на пляже есть лодка. Подумай как следует, она годится для плавания?

— Да, думаю да. — Фейт покопалась в памяти. — Она выглядела недавно покрашенной, и в ней вроде бы не было дыр.

Преподобный нахмурился и наконец решил:

— Фейт, возьми накидку, но убедись, что тебя никто не видел. Мне надо, чтобы ты мне помогла кое с чем. Никто — никто! — не должен об этом знать.

Когда Фейт, набросив накидку, выскользнула через заднюю дверь, отец уже ждал ее там в своем плотном пальто, теплом шарфе и шляпе с двумя козырьками.

— Возьми, — прошептал он, протягивая ей фонарь с ручкой, закутанный в плотную ткань. — Немного сдвинь ткань, но следи, чтобы свет не был виден из дома.

Фонарь был тяжелым и пах китовым жиром. Отец отвернулся и пошел в сторону башни. Ночь была темной и безлунной, лишь несколько бледно-пурпурных полосок виднелись на западе. Летучая мышь пронеслась мимо и исчезла. Фейт осторожно ступала по земле, опасаясь наткнуться на капкан в высокой траве, и ее лодыжки покалывало от страха. Отец нетерпеливо глянул на нее через плечо и жестом велел поторопиться.

— Мне надо вернуться домой до полуночи, — прошептал он, когда она поравнялась с ним. — Пожалуйста, не мешкай.

В темноте башня казалась больше, напоминая тюрьму. Отец открыл дверь и скрылся во мраке. Когда он вернулся, в его руках был закутанный в ткань предмет, причем преподобный едва удерживал его. С приглушенным стуком глиняного дна о дерево он опустил его на тачку, стоявшую у входа. Ноздри Фейт снова наполнились странным холодным запахом. Отец взялся за ручки тачки.

— Свети мне, чтобы я не наткнулся на камни, — прошептал он, указав рукой в сторону моря.

По мере приближения к пляжу тропинка становилась все более неровной, трава затрудняла путь. Когда колесо на что-то натыкалось, из-под ткани слышался шорох листьев, и каждый раз отец вздыхал с досады. На пляже ветер был более сильным и холодным. Море чернело, лишь отдельные клочки белой пены виднелись у побережья. Утесы казались более высокими, чем днем, напоминая гигантские зубы, вырванные из неба. Внезапный порыв ветра застонал в какой-то невидимой трещине или расселине почти человеческим голосом. Отец Фейт напрягся, повернув голову к источнику звука и опустив тачку. Одной рукой он скользнул в карман, прислушиваясь, но через какое-то время успокоился.

Пока они шли, взгляд Фейт привлек слегка выступающий карман отца, в котором лежало явно что-то тяжелое. В этом кармане он обычно носил маленький пистолет, когда отправлялся на поиски образцов фауны. Это был однозарядный пистолет с пузатым дулом, достаточно мощный, чтобы сбить с ног лесную кошку на расстоянии двадцати футов. Укутанный в ткань фонарь означал секретность, пистолет — опасность. Кого боится ее отец? Фейт осмотрелась, и ее воображение при любом звуке рисовало на вершине утеса любопытные головы и мелькающие фигуры. Камни, подпрыгивающие под ударами прилива, превратились в стук шагов.

Кое-как отец довез наконец тачку по пляжу до маленького лодочного сарая. Там он остановился около лодки, изучая ее в свете лампы и постукивая по дереву. Спустя какое-то время кивнул сам себе. Взяв лодочный канат, он потянул ее по покрытому галькой берегу к воде. Она двигалась медленно и неохотно.

— Встань за лодкой и толкай, — велел он, пытаясь заглушить ветер.

Сердце Фейт упало в пятки, когда подтвердились худшие из ее подозрений. Отец и правда хочет плыть на этой лодке в глухую ночь. Преисполненная дурных предчувствий,

Фейт вошла в сарай, сняла перчатки и спрятала в карманы, потом уперлась ладонями в холодное дерево и изо всех сил начала толкать лодку. При каждом толчке раздавался характерный скрип — днище терлось о гальку. Когда отец скомандовал ей остановиться, ее руки ныли, а холодная вода лизала ботинки, отчего ее ноги промокли. Удерживая лодку, Фейт чувствовала, как вода качает судно вверх-вниз. С видимым усилием отец поднял горшок с драгоценным растением. Фейт держала лодку как могла ровно, пока он устраивал горшок на корме.

— Папа, — отважилась спросить Фейт, — как мы увидим подводные камни? — Избегать капканов в высокой траве — это одно, но уклоняться от подводных камней темной ночью — совсем другое. Она вспомнила предостережения матери насчет течений и слухи о кораблекрушениях возле берега.

— Сядешь на нос с фонарем. Я буду грести, а ты — предупреждать меня, если увидишь камни.

Фейт уставилась на черную гладь моря. Каждый раз, когда появлялась новая шапка пены, она представляла, как вода разбивается о невидимый камень. Тем не менее она подоткнула юбку, чтобы не намочить, и забралась в судно, пока отец удерживал его неподвижно. Отец нуждался в ней, и какие бы опасности их не подстерегали, они встретят их вместе. Под ее весом лодка снова села на гальку, но отец напоследок сильно толкнул ее, и судно оказалось на плаву. Он ступил в воду и забрался в лодку.

— Возьми. — Преподобный протянул Фейт карту Вейна. — Ты должна провести меня к гротам. — Он уселся спиной к Фейт и взялся за весла.

Она села боком, чтобы видеть и расстилавшееся перед ней море, и отца на фоне пляжа. Карта трепетала в ее руках, грозя вырваться. Она разложила ее на коленях, придавив фонарем, в то время как отец начал грести. Поначалу каждая волна пыталась отбросить их на пляж, вынуждая отца Фейт яростно орудовать веслами. Вокруг них шипел прибой. Когда лодка вышла на глубокую воду, характер волн изменился. Теперь они толкали и раскачивали утлое суденышко, словно огромные черные волки затеяли игру.

Далекий мыс выглядел просто чернильным силуэтом. Рассмотреть гроты было совершенно невозможно. Фейт пыталась вспомнить, как они выглядели при свете дня, все эти утесы и бухточки, одиночные скалы, далекие стайки морских птиц. Волны становились все более опасными, перекатываясь под днищем лодки с гнетущим равнодушием. Когда судно сильно качало, Фейт дрожала всем телом, готовая вот-вот оказаться в ледяной воде. Она не умела плавать, но здравый смысл подсказывал, что вряд ли это ей помогло бы. Упав на борт, юбки удержат ее на плаву несколько секунд, но потом пропитаются морской водой и превратятся в балласт, ее ноги запутаются, и она пойдет ко дну.

Весла подняли очередной фонтан брызг, и Фейт показалось, что утес по левую руку немного выше, чем должен быть, и что пляж уплывает направо. Когда отец делал паузу и переставал грести, весла оставляли белые полосы на поверхности воды.

— Здесь течение! — Фейт вглядывалась в черные безликие утесы, пытаясь определить, где они находятся. — Нас тянет влево, в гавань!

«К утесам, — чуть не сказала она. — На камни!» Отец ничего не ответил, но начал грести еще усерднее. С каждым толчком нос лодки поворачивался правее, но потом снова устремлялся в гавань. Фейт была так увлечена, что чуть не пропустила шапку пены в тридцати футах от себя. Та поднялась вверх, формой напоминая цветущий вьюнок. И лишь когда пена рассеялась, Фейт заметила мелькнувший на секунду выступ белого цвета...

— Камень! — закричала она, поднимая лампу, чтобы лучше видеть. — Прямо перед нами!

— Как близко?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Фейт открыла рот, чтобы ответить, но тут свет фонаря упал на куда более близкую шапку пены. В блестящей впадине между двумя волнами на секунду поверхность разорвало нечто черное, неровной формы.

— Десять футов! — Фейт вцепилась в край лодки и с ужасом рассмотрела еще один, более близкий камень, похожий на гигантский зуб; море вокруг них кипело. — Они повсюду!

Снизу лодки донесся скрежет, словно по дну провели огромным тупым когтем. Всматриваясь в водовороты, Фейт перегнулась через борт, опустила руку в ледяную воду и нащупала подводный камень, облепленный ракушками. Она оттолкнулась от него изо всех сил, чуть не потеряв равновесие, и упала в лодку, намочив рукав и поранив пальцы. Фонарь в ее другой руке покачнулся и стукнулся о скамью, огонь съезжилась до голубого язычка, перед тем как снова стать высоким и желтым. За спиной Фейт слышала какофонию звуков, производимых деревом и металлом, и резкие выдохи ее отца, орудовавшего веслами. Царапающие звуки прекратились, признаков течи тоже не было.

Волосы Фейт, мокрые от соленой воды, хлестали ее по лицу и обжигали глаза. Все это время утес постепенно становился все больше и больше, закрывая небо. У его подножия бушевали волны, разрывая друг друга на части и растекаясь белой пеной. Фейт поняла, что слышит громкие ритмичные всплески и шипение, всплески и шипение. Чуть дальше в сторону океана она увидела, как волна разбивается об утес. Почти вся она превращалась в брызги, но часть воды скрывалась внутри скалы, откуда раздался глухой рев, и через некоторое время бушующая волна выплеснулась обратно. Прошла секунда, пока Фейт сообразила.

— Папа, я вижу пещеру!

Когда лодка подплыла ближе, рев стал еще более громким и зловещим. Вскоре Фейт разглядела устье пещеры — глубокую зияющую черноту, похожую на кошачий зев. Тут волны взяли над ними верх, весла беспомощно ударялись о кипящую белую воду. Брызги жгли Фейт глаза. Наконец прибой грубо поволок их вперед и втянул в глотку пещеры. Лампа неба погасла, остался только свет фонаря. Грохот воды, разбивавшейся о скалы, оглушал и отдавался эхом от камня. Днище лодки наткнулось на блестящую гальку, жалобно застонало и замерло. Впереди Фейт увидела склон пещеры, устремлявшийся вверх. В тусклом свете лампы было видно, что дальше, за зубчатыми отверстиями, есть другие пещеры.

За спиной Фейт преподобный встал на ноги и отпустил весла.

— Оставайся здесь! — резко велел он, когда Фейт шевельнулась. — Твой вес не даст лодке уплыть. — Он забрал фонарь, выбрался из лодки и по щиколотку в воде дошел до носа. Взялся за швартов и, забравшись на каменный уступ, привязал канат к торчавшему камню.

Очередная волна нахлынула со всей яростью, так что лодка приподнялась, а потом снова опустилась на гальку. Преподобный вернулся, повесив фонарь на плечо, и осторожно поднял огромный горшок.

— Жди здесь. — Отец скрылся в недрах пещеры, держа горшок, словно больного ребенка. Свет погас вместе с ним, оставив Фейт во мраке.

В пещере пахло морем, но это не был бодрящий запах морского побережья. Здесь

воняло старостью и болезнью. Море поглощало обломки кораблекрушений, оставляя голые деревянные кости кораблей в лишенной света пещере. У русалок здесь была зеленая кожа, глаза, как у осьминога, и длинные кривые пальцы, а от их дыхания пахло старой рыбой.

Наконец отец Фейт вернулся с фонарем в руке. Он ослабил веревку и, не говоря ни слова, запрыгнул в лодку. Когда их подняла следующая волна, он веслами изо всех сил оттолкнулся от камней, и когда вода отхлынула, они остались на плаву. Море повлекло их прочь, после крошечного мрака пещеры небо показалось на удивление ярким. Покинуть гроты было делом нелегким, но преподобный все греб и греб без усталости, пока наконец Фейт не увидела, как утес отступает, камни уменьшаются и волны стихают. Путешествие к берегу было долгим. Фейт не могла узнать пляж, откуда они отплыли, но, к счастью, помнила высокий тополь на краю утеса. Сейчас она не сводила глаз с одинокого силуэта на фоне ночного неба и направляла отца в ту сторону.

Вот показался окаймленный пеной берег, и наконец лодка уперлась носом в дно. Отец с дочерью выбрались наружу и вытащили ее на гравий. Фейт чувствовала, что ее ноги дрожат, руки онемели и не могут крепко схватиться за борт. Они оба прислонились к лодке, чтобы передохнуть, и пускали облачки пара в холодный воздух.

— Умница, Фейт, — наконец произнес преподобный. — Молодец.

И внезапно Фейт перестала чувствовать холод. Они возвращались к дому, Фейт толкала тачку. Ее шатало, несмотря на то что под ногами она чувствовала твердую землю. Они вдвоем встретили опасность лицом к лицу и уцелели. Ее подвергли испытанию, и она выдержала его достойно.

Тачку оставили рядом с оранжереей. Но, подойдя к дому, отец остановился и еще раз взглянул на часы.

— Уже почти полночь, — пробормотал он, — я опаздываю. Фейт, иди спать.

— Ты не идешь? — Фейт снова встревожилась. — Что-то не так? Мне пойти с тобой?

— Нет! — оборвал он. — В этом нет необходимости. — Повисла долгая пауза. — Фейт, — снова начал он более спокойным тоном, — никто не должен знать, что сегодня вечером я выходил из дома. Если тебя *когда-нибудь* спросят, ты должна ответить, что мы разговаривали в моем кабинете и расстались далеко за полночь. Поняла?

Фейт кивнула, хотя в действительности не совсем поняла.

— Я недалеко и скоро вернусь. — Отец поколебался. — Фейт, у тебя мокрые ботинки?

— Да, — призналась Фейт, тронутая его заботой. Возвращаться с пляжа в хлюпающей обуви было неприятно.

— Позаботься, чтобы к утру они высохли, иначе слуги заметят и будут сплетничать. Никто не должен заподозрить, что мы делали и где были. Ты должна убедиться, что никаких улик не осталось.

Он отступил на шаг от двери и задумался. Оглянувшись на Фейт, потом снова набросил ткань на фонарь и скрылся в темноте.

— Докажи мне, что ты и вправду умна, Фейт.

«Умна». Это короткое слово согревало Фейт, когда она украдкой поднималась по наружной лестнице в свой маленький сад на крыше и открывала дверь в комнату. Она проскользнула внутрь и торопливо сняла накидку, платье и нижние юбки. «Докажи мне, что ты и вправду умна». Конечно, это означает, что ей наконец *позволено* быть умной, наверняка это *признание* того, что она может быть умной! Она оправдает его надежды. Ее не застигнут

врасплох, и она не выдаст его тайну.

Фейт убрала заслонку с камина, раздула едва тлеющие угли, подбросила хвороста и бумаги, а потом зажгла свечу на каминной полке. При свете она внимательно изучила одежду, чтобы оценить, насколько сильно та пострадала. Накидка была покрыта репьями и грязью с лодки. Подол платья и нижних юбок пропитался насквозь морской водой, чулки тоже можно было выжимать. Даже дюймовые каблуки на ботинках не спасли ее от воды, и была вероятность, что кожа съежится и потрескается при высыхании. Однако Фейт не впервой было замечать следы после тайной прогулки на улице. Она надела ночную рубашку и тихо вышла из комнаты, захватив пострадавшую одежду.

Как она и надеялась, в комнате для мытья посуды было темно и пусто. Девочка украдкой наполнила раковину водой, растворила мыльные стружки, немного крахмала для жесткости и пригоршню соли, чтобы краска не полиняла. Потом очень аккуратно прополоскала чулки, влажные подола нижних юбок и платья. Ее нервы были натянуты, как струны, и она подпрыгивала от каждого стука ставен. Когда одежда перестала пахнуть морем, она выжала ее, взяла банку отрубей из чулана и так же тихо прокралась к себе в комнату. Развесив одежду перед камином, Фейт крючком аккуратно расстегнула крошечные пуговицы на ботинках, потом насыпала в обувь отрубей, зная, что они впитают в себя всю влагу, снова застегнула ботинки, чтобы они сохранили форму, и поставила их у огня.

Помещение еще не нагрелось, поэтому Фейт забралась в постель. Жаль, что нельзя попросить грелку, подумала она, понадеявшись, что не подхватит простуду. Обернувшись в одеяло, она села и начала чистить накидку от грязи и репьев. Запах нагревающихся отрубей успокаивал. Мысли грели и успокаивали еще больше. Отец позвал ее на помощь в час нужды. Ей показалось, будто давно запертая дверь приоткрылась, пусть даже на щелочку. «Он не может снова меня оттолкнуть, — прошептала часть ее сознания. — Не в этот раз. Я слишком много знаю». Но когда эта мысль промелькнула в ее голове, щетка в руке дрогнула. С того самого момента, когда началось их ночное приключение, какая-то смутная мысль не отпускала ее. Фейт пыталась не замечать ее, но мысль грозила ее поглотить, словно капкан в траве. Ее отец, ее любимый почитаемый всеми отец был потрясен, узнав о ее недостойном поведении. Тем не менее он велел ей пойти с ним ночью, тайком, прикрыв фонарь тканью, и никому об этом не рассказывать. Он чуть не порвал ее на части за то, что она умолчала о своих недостойных деяниях... теперь же она делала это вновь, на этот раз под его руководством...

Отец. Суровый блюститель честности. Безжалостный судья. Он попросил ее солгать, чтобы сохранить свои секреты. И теперь он снова ушел в темноту с пистолетом в кармане и попросил обеспечить ему алиби.

Глава 11

Подкова

Неожиданный стук в дверь разбудил Фейт. Несколько секунд она лежала, не до конца проснувшись. Ей снился суд, она стояла на скамье подсудимых, и зал постепенно наполнялся морской водой. Присутствующие злились, потому что она не выдавала имени сообщника. У судьи было лицо ее отца.

— Фе-е-ейт! — кричал Говард, судя по голосу, явно выведенный из себя. — Я не могу застегнуть воротничок!

Если Говард проснулся, значит, скоро время завтрака. Фейт проспала. Она выскочила из постели, пытаясь собраться с мыслями. Сдернула платье и нижние юбки с каминной решетки. Одежда высохла и пусть была не в идеальном состоянии, но все же не могла выдать ее. Фейт вернула заслонку на место и быстро смахнула комочки грязи и травинки.

Распахнув окна и ставни, она обнаружила, что мир поглотил туман. Вытрясла отруби из ботинок на каменные плиты крыши. С удовлетворением увидела, как воробьи и голуби слетелись, чтобы уничтожить улики.

— Фе-е-е-ейт!

Когда она распахнула дверь, Говард, споткнувшись, влетел в комнату. Его бумажный воротничок был надет задом наперед.

— Он давит! — Говард подергал воротник. — Я хочу к Скордл!

Фейт успокоила Говарда, поправила его пиджак и воротничок и, пока заплетала косу и приводила себя в порядок, пела ему песенки. К тому времени, когда миссис Веллет принесла им завтрак, они уже сидели в детской, растрепанные самую малость. Говард не позволил Фейт уйти после завтрака. Ему было скучно, и он уговорил ее почитать и поиграть с ним. Прошел час, когда она наконец смогла улизнуть. Внизу было тихо. Родителей нигде не было, и только дядюшка Майлз читал в гостиной.

— Доброе утро. — Дядюшка Майлз прищурился, глядя на нее.

— Где все, дядя Майлз? — поинтересовалась Фейт.

— Твоя мать заявила, что у нее болит голова, она завтракает у себя. Отец еще не встал, и никто не торопится постучать в его дверь.

— Наверное, он устал. — Присаживаясь, Фейт избегала дядиного взгляда. — Это моя вина. Мы беседовали допоздна и разошлись только ближе к часу ночи.

— Так поздно? Что-то стряслось?

— Нет, — торопливо возразила Фейт, чувствуя, что лицо начинает пылать. — Я... переживаю по поводу своей конфирмации.^[8]

— Господи, а что в этом такого? — удивился дядюшка Майлз. — Восхищаюсь твоим благочестием. Не уверен, что сам смог бы переживать о своей конфирмации десять минут кряду, не говоря уже о том, чтобы делать это до часу ночи.

Порядок. Слова произнесены. К лучшему или к худшему, Фейт обеспечила алиби своему отцу. Она знала, что алиби прозвучало достаточно убедительно и ей стоит гордиться тем, что в ее голосе сквозило естественное смущение. Но вместо этого она чувствовала лишь вину. Что она только что наделала? Она покорно открыла дверь и ступила во мрак, даже не зная, есть ли там почва под ногами.

«Ты выполняешь свой долг перед отцом, — сказала она себе. — В этом не может быть

ничего плохого. Ты должна доверять ему. Это все равно как с Авраамом. Бог велел ему убить сына, и тот пошел за ножом. Он поступил правильно, пусть даже казалось, что он поступает плохо. Он верил, что Бог лучше знает, что такое добро и зло. Но, — прошептал другой голос в ее голове, — может, ему не стоило этого делать. И в любом случае, отец — это не Бог».

Фейт стиснула зубы и попыталась решить дилемму. Но вместо этого ей в голову пришла хитрая мысль. «Я могу уговорить папу сказать мне правду. Ему придется. Я слишком много знаю. Теперь он должен рассказать мне все — о растении, о скандале и о том, куда он ходил, после того как мы вернулись домой. Он больше не может отмахиваться от меня».

— Точно? — переспросил дядюшка Майлз.

Фейт вздрогнула, не сразу сообразив, что дядя обращается не к ней. Рядом с его креслом, слегка наклонившись, стояла миссис Веллет и что-то шептала ему на ухо.

— Да, сэр. — Экономка из деликатности говорила тихо, но Фейт разобрала слова. — Сегодня утром все ботинки стояли в коридоре, кроме обуви преподобного. Я посмотрела на вешалку, его пальто и шляпы тоже нет.

Фейт похолодела.

— Странно. — Дядюшка Майлз встал, нахмурившись. — Наверное, надо еще раз постучаться к нему.

Фейт тоже поднялась, но не пошла за дядюшкой вверх по лестнице. Она одна знала, что отец ходил куда-то ночью. Судя по всему, он не вернулся. В ее воображении закрутились сцены, более ужасные, чем в стереоскопе Пола Клэя. Она представляла, как отец истекает кровью в капкане или неведомый враг нанес ему удар, и отец лежит на земле, слишком слабый, чтобы позвать на помощь. Она не могла ждать, пока остальные будут напрасно обыскивать дом. Фейт тихо пробралась к двери и выскользнула наружу.

Из-за тумана все казалось плоским и выцветшим. Деревья стали похожи на кружевные салфетки дымчатого цвета. Очертания зданий расплылись, и сами здания казались серыми, как гагачий пух. Фейт на цыпочках обошла места, где были установлены капканы, и никого не обнаружила в их зубастых ртах. В оранжерее и башне тоже никого не было. Она даже спустилась в лощину и попыталась позвать отца среди деревьев-призраков. Никто не ответил. Поднимающаяся на холм дорога, которую сейчас скрывал туман, тоже была пуста.

В этом призрачном мире звуки были на удивление реальными. Спеша по тропинке на пляж, Фейт слышала собственное дыхание и постукивание камней под ногами. На развилке она увидела тачку, которая лежала на боку с поднятой вверх ручкой, словно приветствуя Фейт как сообщницу. Неровная тропинка перешла в галечный пляж, и теперь каждый шаг отдавался высоким «ш-ш-ш», когда маленькие камешки вдавливались в песок. Прошлой ночью скалы выглядели массивными и были чернее черного. Теперь же они напоминали серую бумагу. Казалось, если бросить в них камень, они порвутся.

Она всматривалась в гальку, надеясь заметить следы отца. Дальний конец пляжа скрывался в тумане, и она с ужасом поняла, что не видит лодку. Она бросилась бежать, подобрав юбки. Нет! Нет! Лодка должна быть на месте! Он не мог еще раз воспользоваться ею! Это безумие — плыть куда-то без Фейт, державшей фонарь! Эта мысль овладела ее воображением, и она была слишком ужасной, чтобы не быть правдой. Фейт споткнулась, едва не подвернув лодыжку... и замедлила бег. Туман поредел, и она различила белые очертания и знакомый изгиб носа. Лодка все-таки здесь. Туман обманул ее.

Фейт прикрыла рот обеими руками, не уверенная, то ли заплакать, то ли запрыгать от

радости. Она повернулась, чтобы пойти домой. И тогда она увидела это. На склоне ближайшего утеса, примерно посередине, росло дерево, и на нем висело что-то черное. Оно напоминало подкову, болтаясь концами вниз и отворачивая удачу. Это был просто силуэт, не более того, но Фейт сразу поняла, что это. Люди часто ищут друг друга глазами и всегда могут опознать человеческую фигуру. Она поняла, что смотрит на две болтающиеся ноги, две руки и изгиб спины. На дереве висел человек. Холодный ветер пронзил Фейт словно ножом, и она понеслась к дому.

Десять минут спустя Фейт и Миртл сидели на кушетке в гостиной и ждали, когда чай в чашках немного остынет. Дядюшка Майлз и слуга Прайт спешно пошли на пляж, захватив крепкую веревку. Миртл закуталась в несколько ночных халатов, поверх которых набросила желтую шелковую восточную шаль длиной до пола. Фейт сжимала блюдце и молча торговалась. «Пусть это будет кто-то другой, или, если это он, пусть он будет жив, — молила она судьбу. — Пусть он выживет взамен на мою левую ступню». Часы бесчувственно отбивали секунду за секундой, но новостей не было. «Пусть он выживет, — Фейт подняла ставку, — и можешь забрать левую ногу целиком». Тик-так, тик-так, и ничего. «Пусть он будет жив, и забирай обе ноги». Часы были неумолимы.

Где-то открылась дверь, и в вестибюле послышались приглушенные голоса. Потом в дверь гостиной вежливо постучали, и дядюшка Майлз просунул голову внутрь. Сердце Фейт колотилось с такой силой, что она чувствовала его удары. Дядюшка Майлз поймал ее отчаянный взгляд и быстро отвел глаза.

— Миртл, — спокойно произнес он, — можно тебя на пару слов?

В эту секунду Фейт все поняла. Она остро ощущала себя, свои легкие, наполняющиеся воздухом и опустошающиеся. Она чувствовала, как фарфоровое блюдце оставляет вмятины на ее пальцах, форму зубов, к которым прижимается пересохший язык. Что-то теплое катилось из глаз по щекам. Неожиданно она ощутила себя отчаянно, безнадежно живой. Комната никуда не исчезла. Миртл стояла, часы тикали, и пустое белое небо уставилось на них в окно. Но невидимая волна схлынула, и теперь все словно было выброшенным на берег. Фейт наблюдала, как ее руки ставят блюдце и чашку.

Миртл подошла к дядюшке Майлзу, и он все бормотал и бормотал что-то ей на ухо. Одну руку он держал у ее локтя, готовый подхватить ее в любую секунду.

— Где? — надломленно спросила Миртл. — Где он?

— Мы отнесли его в библиотеку.

Миртл слегка оттолкнула брата и вышла в коридор. Дядюшка Майлз последовал за ней, не заметив, что Фейт идет по пятам. В библиотеке у стены с несчастным видом стоял Прайт, держа кепку в руке. Два кресла, в которых вчера сидели отец и Фейт, по-прежнему были расположены друг против друга, будто в молчаливом диалоге, но теперь их сдвинули в сторону, чтобы освободить место. На полу расстелили одеяло. На нем кто-то лежал. Фейт все смотрела и не могла отвести взгляд, но не видела. Только когда она моргнула, в ее мыслях отпечатался образ: окровавленная маска с открытыми глазами и бледными поникшими руками. Все надежды погасли, словно свечи.

Фейт стояла в дверях, опираясь о проем. Ее рука дрожала. «Мне следовало торговаться лучше, — сказал глупый, бессмысленный голос в ее голове. — Мне стоило предложить обе руки и ноги с самого начала».

Глава 12

Время останавливает ход

Миртл смотрела на тело мужа, лежавшее на одеяле, ясными, но пустыми глазами. Краски отхлынули от ее лица.

— Мы пошлем за доктором, — тихо сказал дядюшка Майлз, — но... мы поднесли зеркальце ко рту: признаков дыхания нет. Укололи его булавкой, но реакции никакой. — Он посмотрел в сторону и с ужасом заметил Фейт. Но было уже поздно.

Миртл, казалось, не слышит его. Она медленно отошла от брата и Прайта, готовых подхватить ее в любой момент, и остановилась рядом с Фейт, напротив висевшего на стене зеркала. Вдоль ее щеки свисал белокурый локон, подрагивавший на сквозняке. В этом была какая-то детская незащитность, и сердце Фейт сжалось. Она импульсивно потянулась к матери, но пальцы наткнулись на прохладный шелк желтой шали. Она не смогла обнять мать. Если она это сделает, что-то у нее внутри сломается.

Миртл слегка сжала ладонь Фейт, но продолжала смотреть в зеркало блестящими холодными глазами. Ее рука, еще без перчатки, медленно поднялась и начала поправлять волосы, пряча выбившиеся пряди и придавая нужную форму растрепавшимся локонам. Она сильно потерла нижнюю губу и смотрела, как приливает кровь, придавая рту розоватый оттенок. Взгляд ее упал на восточную шаль, и она нахмурилась.

— Я слишком бледна для желтого цвета, — пробормотала Миртл. Она говорила тихо, но Фейт была рядом и все слышала.

— Миртл, — настойчиво повторил дядюшка Майлз.

— Ты нашел его в лощине, — не оборачиваясь, сказала Миртл.

— Нет, детка, я же сказал тебе, он был на пляже, посередине утеса. Должно быть, упал...

— Сколько человек знают об этом? — резко спросила Миртл.

Дядюшка Майлз растерялся.

— Только мы четверо, — ответил он после секундного размышления.

— Значит, ты нашел его в лощине. — Миртл повернулась и взглянула брату в глаза. — Майлз, ты сам говорил, что там есть крутой спуск, где любой может упасть и свернуть шею.

— Но...

— Майлз, пожалуйста! — воскликнула Миртл. — Нам надо всем говорить так! Подумай, как будет выглядеть, если он упал с утеса. Подумай, что это будет значить для нас.

Фейт словно ударили. Какая теперь разница, как это будет выглядеть? Но Миртл уже повернулась к слуге.

— Прайт... моя семья в неоплатном долгу перед тобой за то, что ты сделал сегодня утром для моего мужа. Разрешите нам отблагодарить тебя. Если мы сможем рассчитывать на твою деликатность в этом вопросе, мы будем тебе еще более благодарны.

С этими словами она хладнокровно подошла к лежавшему на полу телу и села на корточки. На глазах Фейт мать розовыми, ухоженными пальчиками отодвинула полы пиджака и скользнула во внутренние карманы, достав чековую книжку и кошелек. Миртл встала и, повернувшись к Прайту, вложила монету в его ладонь.

— Спасибо, Прайт. Можем мы рассчитывать на тебя?

Прайт уставился на содеянное в своей ладони и вспыхнул.

— Мэм... — Он выглядел удивленным, если не потрясенным, но глаза его заблестели, когда он увидел монету. — В общем, я могу придержать язык, но... если констебль будет меня спрашивать, я не хочу лгать. И если меня попросят поклясться на Библии, я тоже не смогу. — Он нерешительно протянул ей монету обратно.

— Я бы не стала просить честного человека о таких вещах, — сказала Миртл, не проявляя ни малейшего желания забрать деньги. — Нужды в констеблях и Библиях не будет. Все, о чем я прошу, — твое молчание.

— Да, мэм, — прошептал Прайт.

До слуха Фейт донесся слабый звук — шорох подошв по плиткам.

— Снаружи кто-то есть, — сказала она.

Дядюшка Майлз приоткрыл дверь и выглянул в коридор.

— Нас кто-то подслушивал? — спросила Миртл.

— Не уверен, — ответил ее брат. — Но кто-то шел по направлению к черной лестнице. По-моему, Жанна.

— Жанна. — Миртл рассеянно перелистывала страницы чековой книжки. — Кто-то должен сказать девочке, что мы решили ее оставить.

Дядюшка Майлз ушел объявить Жанне и остальным слугам о происшедшем, а Прайта послали за доктором Джеклерсом. Миртл осмотрела комнату и, подойдя к столу мужа, начала суетливо перебирать бумаги. Внутри Фейт все перевернулось при виде того, как аккуратные пальчики матери небрежно роются в эскизах и заметки, которые он так тщательно оберегал.

— Что такое? — спросила Фейт, борясь с желанием выхватить бумаги из рук матери. — Что ты пытаешься найти?

— Может быть, письмо, — ответила Миртл, не поднимая глаз. — Личное... письмо, которое мы не хотели бы афишировать.

— Давай я поищу, — выдавила Фейт сквозь зубы. Она сглотнула и сказала более спокойным тоном: — Предоставь это мне.

Миртл поколебалась, пробормотав себе под нос:

— Тогда я смогу переодеться... Ладно. Но поторапливайся. У нас мало времени.

Фейт кивнула.

— Умница, — сказала Миртл, торопливо выходя из комнаты и потрепав Фейт по щеке.

Фейт отдернулась. Эти слова обожгли ее. Как только за Миртл закрылась дверь, Фейт поспешила к столу и собрала в кучу разрозненные бумаги, потом быстро обыскала ящики стола, коробку с принадлежностями для письма и сейф в углу. Между страницами книг были заложены несколько конвертов, их она тоже взяла. Мир рухнул, но она еще может защитить отцовские тайны. Руки Фейт дрожали, когда она смотрела на его почерк, а лицо горело. Но она помогала ему так, как могла. Она спрячет его документы в таком месте, где их никто не найдет. Завернув бумаги в салфетку, снятую со спинки кресла, Фейт выскользнула из библиотеки.

Когда она кралась по коридору и вверх по служебной лестнице, ее острый слух уловил звуки разговора на кухне, где, казалось, собрались все слуги. Голоса были приглушенными, но несколько истеричными, и в них слышалось возбуждение и любопытство. Судя по запаху, слуги «подкрепляли силы» горячим сидром. У двери в спальню отца Фейт задержалась, но повернула ручку и вошла. Вскоре здесь проведут обыск, поэтому лучше сначала осмотреть ей

все самой. Здесь было темно и пахло старыми книгами, политурой^[9] и табаком. Его пиджак сердито взирал со своего крючка на обратной стороне двери.

Она схватила пару писем и учетный журнал с его прикроватного столика, выудила две записные книжки из карманов пиджака. Потом, повинувшись внезапному импульсу, провела рукой под подушкой. Ее пальцы наткнулись на грубый край, и она извлекала тонкую переплетенную в кожу тетрадь. Присовокупив ее к своим находкам, Фейт проскользнула в свою комнату, куда сквозь окно просачивался слабый дневной свет. Когда Фейт сдернула ткань с клетки, змея свернулась кольцами, потом с любопытством подняла голову и приоткрыла пасть, высунув тонкий бледно-розовый язык. Фейт протянула руку, позволив змее обвиться вокруг нее, потом вытащила все тряпки, выстилавшие клетку, разделила бумаги на две стопки, положила их на дно и снова накрыла тряпками.

— Охраняй, — прошептала она, возвращая змею на место.

Когда Фейт вернулась в библиотеку, Миртл была уже там.

— Где ты ходишь? — резко спросила Миртл, но не стала дожидаться ответа. — Будь рядом, доктор скоро приедет.

Мать была одета в синее платье с чопорным высоким воротником и жемчужными пуговками, некоторые из них были расстегнуты, обнажая белую шею. Волосы расчесаны до золотистого блеска и аккуратно уложены, но у виска выбилась одна нежная прядка. Она все еще была бледна, но пудра сделала цвет лица ровным, добавив облику миловидности. Миртл выглядела взъерошенной, растерянной, нуждающейся в помощи и очень хорошенькой.

В комнате чувствовался запах алкоголя. Фейт взглянула на отцовский стол и заметила стеклянный графин с шерри,^[10] обычно стоявший в столовой. Немного шерри оставалось также на дне большого стакана. Все это было здесь вчера? Фейт не заметила, но, может быть, она слишком торопилась. Миртл застыла, подняв руку и делая Фейт знак замереть.

— Доктор Джеклерс! Его карета!

Миртл извлекла хрустальный флакончик с нюхательными солями из ридикюля. Открыла пробку и поднесла к носу, через секунду поморщилась, и у нее перехватило дыхание. После того как она сделала это еще раз, ее глаза наполнились слезами. Она отставила флакончик и быстро заморгала. К тому времени, как доктора Джеклерса проводили в библиотеку, по щеке Миртл стекала слеза, оставляя блестящий след.

Доктор Джеклерс долго изучал пациента. Миртл была неподалеку, отвечая на его вопросы, она заламывала руки, серебристые слезы завораживающе стекали по ее лицу. Фейт сидела рядом, лихорадочно размышляя. Отец на пляже, отец в лощине. Почему мать так хочет солгать?

— Мне очень жаль, миссис Сандерли, — наконец произнес доктор. — Я бы не стал надеяться на вашем месте. У него сломана шея...

Миртл издала тихий всхлип, что-то среднее между вздохом и плачем. Отвернулась и спрятала лицо в носовой платок.

— И зачем мы только сюда приехали! — приглушенным голосом сказала она. — Все из-за нарушителей... он был убежден, что они попытаются похитить его редкие ботанические образцы. Поэтому расставил капканы и неся к этой ужасной лощине всякий раз, как слышал малейший шум. Наверное, он упал в темноте и ударился головой...

— Вашего мужа нашли в лощине? — Брови доктора поднялись. — Мадам, должен признаться, с учетом полученных им ранений я удивлен. Мне претит огорчать вас подробностями...

— Прошу вас. — Миртл повернулась к нему лицом, на котором, несмотря на дрожащие губы, была написана решимость. — Не шадите меня. Я должна знать.

— Что ж... судя по всему, сломаны два ребра, а это подразумевает падение с большей высоты, чем в лошине. На лбу глубокая рана, но еще есть серьезный ушиб на затылке, скрытый под волосами. Такое впечатление, что после падения он еще какое-то время катился. Миссис Сандерли... этот вопрос нельзя задать более деликатно... есть ли вероятность, что его нашли в другом месте и ваши друзья дезинформировали вас, чтобы пощадить ваши чувства?

— Мой муж мертв, — тихо сказала Миртл. — Какие еще чувства тут можно шадить?

К лицу Фейт прилила кровь. Она с легкостью могла разорвать паутину лжи своей матери. Но сколько ее собственных нитей лжи порвутся при этом? Кроме того, последнее ее испытание на честность прожгло ее до глубины души.

— Что ж... — тихо произнес доктор, — может быть, ему хватило той высоты... если он резко бросился вперед.

Он вздохнул.

— Прошу прощения за вопрос, но ваш муж был чем-то озабочен вчера вечером? Находился не в духе?

Миртл застыла, побледнев, и ее лицо исказила гримаса боли.

— Доктор Джеклерс, — с долей надменности спросила она, — что вы имеете в виду?

Фейт точно знала, что имеет в виду доктор. Вмиг она поняла, как он видит эту ситуацию. Опозоренный ученый ночью выходит из дома и бросается с обрыва, не в силах вынести ужасного скандала...

— Простите мою неделикатность. — Доктор выглядел подавленным, самообладание словно покинуло его. — Я просто пытаюсь понять...

— Может быть, — с достоинством произнесла Миртл, — нам следует обсудить этот вопрос в личной беседе? — Она повернулась к дочери. — Фейт, будь добра, сходи к миссис Веллет... и попроси ее остановить часы.

Фейт поняла намек, выскользнула из комнаты и притворилась, будто уходит. Потом наклонилась и прижалась ухом к замочной скважине.

— ...Целый графин перед сном? — говорил доктор Джеклерс. — Такое часто бывало?

— В последнее время да. — Вздох. — Это не первое его падение. Просто в этот раз мы не смогли это скрыть.

У Фейт перехватило дыхание от возмущения. Разве может ее мать говорить такие вещи? Как смеет она изображать преподобного неловким спотыкающимся пьяницей? Потом Фейт вспомнила отца, сидевшего, словно в спячке, с пожелтевшими глазами, и странный экзотический запах в библиотеке. Что, если у отца было еще больше секретов, чем она думала?

— Доктор Джеклерс, я не знаю, что делать. — В тихом голосе Миртл слышались слезы. — Я так привыкла... скрывать слабости мужа... и я бы хотела и дальше не афишировать их, дабы оставить добрую о нем память. Но вы испугали меня. Вы правда считаете, что мой муж «резко бросился вперед»? Теперь так будут думать все?

— Миссис Сандерли... — Доктор резко умолк, вздохнув. Повисло короткое молчание.

Фейт оторвала ухо от скважины и прильнула к ней глазом. Ее мать стояла совсем рядом с доктором. Ее руки без перчаток умоляющим жестом сжимали его ладонь — странная, возмутительная интимность. Лицо доктора покраснело, как кирпич.

— У меня *дети*, — сказала Миртл. — Я в отчаянии. Пожалуйста, скажите мне, что делать.

— Я... — Доктор закашлялся и опустил глаза. — Клянусь, я сделаю все, что в моих силах, чтобы... избавить вас и вашу семью от лишнего беспокойства. Торжественно обещаю. Травмы... их можно описать по-разному. Пожалуйста, не тревожьтесь, миссис Сандерли.

Фейт обратила внимание, что он не попытался отнять руку, и с пылающим лицом отстранилась от замочной скважины. Она больше не могла подслушивать и подсматривать. В ее крови медленно, подобно буре, разгорался гнев, и ему не было выхода. На цыпочках она прошла по коридору до угла, где стояли высокие напольные часы, монотонно тикая маятником. Они издевались над ней, делая вид, что время все еще имеет значение, что будет новый день, что земля все еще вертится.

Стеклянная дверца холодила ее кожу, когда она открывала часы. От ее прикосновения маятник замедлился, она сжимала его до тех пор, пока он совсем не остановился. Ее разум успокаивался, когда она представляла, что земля постепенно прекращает вращение вокруг своей оси и свободно уплывает в бездну. Фейт долго стояла, прикасаясь пальцами к неподвижным стрелкам. Она чувствовала себя убийцей времени.

Глава 13

Фальшивые картинки

В их дом пришла смерть. Занавески опустили. Все зеркала были затянуты темной тканью, будто глаза, прикрытые веками. Воздух был тяжелым настолько, что Фейт казалось, будто весь дом сейчас провалится под землю. Приглушенные голоса были хрупкими, словно крылья мотылька. Шаги казались преступно громкими. И тем не менее весь день прибывали люди — пешком и на лошадях, несмотря на то что это был дом презренных Сандерли. В доме была смерть, а смерть — это коммерция.

Подъехала тележка, заваленная свежесрезанными цветами. Явился владелец извозного промысла, демонстрируя небольшой черный катафалк, запряженный двумя черными лошадьми. Миссис Веллет отправили в город, и она вернулась с портным и сундуками, полными черных тканей. Миртл решила, что похороны состоятся на следующий день.

— Не слишком быстро? — возразил дядюшка Майлз. — Через несколько дней уходит корабль на большую сушу. Если его держать на льду, мы довезем его обратно в Кент и похороним в фамильном склепе.

— Нет. — Миртл была непоколебима. — Мы похороним его здесь, на Вейне, и как можно скорее. — Она отказалась дальше обсуждать эту тему.

Спешка была неприличной, но одной неприличностью больше или одной меньше... Фейт обнаружила, что не переносит все живое. Не переносит безжалостное любопытство слуг, банальности дядюшки Майлза и то, как он пожимает плечами. Вопросы Говарда просто разрывали ее на части. Но больше всего она не выносила свою мать. Кому-то полагалось провести ночь в молитвах над телом. Фейт охотно вызвалась посидеть рядом с отцом.

Преподобного омыли, обрядили в лучшие одежды и положили на кровать в его спальне на втором этаже. Можно даже было представить, что он покинул мир прямо здесь, в окружении любящей семьи и с хорошей книгой в руках. Ложь, но от нее становилось легче. По всей комнате были расставлены ароматические свечи и вазы с цветами. Из-за них комната казалась святилищем, пусть даже Фейт знала, что они были призваны замаскировать запах.

Конечно, Фейт не в первый раз оставалась наедине с покойником. На ее глазах умерли пятеро братьев, и она до сих пор помнила их доверчивые маленькие ручки в своих ладонях. И потом каждый раз она несла вахту над телом. Кто-то всегда должен сидеть с покойником на случай, если вдруг окажется, что он все-таки не умер. И лучше узнать об этом до похорон. Но на этот раз никто не пошевелится. Она это знала. Она чувствовала это по ужасающему спокойствию, наполнявшему спальню. Мертвецы излучают спокойствие.

На прикроватном столике лежала огромная семейная Библия в черном переплете. Фейт много раз просматривала записи рождений, смертей и свадеб на пустых страницах в конце книги. Здесь были ее братья. А теперь к этим именам добавится Эразмус Сандерли — еще одна человеческая жизнь, как муха, раздавленная огромными страницами. По крайней мере, в мерцании свечи он больше не выглядел беспомощным, как на одеяле в библиотеке. Черты его лица казались высеченными из мрамора, не подверженного времени и тлению. Он выглядел алтарем самому себе.

Фейт не хотела уходить от этой безмятежности. Она не хотела покидать отца. Она не знала, что чувствует. Ее эмоции были такими незнакомыми и бурными, что они словно существовали где-то снаружи — будто огромные облака перекатывались и сталкивались над ее головой, а она лишь наблюдала за ними.

Самоубийство. Один из смертных грехов.

— Я не верю, — сказала она ему. — Я *знаю*, ты бы так не поступил.

Но в чем она теперь вообще может быть уверена? Сколько секретов *на самом деле* таил ее отец? Что, если он снова принял свой загадочный опиат и бросился со скалы в приступе меланхолии, вызванной опьянением? Фейт слишком устала, чтобы думать, но не думать не могла. Ее разум все время цеплялся за то, что ей было известно и чего она не знала, упуская кусочки головоломок. Теперь она понимала, почему мать солгала о том, где нашли тело. Сломанная шея в лощине выглядела несчастным случаем, неверным шагом в темноте. Кто же станет бросаться с заросшего деревьями неглубокого обрыва, когда поблизости есть скала?

«Но ему даже не нужна скала. У него был пистолет». Фейт подставила кулаки к вискам. «У него был пистолет». Она вспомнила, как он импульсивно потянулся за пистолетом, когда они были на пляже. Он чего-то боялся. А теперь он погиб. Почему ему обязательно нужно было вернуться из поездки по морю до полуночи? И почему он так отчаянно пытался спрятать загадочное растение? Она вспомнила их тайное путешествие с растением на тачке, и у нее появилось ощущение, будто что-то не так. Она снова увидела покрытую каплями конденсата тачку, одиноко лежавшую у развилки дороги. «Но... она должна быть не там. Мы с отцом оставили ее около оранжереи». Полнейшая неопределенность в ее голове сформировалась в подозрение.

Туман уже отступил, когда Фейт снова вышла из дома, чтобы повторить свой утренний путь. И точно, у развилки лежала тачка. «Может, это ничего и не значит. Прайт мог встать пораньше и передвинуть тачку». Она продолжала идти, свернув на дорожку, ведущую к вершине утеса. Подъем был неровный и каменистый. Дорожка разделялась пополам, как раздваиваются потоки воды во время дождя. Она добралась до заросшей травой вершины, и легкий ветерок раздул ее плащ. Взглянув вниз, Фейт увидела, как неглубокие полумесяцы волн расчесывают своими пенными пальцами берег. Прямо внизу, посередине склона, черное дерево, поймавшее ее отца, стало колыхаться, словно заманивая ее к себе. Здесь дорожка была затоптана. Фейт наклонилась и всмотрелась. Недалеко от края обрыва в грязи виднелась какая-то вмятина. Это мог быть след палки или ребра ботинка, но его вполне могло оставить и колесо тачки.

Когда Фейт вошла в гостиную, дядюшка Майлз поднял глаза от книги, и его нахмуренный лоб слегка разгладился.

— Как дела, Фейт?

Она не могла ответить ничего приятного или веселого.

— Дядюшка Майлз... могу я спросить тебя кое о чем? Ты говорил, когда... когда отца не пустили на раскопки, кто-то дал ему письмо.

— Да... — Дядюшка Майлз горестно поднял брови и закрыл книгу. — Причем оно весьма огорчило его. Предполагаю, мы никогда не узнаем, кто его написал.

— Оно было без подписи?

— Похоже на то. Твой отец требовал сказать, кто его написал. Внезапно все вокруг стали его врагами, и он ничего не желал слышать. Бен Крок нашел письмо в своей дневной

почте и отдал отцу, но сказал, что больше ничего не знает.

— Что там говорилось?

— Твой отец никому не позволил его прочесть. — Дядюшка Майлз покачал головой. — По пути домой он продолжал утверждать, что кто-то следил за ним, кто-то его предал, читал его бумаги. А когда мы вернулись домой... он бросил письмо в огонь.

— А вот и ты, Фейт! — Миртл находилась в гостиной с портнихой. — Вот черное батистовое платье, которое тебе подойдет, если его немного расставить и перешить на тебя.

Фейт устала на небрежно брошенный на кресло наряд. Судя по всему, его уже носили. В этом платье уже кого-то оплакивали.

— Мама... я могу поговорить с тобой?

— Разумеется, — рассеянно ответила Миртл, не поднимая глаз от альбома с моделями, демонстрирующего элегантных женщин в траурных платьях, отделанных крепом. Она ткнула пальцем в изображение нужного фасона и передала альбом портнихе. — Вот это, модного кроя. Я никак не могу отказаться от такого кринолина. И вы уверены, что мы не можем использовать блестящий шелк? Неужели все должно быть таким тусклым и скучным? — В крепе и правда было что-то замогильное. Казалось, он высасывает свет.

Портниха заверила ее, что других вариантов нет, и Миртл смирилась.

— И все такое *дорогое*, — тихо пробормотала Миртл себе под нос. — Но мы должны соблюсти все приличия. Миссис Веллет, наверняка где-то на Вейне должен быть старый креп по сниженной цене?

— Я наведу справки, мадам... но люди не любят держать его дома, когда траур заканчивается. Говорят, это к неудаче. Кроме того, мадам, креп служит недолго. Он быстро изнашивается, а то и вовсе разваливается, если его постирать или если попасть в нем под дождь.

— Мама, *пожалуйста*, можно поговорить с тобой наедине? — Фейт не могла сдержать нетерпение.

— Да, Фейт, конечно. Как только с тебя снимут мерки.

Фейт пришлось стоять, стиснув зубы, пока на нее прикидывали бомбазин,^[11] затем легкую полушерстяную ткань, черные ленты и обмеряли ее сантиметром. Она была вынуждена слушать, как мать препирается и пытается лавировать между крайней расточительностью и поразительной скарედностью. Да, ей, безусловно, нужен черный шифоновый зонт. Но нет, украшения из черного стекла вполне подойдут вместо гагатовых. Да, ей совершенно точно нужен капор с дополнительными лентами. Но нет, семье совершенно ни к чему избыток черной одежды, они покрасят в черный кое-что из имеющихся вещей. Наконец портниха ушла.

— В чем дело, Фейт? — Миртл секунду рассматривала дочь. — Ты совсем бледная! Попрошу миссис Веллет принести тебе немного бульона.

— Я хотела поговорить с тобой насчет отца и его падения с утеса...

Крайняя обеспокоенность резко схлынула с лица Миртл. Она быстро подошла к двери, открыла ее и снова закрыла.

— Ни слова, — твердо и спокойно произнесла она.

— Но...

— Ни слова об утесе — в моем присутствии или в присутствии кого бы то ни было еще.

— Я нашла следы на вершине, — настойчиво продолжила Фейт. — Я думаю, случилось

что-то ужасное...

— Это не имеет значения! — взорвалась Миртл. Она закрыла глаза и испустила долгий вздох, а затем продолжила тихо, но едва сдерживая волнение: — Я знаю, тебе трудно это понять, но сейчас имеет значение только то, как все это выглядит со стороны. У нас есть наша версия. Она и есть правда.

Фейт поглотила волна разочарования и отвращения. Зачем она вообще стала говорить с матерью? Чего она ожидала? Что еще могла рассказать Фейт? О пистолете, о том, как ее отец хотел вернуться домой до полуночи, о его отчаянном стремлении спрятать загадочное растение... Она ничего не могла рассказать, не раскрыв тайны отца. Выходя из комнаты, Фейт оглянулась и увидела, как Миртл примеряет черную бархатную ленту на шею. В этот миг Фейт ненавидела свою мать.

Ближе к вечеру явился Клэй с фотоаппаратом, треножником и чемоданчиком с химикатами. Его сын Пол, запыхавшись, тащил разнообразные подставки следом за отцом. Им предстояло сделать фотографию на память, семейную фотографию. Возлюбленный отец со своей семьей. Снимок, который они будут показывать друзьям и родственникам, открытка, которую можно послать знакомым. Фейт вспомнила, как Пол Клэй в лавке показывал ей посмертные фотографии и наблюдал за ее реакцией. Сейчас он не проявлял никакого желания встретиться с ней взглядом, так же как и Фейт.

Преподобного Эразмуса Сандерли перенесли для фотографирования в гостиную. Поправили его одежду и искусно уложили волосы, чтобы скрыть рану на виске. Как долго он был осью, вокруг которой вращался весь дом. И теперь Фейт было больно видеть, как его перекладывают с места на место, словно куклу. Сейчас преподобный важно сидел в огромном кресле, положив руку на открытую Библию. Миртл смиренно сидела рядом с ним на обтянутом тканью стуле с высокой спинкой. Вдовый наряд еще не закончили усаживать на ее фигуру, но она оделась во все самое темное — темно-синее платье и черную шаль. Она была очень хороша в своем горе, и Фейт ненавидела мать за самообладание. Говард ссутулился у их ног, и, чтобы отвлечь его, ему в руки дали деревянного льва. Фейт видела только его склоненную головку и изгиб напряженной спины. Челюсти льва клацали: клац-клац-клац — снова и снова.

Фейт поставили за спинкой отцовского кресла. Она украдкой немного приподняла руку, коснувшись его рукава, и у нее возникло слабое чувство единения.

— Вы не могли бы отойти на шаг назад, мисс? — Пол Клэй стоял за ее спиной, держа тонкую подставку с прочным основанием и напоминавшими пинцет креплениями сверху.

Фейт неохотно отступила, утратив контакт с отцом. Она почувствовала, как Пол поправляет ее косу, а потом аккуратно прикрепляет подставку зажимами к ее шее. Ее глаза защипало, и она возненавидела Пола Клэя, возненавидела его сухой, холодно-вежливый голос. Она протянула ладонь назад, нашла его руку и изо всех сил ущипнула. Она жаждала, чтобы он вскрикнул и опозорил ее этим, но он молчал. Когда она выпустила его руку, он с непроницаемым лицом вернулся к своему отцу.

— Подставка поможет вам сохранять неподвижность, — объяснил Клэй.

«Стой здесь и не шевелись, иначе испортишь фотографию. Говори это и только это, иначе испортишь историю». Семейство Сандерли стояло смирно, уставившись в черный глаз камеры. Фейт подумала о том, как шипят химикаты, как ее изображение проявляется сквозь стеклянный негатив, несмываемое, бессмертное. Она подумала, будет ли видно на

фотографии, какие у нее безумные глаза и сколько мыслей крутится в ее голове.

— Готово, — объявил Клэй с такой нежностью, будто родил ребенка. — Отлично получилось.

После того как он зафиксировал негатив, Миртл позвала его поговорить, и они устроились у камина. Фейт пыталась не подслушивать, но не смогла.

— ...У меня совсем нет друзей на этом острове, не знаю, что мне делать, если вы мне не поможете. — У Миртл были по-детски широко открытые глаза. — Вы ведь можете нарисовать открытые глаза на фотографии? Наверняка вы можете внести и другие изменения? Рана на его виске все равно видна. Не могли бы вы закрасить ее?

Таким образом, фотография якобы счастливой семьи стала еще более фальшивой, и потом еще... Фейт больше не могла это выносить. Она незаметно ушла из гостиной. В коридоре было холодно и темно. И наконец-то она осталась одна. Но потом дверь за ее спиной скрипнула, Фейт обернулась и увидела, что Пол Клэй вышел следом за ней. Он стоял, ничего не говоря и глядя на нее с тем же непроницаемым выражением лица, что и раньше.

— Было больно, когда я тебя ущипнула? — спросила она. С ее легкими творилось что-то неладное. Каждый вдох наполнял их иголками. — Скажи мне, что тебе было больно!

Он втянул в себя воздух и на пару секунд задержал дыхание.

— Получится хорошая фотография, — наконец сказал он. — Достойная. Не все наши клиенты... В общем, он хороший...

— Хороший кто? — Кровь в жилах Фейт закипела. — Хороший покойник?

— Что ты срываешься на мне? — отрубил Пол, впервые повысив голос. — Не я сделал его таким!

— Не ты? Значит, кто-то другой!

Слова вырвались наружу, и ей стало легче дышать. Она больше не верила, что отец упал с утеса, обезумев от дурмана. Вместо этого она представляла, как некто толкает тачку по тропинке и останавливается на вершине скалы, чтобы сбросить ношу. Тело падает, безжалостно ударяясь о камни, и повисает на дереве. А потом другой силуэт крадется прочь, бросая тачку в том месте, где тропинка раздваивается.

— Вы все ненавидели его! Все на этом мерзком, глупом, убогом острове! И *один из вас его убил!* — Она развернулась и стремглав убежала вверх по лестнице. Лучше умереть, чем позволить Полу Клэю увидеть ее слезы.

Это не несчастный случай. Не самоубийство. А убийство.

Глава 14

Похороны

В день похорон все вокруг затянула серая пелена. Одетые в черное носильщики что-то бормотали, спуская гроб по ступенькам. Их ботинки запачкали ковер. Входная дверь была распахнута, и гроб вынесли ногами вперед. Фейт слышала, так делают для того, чтобы мертвец не смотрел в дом и не звал живых присоединиться к нему. «Как жаль, что он не может меня позвать», — подумала она.

После поездки в холодном экипаже семейство Сандерли направилось ко входу в церковь. Мужскую часть семьи представляли Говард и дядюшка Майлз. Наемные участники похоронной процессии шли рядом, держа длинные шесты, обмотанные крепом и напоминавшие зловещие сачки для бабочек. Когда семейство вошло в церковь, глазам Фейт потребовалось какое-то время, чтобы привыкнуть. Она думала, что в церкви никого не будет, кроме священника, и что все декорации и костюмы Миртл сделаны для представления без зрителей. Она ошибалась. Церковь была полна людей, обернувшихся при входе Сандерли. Большинство из них оказались совершенно незнакомыми. Но все огороженные именные скамейки пустовали. В дальнем конце одной из них с чрезвычайно неловким видом сидел доктор Джеклерс. Уважаемые семьи, почитаемые люди Вейна не явились.

По пути к их скамье Фейт чувствовала, как взгляды стекают по ее затылку, словно ледяные ручьи. Миртл, подняв подбородок, плыла, как королева тьмы, черное стекло ее украшений и золото волос, едва видных из-под плотной вуали, искрились от свечей. Перешептывания стихли, когда ее черные юбки заскользили по плитам церковного пола. На секунду Фейт против воли почувствовала гордость за дерзкое поведение матери. Вообще для женщины считалось смелым посещать похоронную церемонию, но Миртл твердо заявила, что «не станет прятаться».

Семейство Сандерли разместилось на своей скамье, и Фейт пожалела, что деревянная ограда высотой не семь футов. Пока они шли по проходу, до ее ушей донеслись кое-какие комментарии.

— Что значит «силки снова расставлены»? — не смогла она удержаться и спросила у матери.

— Это значит, — прошептала Миртл из-под вуали, — что в мире много завистливых старых ведьм. И что я правильно выбрала платье.

— Я тебе говорил, что зря мы устроили похороны в воскресенье, — пробормотал дядюшка Майлз. — В выходной день все с радостью придут сюда, чтобы поглазеть.

Клэй выглядел таким хилым в своем широком церковном облачении и за огромной кафедрой казался гномом. Он говорил убедительно, но тихо, как будто устал сражаться с тенями, свисавшими с арочного потолка.

— Ибо мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из него. Бог дал, Бог взял; да благословенно будет имя Господа...

Шелест молитвенников. Известный псалом, который пели на незнакомый мотив. Потом Клэй говорил снова и снова — о падении и возвышении, о сие и искуплении. Его слова были как бесчисленные камни на бесконечном пляже, и Фейт не могла дожидаться, когда он закончит. Она хотела, чтобы ее отец упокоился наконец под землей, вдали от холода, враждебной тьмы и злобных шепотков. Но вот викарий умолк, и послышался шум

шаркающих ног и сдвигаемых скамеек. Миртл слегка подтолкнула Фейт, и та с облегчением поняла, что служба закончилась. Она встала и вместе с остальными членами семьи вышла на серый свет дня, собираясь проводить гроб к могиле.

Впереди возникла какая-то суeta. Вместо того чтобы подождать Сандерли и выйти следом, прихожане поднялись со скамеек и устремились к двери. Семейство Сандерли вышло из церкви, и Фейт увидела, что прихожане вовсе не спешили поскорее разойтись по домам. На церковном дворе было полно людей, они стояли, сидели на корточках, прислонившись к памятникам, и все наблюдали за приближением гроба. Секунду Фейт поискала глазами выкопанную могилу. Потом заметила мужчину с лопатой в руках, на лице его читались сомнения. У его ног была длинная темная дыра, но в ней с вызывающим видом стояли четверо или пятеро людей, опираясь локтями на землю. Их головы едва виднелись. Остальные встали перед могилой, скрестив руки, — шлагбаум из людей в три ряда.

— Что происходит? — воскликнул Клэй.

— Его нельзя хоронить здесь, — сказал мужчина в центре группы, высокий, крепкого сложения, с темными волосами и воинственным выражением лица.

Фейт сразу же узнала его. Это был Том Пэррис, нечаянно испугавший ее в лесу рядом с Булл-Коув. Том Пэррис, чей сын угодил в капкан преподобного.

— Что ты имеешь в виду, Том? — викарий пришел в ужас. — Почему?

— Это освященная земля, — коротко ответил Том. — Здесь не должно быть самоубийц. Этот Сандерли бросился со скалы, и нам наплевать, если кто-то утверждает иное. Мы знаем, где его нашли.

Фейт заметила, как Том покосился куда-то в толпу. Она проследила за его взглядом и заметила знакомую фигуру. Жанна Биссет, горничная, такая смиренная в своем лучшем воскресном наряде с черной лентой на рукаве, не скрывала ликующий взгляд. «Это она рассказала, где нашли отца. Всем рассказала».

— Если они хотят похоронить его, — неумолимо продолжил Том, — в двух милях [\[12\]](#) отсюда есть перекресток. Мы даже дадим им кол, чтобы призрак не мог выйти из могилы. Но не здесь. Не рядом с могилами наших отцов и дедов.

— Но это жестоко! Жестоко! — Миртл затряслась от возмущения, на секунду утратив самообладание. Ее голос изменился до неузнаваемости.

Зазвучали другие голоса. Дядюшка Майлз и викарий вышли к толпе, и Фейт увидела, как они ожесточенно спорят с Томом, выражавшим мнение толпы. Вскоре дядюшка Майлз отвернулся и знакомо пожал плечами. «Я попытался», — говорил его жест. Говард тихонько захныкал, и Фейт поймала себя на мысли, что слишком сильно сжимает его ладонь. Клэй вернулся к Миртл и Фейт.

— Никогда не видел наших людей такими непреклонными! — сказал он. — Но я обещаю, никто не станет протыкать вашего мужа колом и хоронить на перекрестке.

— О, спасибо, спасибо вам! — воскликнула Миртл.

— Нет, этот старый закон отменили еще при моем дедушке, — продолжил викарий, хмуря лоб. — Но они правы, говоря, что самоубийцу нельзя хоронить на освященной земле. Мне так неловко, миссис Сандерли, но, поскольку обстоятельства смерти преподобного поставлены под сомнение, мне придется обратиться к нашему магистрату мистеру Ламбенту.

— Мы не можем похоронить его? — На щеку Фейт упала большая холодная капля начинающегося дождя.

— Не беспокойтесь, — поспешно ответил мистер Клэй, — я уверен, что это какое-то недоразумение и скоро все уладится.

— А если нет? — спросила Миртл.

— Ну что ж... здесь неподалеку есть луг, где хоронят младенцев, рожденных вне брака. Неосвященная земля, но в пределах видимости церковного шпиля...

— Нет! — взорвалась Фейт. Ее отца навечно изгоняли с позором и отлучали от церкви...

— Нет, только не это! — заявила Миртл, глаза ее сквозь плотную вуаль блестели от ярости. — Его должны похоронить на церковном кладбище. — Она понизила голос. — Эти люди, они же не будут здесь до вечера. Мы не можем подождать и похоронить моего мужа, когда они уйдут?

— Миссис Сандерли, — грустно ответил викарий, — я пообещал им, что будет произведено дознание. Если я нарушу слово... что ж, мы можем опустить его в могилу, но я не думаю, что он там задержится.

Дядюшка Майлз остался в церкви со священником и катафалком — пообщаться с бунтовщиками и посмотреть, «какое влияние могут оказать доводы рассудка и деньги». Гроб передвинули в церковную крипту^[13] «на некоторое время».

— Мы должны уладить все сегодня! — повторяла Миртл, пока карета ехала на север по извилистой нижней дороге вдоль побережья. — Поминки, кучер и катафалк, наемные плакальщики — все это заказано на сегодня! Мы не можем позволить себе... — Ее голос смолк.

— Почему мы не можем вернуться в Кент и похоронить отца там? — спросила Фейт.

— Ты думаешь, люди не станут задавать те же самые вопросы и там? — отрезала Миртл. — Внезапная смерть сразу после разразившегося скандала? Его осмотрят другие доктора, и они могут оказаться... не такими покладистыми, как доктор Джеклерс. Нет, к тому времени, как мы вернемся на большую землю, твой отец должен быть похоронен должным образом, со свидетельством доктора, что он погиб в результате несчастного случая, и чтобы ни у кого не возникло сомнений. Мы похороним его здесь и сделаем это сегодня!

Когда экипаж подъехал к дому Сандерли, Миртл приняла решение, как действовать дальше. Она вызвала миссис Веллет и попросила ее позаботиться о Говарде. Потом постучала по потолку кареты:

— Отвезите нас к дому магистрата!

Кучер начал спорить, мол, у него не наемный кеб и ему заплатили только за похороны, а не за то, чтобы ездить туда-сюда. Миртл привела безмолвный довод в виде монеты. Фейт ощутила растущую неловкость. Вдовам в полном трауре не полагалось ездить по гостям, она это знала. На самом деле, это было просто неслыханно — нанести визит и вообще появиться на публике. Но что еще оставалось Миртл?

— Они должны понять, — заявила она, словно отвечая на немой вопрос Фейт. — Они должны понять, что это чрезвычайный случай.

«Да, — подумала Фейт. — Должны». С мрачным предчувствием она следила за изгибами дороги, поднимавшейся к «Пейнтс». Усадьба бросала вызов всем своим видом и была еще более неприступной, чем раньше. Маленькая черная карета подъехала к дому, сопровождаемая собачьим лаем. Фейт и Миртл спустились на землю, после чего кучеру

привели еще один довод, потому что он совершенно не хотел ждать, — очередная монета уговорила его задержаться на некоторое время, но он ясно дал понять, что «не хочет потерять воскресенье». Он выглядел напуганным. Фейт предположила что его встревожила толпа на церковном дворе. Вероятно, он не хотел, чтобы его флаг видели на мачте тонущего судна. Мать и дочь поднялись по ступенькам и постучали огромным дверным молотком. Страдавший одышкой слуга, с которым они уже встречались, открыв дверь и с удивлением взглянул на них.

— Нам нужно поговорить с мистером Ламбентом по срочному делу, — объяснила Миртл. — Как с другом и как с магистратом.

Слуга стал извиняться. Мистер Ламбент уехал и будет отсутствовать несколько часов. Но миссис Ламбент дома. Не хотят ли миссис и мисс Сандерли подождать в гостиной, пока он узнает, принимает ли миссис Ламбент? Гостиная была совсем маленькой и выглядела заброшенной. Миртл ходила взад-вперед, подметая пол своими длинными черными юбками, а Фейт до боли стиснула руки, пытаясь унять птичий базар в мыслях.

— Лучше, чем ничего, — тихо говорила Миртл. — Если мы уговорим ее, она может склонить мужа на нашу сторону.

Часы в этом доме продолжали идти, и стрелки на розовом циферблате слишком явно показывали им, как утекает время. Четверть часа. Полчаса. Сорок пять минут. Они прождали целый час, когда слуга принес им свежезапечатанное письмо на серебряном подносе и ушел. Фейт прочитала его из-за плеча Миртл.

Миссис Сандерли!

Прошу прощения за то, что вам пришлось долго ждать моего ответа, но, когда я слышала, что вы ожидаете в гостиной, я не могла поверить своим ушам. Хотя я допускаю, что в Лондоне другие порядки, но не думаю, что в столице утратили всякое представление о приличиях, благопристойности и чувстве такта.

Сознаюсь, меня удивило ваше решение устроить похороны мужа в воскресенье. Это годится для батраков и фабричных девчонок, но трудно найти оправдание респектабельной семье, решившей осквернить выходной день подобным образом. Этот визит — и того более. Когда я похоронила первого мужа, я погрузилась в траур, как затворница в келью. В первый год ничто не могло заставить меня замарать память мужа появлением на публике. Я бы скорее легла к нему в могилу.

Посему, с великим сожалением, я никак не могу согласиться принять вас.

Искренне ваша, Агата Ламбент

Некоторое время Миртл стояла, не отрывая взгляда от письма. Ее плечи вздымались и опускались, как будто ей было трудно дышать, потом она молча вышла из гостиной. Старый слуга поспешил распахнуть перед ними дверь, и Миртл с Фейт снова оказались во дворе. Фейт задыхалась от злости, унижения и досады. Их специально заставили ждать, а потом отправили восвояси самым издевательским образом.

— Отвратительная гадкая лицемерка! — возмущалась Миртл. — Как она смеет читать нам нотации! Ах у нее слабое здоровье? Я сразу почувствовала запах ее лекарства — определить джин я еще в состоянии!

Ни во дворе, ни в конюшне, ни на дороге не было и следа кареты. Кучер исполнил свою угрозу и уехал.

— О, я не вынесу, если мне придется просить эту женщину одолжить мне карету! — воскликнула Миртл.

Но делать было нечего, так что она вернулась к двери и постучала. Никто не открыл. Они стучали и стучали, но ответа не было. Взглянув в окно на втором этаже, Фейт заметила лицо, выглядывавшее из-за занавески. Ей показалось, что это мисс Хантер.

— Как далеко наш дом? — наконец спросила Миртл.

— В четырех милях, — ответила Фейт, вспоминая карту.

— Тогда нам придется идти быстро, — придушенным голосом сказала Миртл, — если мы хотим успеть до дождя.

Они не успели. Дождь застиг их на полпути. Сначала это были редкие капли, оставлявшие пятна на их одежде. Потом капли сменились сильным дождем, а потом ливнем, шумевшим в ушах. Дорога под их ногами превратилась в бурлящую грязь. Шифоновый солнечный зонтик Миртл не мог противостоять стихии. Вскоре ткань провисла под тяжестью воды и перестала преграждать ей путь. Шляпки отсырели и отяжелели. Фейт с сочувствием, охватившим ее помимо воли, наблюдала, как элегантный траурный наряд Миртл превращается в лохмотья. Черные юбки и чулки толстым слоем покрыла грязь. И что хуже всего, траурный креп стал расползаться: клей, соединявший шелковые волокна, вымывался дождем.

Споткнувшись, Миртл заплакала. Не трогательными пахнувшими солью слезами, но как маленький ребенок, захлебываясь от рыданий. Мать и дочь остановились под деревом в поисках укрытия, но оно их не спасло. Миртл плакала и плакала, и каждое ее рыдание разрывало сердце Фейт.

— Мы почти дома, — сказала Фейт таким тоном, будто обращалась к Говарду. — Мы скоро придем. Все не так плохо.

Она выбежала под дождь в поисках дома или хижины — чего угодно, где они могли бы укрыться. Посередине убранного поля она кого-то заметила и позвала на помощь, но тотчас поняла, что это пугало. Миртл едва взглянула на Фейт, вернувшуюся с пальто в руках. Фейт накинула его на плечи матери, прикрыв истрепавшееся платье. Путешествие было долгим, и к тому времени, когда они добрались до дома, обе сильно дрожали. Миссис Веллет пришла в ужас от их вида и велела слугам нагреть воды. Но где-то за углом Фейт слышала сдавленный смех. Судя по голосу, это была Жанна. Даже когда Фейт осталась одна, все, о чем она могла думать, — это радостный смех, жестокий и безжалостный. Он вонзился в ее сердце, словно нож.

Фейт стояла в своей комнате, промокшая до костей, и думала, почему она не плачет. Раньше она плакала, она помнила эти слезы, горячие и беспомощные. Но сейчас ей казалось, что все они вытекли из нее. Она думала об этом смехе. О ликующей Жанне. Потом вспомнила изображение убитой женщины в стереоскопе и представила служанку на ее месте. Она представляла, как церковь сгорает вместе со всеми людьми, находящимися внутри. Видела, как она стоит с пылающим факелом в руках и наблюдает, как дергается дверь, которую они пытаются открыть.

В спальне Фейт стояло высокое зеркало, как полагается, завешенное крепом. «Когда в доме кто-то умер, на зеркала нападает голод, — давным-давно рассказывала ей няня. —

Если мы их не завесим, они высосут душу несчастного покойника. И если живой человек посмотрит в зеркало, он увидит, как на него уставился мертвец, и тоже умрет. В доме, где кто-то умер, в зеркале тебя может подстеречь что угодно, чтобы украсть твою душу». Фейт протянула руку, схватила креп, отметив его грубую поверхность, и рывком сдернула его с зеркала. В слабом свете зеркало казалось золоченым дверным проемом. По ту сторону Фейт увидела молодую ведьму со сверкающими, словно звезды, глазами. Влажные волосы змеиными кольцами обвивали ее плечи. На щеках блестели капли дождя. Ее простое платье с высоким воротничком было голодно-черным, цвета зияющей шахты. Оно высасывало свет из комнаты.

Куда же подевалась умница Фейт? Девушка в зеркале была способна на все. И она была кем угодно, но не хорошей девочкой — это читалось с первого взгляда. «Никакая я не хорошая. — Что-то в мозгу Фейт вырвалось на волю, простирая черные крылья в небо. — Хороший человек не может чувствовать то же, что чувствую я. Я злая, коварная и полная ярости. Меня не спасти». Больше она не была беспомощной. Она чувствовала себя извивающейся в траве змеей.

Глава 15

Ложь и дерево

— Тсс...

Змея вздрогнула, когда Фейт открыла клетку, свернулась в плотное кольцо, но сразу успокоилась, узнав запах Фейт. Они словно были родными. Полоз грациозно и лениво скользнул вверх по руке хозяйки. Чешуя напоминала холодный шелк и кожу, по-вечернему прохладную. Язычок пощекотал щеку Фейт. Пальцы девочки пробрались под тряпки и нащупали бумаги отца. Но вместо чувства вины и чего-то кошмарного она ощутила азарт. «Я все, что у тебя осталось, отец. Я твой единственный шанс на правосудие и возмездие. И мне нужны твои ответы».

Она замерла, услышав торопливые шаги снаружи и слабое эхо льющейся в металлическую емкость воды. Но это всего лишь готовили ванну для ее матери. Они ей не помешают. Фейт ускользала от внимания домочадцев, словно монета, завалившаяся за подкладку пальто. С тихонями так часто бывает. И никто не удивится, что она скрылась у себя в комнате. После трудного дня было вполне логично, что она захочет прилечь. Изнеможение было естественной реакцией для *леди*. Пусть думают что угодно, лишь бы оставили ее одну. Она придвинула дорожный сундук к двери, чтобы ее не застали врасплох. Промокшую верхнюю одежду сняла и повесила на крючок. Потом подбросила хвороста в камин и устроилась в кресле с бумагами так близко к огню, что жар обжигал щеки и ладони. Она видела, что от юбок начал подниматься пар, и почувствовала себя саламандрой или другим мифическим существом женского пола. Ее волосы по мере высыхания стали напоминать щупальца.

В красноватом свете камина она принялась изучать бумаги отца. Их было очень много. Письма от других ученых с многословными комплиментами, остроумными шутками на древнегреческом, мемуары и введения к статьям. Были там и приглашения прочитать лекцию, споры о возрасте каких-то зубов и наилучший рецепт состава для схватывания костей. Некоторые бумаги были похожи на счета, векселя и тому подобное. Обнаружились даже потрепанные и все в пятнах листы с королевскими гербами и изящными каллиграфическими фразами на английском и французском. Фейт догадалась, что это паспорта и визы из поездок преподобного.

Пока одежда сохла, Фейт пролистала аккуратные зарисовки ядовитых растений, схемы раскопок и тщательные записи наблюдений. Потом она наткнулась на небрежные рисунки, которые мельком увидела в кабинете отца во время его странного приступа. И она снова удивилась, как отличаются они от других его зарисовок лихорадочностью движений и неаккуратностью. Наконец ее пальцы легли на тетрадь в кожаном переплете, которую она обнаружила под подушкой отца. Она приберегла ее напоследок, потому что тетрадь была похожа на личный дневник. Но Фейт не могла больше позволить отцу хранить его секреты. Она открыла тетрадь и начала читать слова, написанные изящным почерком.

Исследование свойств, приписываемых дереву лжи

Впервые я услышал о так называемом дереве лжи во время путешествия в

Южный Китай в 1860 году. Я выбрал неудачное время для поездки — пересекая Юннань, я уловил слухи о новом конфликте между британскими и китайскими войсками. Не зная, где я могу натолкнуться на враждебное отношение, я подыскал приют в деревушке у реки и ждал новостей.

По случайности я встретил там некоего мистера Гектора Уинтербурна, коллегу-натуралиста. Ветеран многих раскопок, он был одержим коллекционированием, особенно его увлекали разного рода уродства и странности. Радуюсь возможности пообщаться с образованным земляком, я проговорил с ним большую часть вечера. Он пылко разглагольствовал о своей последней страсти — об одном растении, о котором он узнал из какой-то темной легенды три года назад. Говорили, что оно выглядит как лиана, но плодоносит фруктами, напоминающими лимон и обладающими удивительными свойствами. Это растение может существовать только в темноте или полумраке, а цветет и дает плоды, только если его кормить ложью.

Я отверг возможность существования такого растения из-за его фантастичности и был удивлен, увидев, что собеседник не разделяет мой скептицизм. Когда я спросил, как можно кормить растение ложью, он ответил, что ее надо прошептать дереву, а затем широко распространить. Чем серьезнее ложь и чем больше людей в нее поверит, тем крупнее фрукт. Если же употребить этот фрукт в пищу, человеку будет даровано тайное знание о предмете, важном его сердцу.

Фейт, не веря своим глазам, уставилась на страницу. Что это, сказка? Как ее отец, человек вполне разумный, мог написать что-то подобное? В то же время ее мысли скользнули к закутанному в ткань растению, которое ее отец так отчаянно пытался спрятать.

Когда я назвал эту теорию абсурдной, Уинтербурн показал мне кусочек высушенной кожуры, напоминающей кожуру лайма, и рассказал, что два года назад за приличную сумму денег он купил и съел плод дерева лжи. Он не стал разглашать секрет, который ему открылся, но с хмурым видом заверил меня, что секрет имел существенную важность. Он поведал, что купил этот фрукт датчанина по фамилии Киккерт, обосновавшегося в Индии и торговавшего информацией. Уинтербурн верил, что Киккерт кормил дерево, поставляя своим клиентам ложные сведения, а потом продавал фрукты либо узнавал ценные секреты. Это была опасная игра, и Киккерт покинул город, до того как Уинтербурн смог узнать от него что-то еще.

Уинтербурн сказал, что проследил перемещения датчанина до Персии, но там потерял его. И снова напал на след по чистой случайности. Уинтербурн приехал в Китай для участия в раскопках, но, уже собираясь уезжать, услышал о неожиданной и подозрительной смерти какого-то датчанина, по описанию похожего на Киккерта. Сейчас Уинтербурн следовал вверх по реке в поисках следов легендарного растения.

Той ночью я лег спать, убежденный, что Киккерт — шарлатан, а мой новый знакомый — безумец. Тем не менее, пытаясь уснуть, я поймал себя на том, что это растение завладело моим воображением. Серьезность Уинтербурна произвела на

меня большое впечатление. Мысль о том, чтобы узнавать нераскрытые тайны после одного укуса, весьма соблазнительна для всех, кто жаждет знаний.

Я встал на следующее утро с намерением продолжить разговор с Уинтербурном, но мне сообщили, что на рассвете он нанял лодку и уплыл вверх по реке. Узнав о победе британских войск, я решил отказаться от прежних планов. Вместо этого я вознамерился последовать за Уинтербурном и узнать побольше о его загадочном растении. Добравшись до города, куда меня направили, я навел справки и обнаружил...

Фейт подпрыгнула от громкого удара в дверь, сдвинувшего сундук на полдюйма.

— Фе-е-ейт! — Голос Говарда был нетерпеливым и хриплым. — Фе-е-ейт!

— Говард... я сплю! — Фейт окинула взглядом бумаги, лежавшие у нее на коленях. — Мне плохо! Я в кровати!

— Я наступил на могилу! — донесся жалобный крик. — И испачкал ногу. Можно войти?

Сердце Фейт сжалось от боли. Ему одиноко, она это знала. Его мир только что разрушился, как и ее мир, и он не понимал, что происходит, почему призраки его собственного разума кричали на него из темноты. Но при мысли о том, чтобы открыть дверь, Фейт испытала страх. Снаружи ее подстерегала пропасть, наполненная *его* страхами, *его* растерянностью и *его* печалью, и если она свалится туда, она будет падать-падать-падать, пока от Фейт, которая умеет разгадывать тайны и восстанавливать справедливость, ничего не останется. Она утратит этот незнакомый безумный огонь, который ей сейчас так нужен.

— Смотри под ноги! — громко сказала она, стараясь придать голосу уверенности. — Просто... будь хорошим мальчиком и... перепиши несколько цитат из Библии. — Это все, что пришло ей в голову — притвориться, будто сегодня обычное воскресенье. — Если ты будешь аккуратно писать и хорошо себя вести, завтра утром все наладится. Да, и пиши правой рукой, Говард!

Слабые шаги стали удаляться от ее двери. Секунду спустя Фейт услышала, как дверь детской тихо захлопнулась. От этого звука ее сердце тупо заныло. Казалось, она больше не может испытывать чувство вины, оставался лишь синяк на месте ушиба. Воцарилась тишина. Фейт снова открыла дневник и нашла место, на котором ее прервали.

...и обнаружил, что Уинтербурны остановились во второсортной гостинице. Когда я приехал туда, то увидел, что кругом царит суматоха. Гектора Уинтербурна видели верхом на лошади, принадлежавшей недавно убитому человеку, и его арестовали по подозрению в убийстве. Я уговорил местные власти позволить мне навестить Уинтербурна и обнаружил его в жалком состоянии. Как многие узники этих гибельных камер, он заболел малярией, свирепствующей в этих краях. Я пообещал сделать все возможное, чтобы вызволить его, и он поделился со мной последними сведениями о местонахождении дерева лжи, умоляя меня найти его, если он сам не сможет. Мне не удалось спасти Уинтербурна. Лихорадка погубила его, до того как я смог добиться его освобождения. Следуя его инструкциям, в бамбуковом лесу в нескольких милях от дома Киккерта я нашел небольшое строение. Внутри в нише я увидел сухое, похожее на лиану растение, утратившее большую часть листьев.

Извлечение образца из темного убежища чуть не стало смертельным и для него, и для меня самого. Хотя я и помнил слова Уинтербурна о том, что дерево предпочитает мрак, я не ожидал встретить столь бурную реакцию на свет. Пришлось поспешно прикрыть растение плащом, только так я избежал трагедии. Больше никогда не буду столь небрежным.

Много времени прошло, прежде чем растение восстановилось после того инцидента. Благодаря тщательным исследованиям я обнаружил, что оно начинает бурно расти во влажных местах и предпочитает слегка солоноватую воду. Вместо того чтобы питаться солнечными лучами, оно страдает от любых источников освещения и в особенности от дневного света. Обеспечив правильные условия, я в конце концов выходил его.

Далее следовало несколько тщательных зарисовок растения на различных стадиях выздоровления. Сначала это было сплетение почерневших мертвых веток, лишенных листвы. Потом появились крошечные почки, постепенно из них выросли узкие раздваивающиеся на концах листья.

Я должен спросить себя, почему я столько времени посвятил этому проекту в ущерб многим другим. Вероятно, с самого начала я хотел совершить какое-нибудь чудесное открытие. Я прожил достаточно долго и не раз видел крушение иллюзий. Как и многие другие, я посвятил жизнь чудесам и тайнам мироздания, чтобы лучше осознать замысел нашего Творца. Вместо этого наши открытия погрузили нас в еще большую темноту. Мы увидели, как Божий свет померк и нас вышибли с нашего священного места в этом мире. Человечество сбросили с трона и свели до уровня скота.

Мы думали, что мы — венец творения. А теперь обнаружили, что вся наша цивилизация — просто ярко освещенная детская, где мы играем с бумажными коронами и деревянными скипетрами. За дверью — темные бездны, где уже тысячи лет сражаются левиафаны. Мы — одно моргание глаза, анекдот среди трагедии. Все эти мысли были невыразимо мучительны для меня.

Фейт никогда в жизни не слышала таких слов, полных отчаяния, ни от отца, ни от кого-то другого. Иногда она чувствовала, как научные открытия ввергают людей в пучину сомнения, но никто не признавался в этом, во всяком случае прямо. Люди перешагивали эти сомнения, обходили их стороной и продолжали молчать.

Потом я приступил к экспериментам с деревом, для которых, конечно же, требовалась ложь. Я никогда не имел обыкновение жульничать, и это сыграло мне на руку. Поскольку было известно, что ложь претит моей природе, никто не ожидал услышать ее от меня. Я начал с невинной лжи и прошептал ее растению, осознавая всю нелепость происходящего: я притворился, будто повредил ногу, и хромал пару недель. В первый раз за все это время растение зацвело, произведя небольшой белый бутон, похожий на цветок лимона. Лепестки вскоре опали, и вырос крохотный плод, чуть меньше вишни. Вскоре он созрел, приобретя оливково-зеленый оттенок с золотыми прожилками.

Я решил сорвать и съесть эту ягоду, приняв все меры предосторожности. Мякоть была удивительно горькой. Я никогда не пробовал опиум и потому не могу сравнить их действие, но подозреваю, что эффект был похожим. В этом необычном состоянии я обнаружил, что путешествую по собственному телу: мои вены — красно-золотые, и по ним, словно лава, несется кровь, позвоночник — горный хребет, легкие — катакомбы. Я пронесся по всему телу до большого пальца левой ноги и обнаружил там ядовитые кипящие озера, от вида которых мой желудок перевернулся.

Не прошло и двух месяцев после этого видения, как я впервые почувствовал боль и припухлость на этом пальце. Врач подтвердил, что это начало подагры, от которой я страдаю с тех пор. Следовательно, видение показало мне правду, которую до этого момента не знал никто, даже я сам. Но эти сведения не были особенно поучительными, полезными или впечатляющими.

Однако после некоторых раздумий на меня снизошло озарение. Ложь, которую я распространил, касалась моего собственного здоровья, и дарованный мне секрет тоже. Возможно ли, чтобы ложь и открываемая тайна были связаны между собой и что если кормить растение определенной ложью, то мне откроется связанная с ней правда?

Мой первый эксперимент был призван проверить, действительно ли дерево обладает теми удивительными свойствами, что приписывал ему Уинтербурн. Теперь, когда я в этом убедился, я осмелился задать себе другой вопрос. Какую непостижимую тайну я на самом деле хочу раскрыть? Ответить на этот вопрос было легко. Есть одна вещь, которую я хочу, нет, которую я обязан узнать.

Последнее время я раз за разом утрачивал свою веру, по мере того как новые знания обрушивались на меня жестокой волной. То, в чем я прежде был уверен, превратилось в щепки, выброшенные приливом. Я должен был наконец выяснить, как появился человек. Сотворен ли он по образу и подобию Божьему и подарен ли ему весь мир или же он подверженный самообману потомок гримасничающей обезьяны? Если я узнаю это, мой бушующий разум успокоится. Я верну себе душевное спокойствие или вновь предамся отчаянию.

Фейт замерла, уставившись на страницу. Она была в ужасе, как будто отец разрыдался прямо на ее глазах. Вера преподобного всегда казалась ей твердыней, напоминающей утес. Она и не подозревала, какие сомнения тайно пробурились в сердце этого утеса. Это было словно узнать, что Бог перестал верить в самое себя.

Я принял решение вырвать эту тайну у дерева. Это успокоит не только мой мятущийся разум, но и всех тех, кто мучился подобным образом, страдая и сомневаясь. Если я хочу открыть тайну происхождения человека, значит, моя ложь должна иметь отношение к тому же вопросу. Чтобы проникнуть в столь глубокую тайну, мне нужно изобрести монументальную ложь и заставить поверить в нее как можно больше людей. Так появился мой великий замысел — я увидел, что мне нужно сделать. Я пользуюсь уважением как ученый-естествоиспытатель, мне доверяют, со мной советуются. Если я сделаю те или иные заявления, мне поверят. Если я предъявлю окаменелости или другие находки, их не станут подвергать

сомнению. Я могу фальсифицировать их, и никто ни в чем не усомнится.

В интересах истины я готов солгать. Я обману весь мир, а потом явлю ему знание, которое принесет пользу всему человечеству и, возможно, спасет наши души. На какое-то время я взбаламучу воду, чтобы потом она стала совершенно прозрачной. Я возьму в долг у банка правды, но в конце верну то, что взял, с процентами.

— Нет, — прошептала Фейт. — Нет-нет-нет.

Но следующая страница и еще одна были тщательно исписаны подробностями его фальсификаций. Там были аккуратные эскизы окаменелостей до и после его трудоемкой обработки. Самый большой рисунок демонстрировал его величайшую находку, нью-фолтонского нефилима, в том виде, каким он был до того, как преподобный смонтировал его. Не крылатое плечо человека, а слабый след окаменевших перьев, приклеенный к каменному плечу другого существа, — подделка была просто блестящей.

«Придумайте ложь, в которую люди с легкостью поверят, — *было написано под рисунком.* — Они будут цепляться за нее, даже если ее опровергнут прямо у них под носом. Если кто-то попытается открыть им истину, они ополчатся на него и будут драться зубами и когтями».

И он *придумал* такую ложь. Прекрасное доказательство правдивости библейской истории о нефилиме. Фейт вспомнила пожилого джентльмена в доме Ламбентов, который так пылко защищал находку отца и был преданным его сторонником. Нефилим стал спасательным кругом в жестоких морях нахлынувших сомнений. Конечно, люди уцепились за него. Скандал, протесты, обвинения в подлоге... значит, это все правда. Ее отец действительно подделывал ископаемые. Он *действительно* лгал насчет своих открытий. Он *действительно* обманывал друзей, коллег, семью и весь мир. Ничто менее значимое не могло бы убедить Фейт. Ничто, за исключением этого признания, написанного аккуратной отцовской рукой. Она больше не чувствовала ни ужаса, ни изумления, только мрак, распространявшийся вокруг нее. Какая-то хрупкая ее часть беспомощно кружила в этом мраке, билась, словно голубка в темном склепе, и плакала: «Кто же этот человек? Кого я любила все эти годы? Неужели я совсем его не знала?»

Но она правда любила его. Она любила его слишком сильно и слишком долго, чтобы отказаться сейчас от этой любви. Она была крепко привязана к нему и сердцем, и душой. Фейт прижала дневник к груди и зажмурилась. Она представляла, как он пробивается к правде сквозь ядовитые джунгли обмана, опасности и всеобщей неприязни, отважный и одинокий. До чего он был одинок, пытаясь сохранить все в тайне!

— Ты сделал это, чтобы помочь человечеству, — прошептала Фейт. — Они не понимали тебя, но я понимаю. — Она могла простить его, даже если другие и не могли. Это делало отца более похожим на простого смертного, более близким ей.

Она торопливо пролистала зарисовки остальных поддельных окаменелостей, не желая разглядывать их. За ними следовали описания его видений, большей частью туманных и непонятных, и это приводило его в бешенство. Первое видение явило ему тенистые джунгли, в которых медленно скользила тень с хищным клювом, поблескивающими глазами рептилии и сине-алыми крыльями. Второе показало острова, рождающиеся к жизни, словно пузыри в

кипящем котле, и выпускающие из вулканов белый дым. Еще одно показало схватку: группа невысоких обросших мужчин в грубых шкурах сражалась с крупными человекообразными существами с толстыми шеями. Последние из-за слишком мускулистых конечностей и покатых лбов казались ненастоящими. Это видение было описано наиболее подробно.

Я находился в своем клубе, и кто-то вложил мне в руки книгу «Происхождение видов». Я пытался читать, но слова прыгали и ускользали от меня. Когда я поднял руку протереть глаза, лицу стало щекотно от пальцев. Они были покрыты мехом. В серебряной крышке табакерки я увидел отражение своего лица. Над галстуком в зевке распахнулась волчья пасть с острыми резцами и клыками. Я торопливо поднял книгу, чтобы прикрыть свое уродливое лицо, украдкой выглядывая из-за нее, чтобы понять, видел ли кто-то мое превращение.

В клубе царил беспорядок. Лакеи с обезьяньими лицами качались на канделябрах и хихикали. Один посетитель оскалил зубы, как у грызуна, воюя с похожим на жабу соперником за тарелку устриц. Другой размахивал руками, роняя посуду, и пожирал все в пределах досягаемости его пеликаньего клюва. Отупевшей сигареты занялась занавеска, но никто не потрудился потушить ее. Дым лишь спровоцировал еще больше воплей, рычания, шипения и визга. Я попытался сохранить самообладание и направился к выходу из комнаты, чтобы найти пожилого джентльмена, управлявшего клубом и жившего на последнем этаже. Он все объяснит и все уладит.

Но с каждым этажом все становилось только хуже. На втором этаже члены клуба сорвали с себя жилетки, ползая и прыгая в одних рубашках. Их лица исказились и напоминали морды неведомых животных — с чешуйчатыми наростами на лбу и гигантскими бивнями. На третьем этаже они, нагие, ползали в лужах пролитого портвейна, и из их ртов, похожих на пасть ящерицы, высывались узкие языки.

На четвертом этаже я оказался перед дверью, отделанной золотом, и понял, что за ней я наконец найду пожилого джентльмена. Я потянулся к двери, и в этот миг кто-то произнес мое имя. Рядом со мной стояла моя дочь, Фейт. При виде ее я испытал ужас и ярость. Она вообще не должна быть в клубе, и я не хотел, чтобы она увидела меня с клыками и покрытого шерстью. Вдруг на моих глазах молодая кожа на ее лице начала трескаться, обнажая чешую. Причиной этого зрелища послужило то, что дочь вторглась в библиотеку и нарушила мое видение. Думаю, она чуть было не вырвала меня из него, но, когда мой разум начал всплывать на поверхность, я велел ей уйти.

Фейт нервно сглотнула. Теперь наконец она поняла странный ответ отца, его скрытую ярость, когда она попыталась пробудить его от оцепенения. Но какой вред она нанесла? Лишила ли она человечество истины?

Когда дочь ушла, я открыл последнюю позолоченную дверь. За ней не было комнаты. Вместо этого меня, ошеломленного, поглотил ужасный поток пенящейся воды. Помещение затопило за секунду. Меня кружило, кружило и наконец потащило вниз, вниз, вниз. Я больше не находился в здании, я оказался в

бесконечном темном море. Мои легкие заливало водой, и я, полный отчаяния, осознал, что тысячелетие за тысячелетием буду тонуть в еще более густом мраке и никогда не утону. Я был один, если не считать крошечных золотистых точек, кружащихся вокруг и охотящихся друг на друга. Вот и все мое видение. Это вся моя награда за пережитые страдания.

Я возлагал большие надежды на это видение. Это был плод, выросший после того, как я подделал так называемого нью-фолтонского нефилима, я очень долго ждал, пока он созреет. Я считал себя вправе рассчитывать на то, что он оправдает все принесенные мною жертвы. Переменчивый мир ополчился на меня, но я был готов на все, лишь бы достичь цели. Однако вместо этого представление, показанное волшебным фонарем^[14] наполнило меня еще большим смятением и ужасом. Конечно, я с легкостью растолковал то, что мне было показано: неустанный бег времени, обратное превращение человека в животное, а затем в первородный ил. Это простое объяснение, но принять его — значит предаться отчаянию. Я должен продолжить поиски. Они не могут закончиться таким образом.

После всего, что я сделал, я оказался с пустыми руками, загнанным в тупик. Нужно вырастить на дереве еще один плод, но я не знаю как. Какую бы изощренную ложь я ни придумал, теперь никто мне не поверит. Если я не верну себе репутацию, все это было напрасно.

Следом шел еще десяток страниц с зарисовками, заметками и таблицами, но голова Фейт была слишком переполнена информацией. Она медленно закрыла дневник. Неудивительно, что он так берег свое растение, стараясь не выпускать его из виду, и так неохотно говорил о нем. Неудивительно, что он выхватил свои записи из рук Фейт и пришел в исступление, когда она призналась, что открыла сейф. Фейт надеялась найти в дневнике сведения, которые помогут очистить его имя, однако дневник не оправдал ее надежд. Если написанное в нем станет достоянием общественности, все убедятся, что он мошенник, и будут вспоминать его как безумца, насмехаясь над его именем. Но разве это безумие? Эта его навязчивая идея и видения — симптомы сумасшествия? Возможно. Так или иначе, Фейт — единственный человек в мире, знающий о местонахождении дерева лжи, чуда из чудес, способного открыть нераскрытые тайны и загадки. Фейт должна все выяснить. Если все прочитанное о дереве — правда, возможно, оно поможет ей разгадать тайну гибели отца.

Глава 16

Злой дух

Около восьми часов вечера экономка принесла поднос с ужином. Фейт поблагодарила, заметив, что ляжет рано, и отказалась от грелки. Экономка ушла, так что на остаток вечера и ночь Фейт оказалась предоставлена самой себе. Она быстро проглотила ужин, а потом бесшумно надела на себя пострадавший от непогоды траурный наряд. Все уже видели, что он грязный и мокрый, поэтому вряд ли обратят внимание, если за ночь он испачкается еще больше. Она зажгла фонарь, чтобы взять его с собой, но прикрыла нехитрое устройство тканью, в точности как отец, и выскользнула на крышу. Маленький садик блестел после недавнего дождя. Небо над головой было хмурым и серым. Беззвучно закрыв калитку и спускаясь по лестнице, она услышала деловитый стук кастрюль и голоса на кухне, потом обошла сад кругом, прячась за хозяйственными постройками, чтобы ее не заметили.

Фейт поспешно спустилась по тропинке, ведущей к морю, надеясь, что она правильно запомнила время приливов и отливов. Добравшись до пляжа, она со вздохом облегчения убедилась, что сейчас отлив и море спокойное. По ее расчетам отлив продлится еще час, а потом начнется прилив. Волны будут спокойнее, и течение только поможет ей. Оказавшись на виду, Фейт внимательно изучила вершины утесов, но никого не заметила. Влажные пряди волос хлестали ее по лицу.

Вытащить лодку самостоятельно было нелегко, но наконец она столкнула ее в воду, забралась внутрь и веслом оттолкнулась от берега. До сих пор Фейт никогда не доводилось грести, и вскоре она обнаружила, что это намного труднее, чем ей казалось, когда она наблюдала за отцом. Сначала она пыталась грести лицом по ходу движения, чтобы видеть, куда плывет лодка, и толкала весла от себя, вместо того чтобы тянуть их на себя, но весла лишь постукивали в уключинах, пытаясь вырваться. Когда она села спиной к ходу движения, как отец, дело пошло на лад. Но вскоре она начала задыхаться, мышцы рук и плеч заныли. Хорошо, что она ослабила шнуровку корсета, перед тем как выйти из дома.

Каждый раз, когда Фейт поворачивалась на сиденье, чтобы посмотреть вперед, ей казалось, что она плывет в открытое море или вот-вот наткнется на подводный камень. К счастью, в сумерках скалы было проще заметить, чем ночью. И вот в сером свете появился грот, похожий на мрачную готическую арку. Его распахнутый рот глотал волны, выплевывая пену. Из всех сил орудя веслами, она подплыла к пещере. Снова волна внесла ее внутрь, но не с такой яростью, как в прошлый раз, и лодка села на мель ближе ко входу.

Фейт выбралась на скользкий камень, наполовину оглохнув от шума воды, и привязала лодку к тому же выступу, что в прошлый раз. Взяла фонарь, подоткнула юбки и выбралась на скалистый уступ перед лодкой, затем миновала треугольный вход с неровными краями, ведущий в пещеру большего размера. Здесь свет был совсем слабым, он едва-едва просачивался со стороны входа за ее спиной. Вспомнив предостережения отца насчет бурной реакции растения на свет, она почти полностью закрыла фонарь тканью, лишь один тонкий лучик рассеивал мрак.

В пещере был куполообразный потолок с трещинами и прожилками, спускающимися к полу. Там и сям Фейт видела темные проломы и отверстия, ведущие в соседние пещеры. В дальнем конце на продолговатом каменном выступе стояло нечто закутанное в ткань, из-под которой едва выглядывало глиняное дно. В эхе, отражавшемся от стен сводчатой пещеры,

было что-то странное. Рев моря стал более приглушенным и искаженным, и казалось, будто кто-то испускает долгие вздохи, из-за чего Фейт все время испуганно оглядывалась. Холодящий запах здесь был более плотным и щипал глаза.

Фейт медленно поднялась по наклонному каменному полу. Оказавшись рядом с каменным выступом, она стала медленно стягивать ткань. Шипы мешали, цепляясь, но наконец брезент соскользнул, обнажив расплывчатый черный клубок, вывалившийся за края горшка. Странные звуки в пещере стали громче, как будто кто-то дышал совсем рядом с ней. Она осторожно подняла фонарь, позволив слабой полоске света упасть на растение. Свет заблестел на тонких иссиня-черных листьях, длинных шипах, тускло-золотистых жемчужинах сока, выступивших на черных узловатых корнях... и тут Фейт увидела, как освещенный сегмент растения съежился и отдернулся с сердитым, почти звериным шипением. Она поспешно убрала фонарь, и растение снова превратилось в расплывчатый чернильный ком. Даже когда шипение прекратилось, она не осмелилась снова осветить растение. Вместо этого она протянула руку и осторожно провела пальцами по листьям, изучая их на ощупь. К ее облегчению, свет не причинил листьям особого вреда. Они были холодными и липкими и оставили у нее на пальцах тягучий густой сок, похожий на мед. Плодов не было.

По ее спине пробежали мурашки. Форму листьев ни с чем нельзя было спутать — раздвоенные и сужающиеся к концам. Она видела зарисовки в дневнике отца. Это то самое дерево, его величайшая тайна, сокровище и его погибель. Дерево лжи. Теперь оно принадлежит ей, и путешествие, которое отец так и не закончил, предстоит проделать тоже ей. Она наклонила голову, почти коснувшись губами листьев. Глаза щипало, в висках появилась тупая боль.

— Отец больше не придет к тебе, — прошептала она. — Он умер и лежит в церковном склепе. Я хочу узнать, кто его убил. Ты мне pomoжешь?

Ответа не было. Конечно, его не было.

— Хочешь услышать ложь? — спросила Фейт, чувствуя себя так, словно предлагает угощение какому-то крупному хищнику. На миг ей показалось, что растение сейчас ошестинится, как голодный волк.

«Придумайте ложь, в которую люди с легкостью поверят», — писал ее отец. Фейт вспомнила разговор у могилы и предложение Тома проткнуть отца колом, чтобы «призрак не мог выйти из могилы». Подумала о суеверном страхе Говарда, об остановленных часах и занавешенных зеркалах.

— У меня есть для тебя ложь. — Она закрыла глаза и прошептала: — Призрак отца бродит и хочет отомстить тем, кто его оскорбил.

Что-то нежно погладило ее по лицу, и Фейт отдернулась, распахнув глаза. Блестящие листья растения были неподвижны. Медленно возвращаясь в центральную пещеру, она обратила внимание, что эхо приобрело новые оттенки. Ей казалось, что она почти может разобрать свои слова, колеблющиеся и распускающиеся в воздухе.

«Кол в сердце и похоронить на перекрестке, чтобы призрак не мог выйти из могилы...» Проскользнув обратно в темный дом в своем черном платье, больше напоминавшем лохмотья, Фейт сама себя почувствовала возвращающимся призраком. Она остановилась, прислушавшись, но все было тихо. Домочадцы легли спать. Дом был в ее распоряжении. Что она предпримет? С чего начнет? Фейт прищурила глаза и улыбнулась в темноте, когда на нее снизошло вдохновение, затем прокралась на кухню, где она точно видела... да. Слабый

свет фонаря осветил доску с колокольчиками, прибитую к стене на высоте человеческого роста. Там на металлических пружинах висели семь колокольчиков, соединенных с семью проводами, горизонтально пересекающими стену. Каждый колокольчик был подписан: спальня хозяина, вторая спальня, третья спальня, гостиная, библиотека, детская, столовая. Если в комнате дернуть за колокольчик, то проволока, спрятанная в стенах и под полом, тянула соответствующий колокольчик на кухне.

Прищурившись от нехватки света, Фейт открепила провод от хозяйской и третьей спальни и поменяла их местами, потом прокралась в библиотеку, где, обнаружив на столе табакерку отца, взяла из нее щепотку и скормила свечке, наблюдая, как огонь трепещет и испускает пахучий голубоватый дым. Затем ножом для писем она прорезала дыру в крепе, закрывавшем зеркало, чтобы сквозь ткань, словно полукруглый глаз, виднелась серебристая полоска. Еще одна, последняя остановка. Пробравшись на цыпочках наверх, Фейт снова прислушалась, не шевелится ли кто-то в спальнях, а потом скользнула в комнату отца, беззвучно закрыв дверь, перед тем как снять ткань с фонаря. В комнате все еще стояли вазы с завядшими цветами. На кровати осталась длинная вмятина в том месте, где лежало его тело, но его личные вещи были спрятаны в сундуки и коробки. Семейная Библия лежала на прикроватном столике. В голову Фейт пришло множество безумных идей, но она сдержалась. Если перегнуть палку, можно выдать себя. Она открыла Библию и торопливо пролистала ее до Второзакония, строфа 32, стих 35.

У Меня отмщение и воздаяние, когда поколеблется нога их; ибо близок день гибели их, скоро наступит уготованное для них.

Она оставила ее открытой на этой странице и положила цветочный лепесток под этой строкой. Колокольчик рядом с отцовской кроватью крепился к красному шнуру с кисточкой. Фейт забралась на стул и бритвой надрезала шнур так, чтобы он порвался при самом слабом рывке. Только после этого она покинула комнату.

«Если они хотят призрака, они его получают».

Глава 17

Убить призрака

Фейт проснулась, чувствуя слабость и боль во всем теле: во сне ее погребли под кучей валунов. Некоторое время она просто лежала и пыталась понять, почему спина, плечи и руки так ноют. Потом воспоминания обрушились на нее холодным темным потоком. Смерть отца, похороны, дневник, прикосновение листьев дерева лжи к ее лицу. Несколько секунд ее мысли пребывали в беспомощном состоянии свободного падения, пока ярость не распростерла над ней свои крылья и снова не завладела ею.

Фейт выбралась из кровати. Ее руки были тяжелыми, как свинец, так что процедура облачения в траурную одежду оказалась не из приятных. Так вышло, что никогда раньше она не пользовалась этими мышцами, и теперь они бурно возмущались таким положением вещей. Ее волосы от ветра и соли сбились в колтун. Она набросилась на них со щеткой и атаковала до тех пор, пока они хотя бы отчасти не вернули себе прежние блеск и гладкость. Фейт отодвинула занавеску и выглянула наружу. Наступил еще один серый тревожный день. Ветер завывал в дымоходе и пригибал траву к земле, деревья вскидывали ветки, как руки утопающих. Ей предстояло найти убийцу и нагнать страха на целый остров. Испуганные люди часто совершают ошибки, и сегодня подходящий день, чтобы побыть призраком.

Фейт схватила за колокольчик на синем шнуре, висевший рядом с ее кроватью, и три раза дернула изо всех сил. Она представила, как слуги в ужасе смотрят на доску, на которой непостижимым образом дергается колокольчик из пустой хозяйской спальни. Шли минуты, ничего не происходило. Потом она услышала неуверенные шаги, поднимающиеся по служебной лестнице и пересекающие лестничную площадку. Встав на колени у двери, Фейт приблизила глаз к замочной скважине. Жанна с широко распахнутыми глазами, нервно заломив руки, замерла перед дверью в спальню преподобного, затем взялась за дверную ручку и вошла в комнату. Фейт была уверена, что слышит придушенный вскрик.

Скрип. Скрип. Слабые осторожные шаги по комнате. Потом еще один короткий испуганный вопль. Жанна выбежала на площадку, сжимая в руке красный шнур с колокольчиком, и скрылась из виду. Фейт мысленно ликовала, пока шаги горничной грохотали по ступенькам. Она предполагала, что кто-то попытается дернуть за колокольчик в пустой спальне. Если бы она оставила его в целости и сохранности, его можно было бы проследить до ее комнаты, и кто-нибудь мог бы догадаться, чьи это проделки. Прижавшись ухом к стене, она услышала приглушенный разговор где-то на черной лестнице.

— Ты его *оторвала*? — недоверчиво спросил Прайт.

— Я только чуть-чуть потянула! — оправдываясь, воскликнула Жанна. Ее голос дрожал. — Он остался у меня в руке! В этой комнате все не так...

Фейт провела рукой по шероховатой поверхности шнура, испытывая соблазн позвонить еще раз. Нет, это будет чересчур. Ее жертвам нужно время, чтобы наудивляться, нашептаться и поведать друг другу страшные истории.

Час спустя Жанна принесла в детскую поднос с завтраком для Фейт и Говарда, и было очевидно, что она утратила свое привычное самообладание. Когда она поставила поднос на стол, чашки зазвенели, и она едва бросила взгляд на Фейт, рассеянно присев в книксене перед уходом. Что бы она ни думала о загадочном колокольчике, она явно ни в чем не

подозревала скучную застенчивую дочь преподобного.

Фейт с трудом сосредоточилась на завтраке, сидя за маленьким деревянным столиком вместе с Говардом. Что ей известно об убийце? Почти любой обитатель Вейна мог оказаться в Булл-Коув той ночью. Однако по словам отца можно было предположить, что у него назначена встреча в полночь. С кем-то, кого он хотел увидеть, правда, с пистолетом в кармане. Если ему грозила опасность, зачем вообще нужно было встречаться с тем человеком, к тому же в одиночку и тайно? Еще была не разгадана тайна пистолета. Он ушел вооруженный, но почему-то пистолет не спас его. И когда его тело обнаружили, пистолета в кармане не было.

— Другой рукой, Говард, — по инерции сказала она, заметив, что брат тихонько переложил вилку в другую руку.

— Нет! — неожиданно взбунтовался Говард. Его лицо исказила гримаса отчаянного возмущения.

Фейт поняла, что брат плохо спал, и снова почувствовала укол совести.

— Говард...

— Нет! Нет! Нет! — еще громче завопил Говард, отталкивая тарелку, так что завтрак Фейт чуть не полетел ей на колени.

Она попыталась сохранять спокойствие, но внутри медленно нарастал гнев. Говард требовал ее внимания, и ей казалось, будто он своими маленькими неаккуратными ногтями царапает ее мозг.

— Веди себя прилично! — отрезала она, выходя из себя. — Или я надену на тебя синий пиджак!

Угроза оказалась неосторожной. Рот Говарда открылся, и брат заревел.

— Ненави-и-и-и-ижу тебя! — заныл он сквозь слезы.

Пиджак не должен был служить наказанием. Говарду нравилось понимать, как все устроено, и ему надо было знать, что мир справедлив. К несчастью, мир был несправедлив, и каждый раз, сталкиваясь с этим фактом, Говард совершенно терял самообладание. Если Фейт ничего не сделает, он будет рыдать, пока ему не станет плохо. Нет, этот мир не был справедлив. Фейт вскочила со стула и прошлась по комнате в поисках чего-то, чем можно грохнуть, чтобы отвлечь его от начинающейся истерики.

Оглянувшись на Говарда, она удивилась, до чего же он еще маленький. Он ни в чем не виноват. У него веское основание быть несчастным. Фейт смягчилась и снова села, прошуршав черными юбками. Она залезла в сундук с игрушками Говарда и достала кукольный театр. Театр был в виде коробки, его картонные и бумажные детали были затейливо раскрашены в красный, золотой и зеленый и разукрашены гербами, лентами и ангелами. На передней части был нарисован занавес, и сквозь него виднелась сцена, сужающаяся к заднику, на котором были нарисованы синее небо, холмы и замок.

Фейт вытащила задник с пейзажем. В наборе были еще три варианта на выбор: на одном был изображен тот же пейзаж, только ночью, на другом — комната с картинами и канделябром, а на третьем — зеленый лес. С нарочито увлеченным видом Фейт поставила задник с ночным пейзажем. Говард сразу перестал плакать. Подошел поближе, плюхнулся на пол рядом с ней, скрестив ноги. Говарда всегда зачаровывали ее «представления».

— Хочу фокусника, — сказал он. — И волшебника. И дьявола.

В качестве актеров выступали маленькие бумажные фигурки, приклеенные к тонким палочкам, за которые их двигали за сценой. Большинство из них придумала, аккуратно

нарисовала и вырезала Фейт. В боках коробки были прорезы, сквозь которые Фейт могла просовывать актеров, чтобы они как будто выходили из-за кулис, и передвигать их по сцене вправо и влево. К сожалению, они не могли перемещаться назад и вперед. Это огорчало Говарда, в результате чего несколько марионеток были сломаны.

Говард, как обычно, захотел увидеть сражение.

— Фокусник борется с дьяволом! — попросил он, стуча кулачками по коленям.

Крошечный фокусник в желто-зеленом наряде гонял по сцене дьявола с красными рогами. Сегодня Фейт дала выиграть дьяволу, с ревом опрокинув фокусника на спину, чтобы продемонстрировать, что соперник мертв. Как всегда, Говард засмеялся, но в его иступленном смехе Фейт слышался страх.

— Волшебник сражается с дьяволом!

Дьявол одного за другим победил волшебника, рыцаря и матроса, убив их всех. Говард хохотал слишком громко и непривычно высоким голосом. Его круглые встревоженные глаза не отрывались от гримасничающего дьявола.

— Они встают, все они встают и убивают дьявола!

— Говард, но они мертвы... — Фейт умолкла, потом аккуратно подняла крошечные бумажные трупы на ноги. Они толпой окружили дьявола, и тот с воем повалился на спину. Воцарилось молчание.

— Хочу мудреца, — тихо сказал Говард. Это было его обычное желание после схватки.

Мудрец был китайцем в конической шляпе и с длинными усами. Он был немного кривоват — один из первых опытов Фейт, но это была любимая марионетка Говарда. Она выдвинула его на сцену.

— О, да это юный хозяин Говард! — протянула она высоким ворчливым старческим голосом.

Говард засмеялся и обхватил колени. Это был такой же испуганный нервный смех, как в те моменты, когда «умирали» персонажи. По их давней традиции, мудрец был единственным достаточно умным актером, который мог смотреть за пределы сцены и видеть Говарда.

— Ты хочешь меня о чем-то спросить сегодня? — сказала Фейт голосом мудреца.

Говард какое-то время колебался, высунув язык и царапая подошву ботинка ногтем.

— Да, — ответил он очень тихо. — Дьявол умер?

— О да, — заверил его мудрец.

Большую часть своих шести лет Говард смотрел на Фейт как на оракула, энциклопедию, источник всякой истины. Он верил всему, что она ему говорила. Но все менялось. «Девочки ничего не знают о мореплавании, — внезапно заявлял он. — Девочки не знают о Луне». В этих словах никогда не было злобы или зависти, он просто повторял то, что услышал во взрослой беседе. Есть вещи, неизвестные девочкам, а Фейт — девочка. Каждый раз эти слова были шоком для Фейт, чувствовавшей, как почва уходит у нее из-под ног. Однако Говард без стеснения продолжал задавать вопросы мудрецу. Мудрец не был девочкой, и мудрец все знал.

— Ночью дьявол снова вернется? — Губы Говарда задрожали. — Я слышал его в темноте. Он вошел в комнату отца и там скрипел зубами.

На секунду у Фейт перехватило дыхание, а по коже побежали мурашки. Бродя по дому среди ночи, она думала, что ее никто не заметит. Но Говард слышал ее шаги. Он слышал, как она перепиливала веревку — отсюда этот звук скрипящих зубов. Говард болтает со

всеми. Он всем расскажет о звуке шагов и о скрежете зубов. Как заставить его молчать?

Но, может, ей вовсе *не надо* заставлять его молчать?

— Откуда ты знаешь, что это был дьявол? — спросила Фейт голосом мудреца. — У него были странные, отдававшиеся эхом шаги?

Говард потрогал подошву своего ботинка и нахмурился. Потом его лицо прояснилось, и он кивнул.

— И ты почувствовал холод, когда он проходил мимо? — настойчиво продолжила Фейт.

Говард снова поколебался, потом вздрогнул и опять кивнул. Он вовсе не подыгрывает ей, и Фейт это знала. Сейчас он верит в то, что слышал странное эхо и заметил необычный холод.

— О, тогда, вероятнее всего, это был призрак! — веселым тоном предположил мудрец.

Говард по-прежнему выглядел обеспокоенно.

— Это... потому что... я ходил по могиле?

— Нет-нет, призрак искал не тебя, мистер Говард. Привидения не приходят за маленькими хорошими мальчиками, которые молятся и переписывают заповеди правой рукой. Они охотятся только за *плохими* людьми. — Фейт совершенно не хотела напугать его.

Говард пожевал палец, обслюнявив его, и лишь после этого немного успокоился.

— Но... что, если бы я... был плохим и призрак вернулся бы? — продолжил он свою мысль. — Я мог бы *застрелить* его?

Мысли Фейт вернулись к отцу, который пугался теней на пляже и ощупывал спрятанный пистолет. Когда тело принесли, пистолета не было. Может, он просто вывалился, когда отец упал с утеса... но, если она обнаружит его в другом месте, может быть, она поймет, где на ее отца напали. В голове Фейт созрел еще один план. Она представила, как уютно ляжет отцовский пистолет в ее ладонь, как тепло ее руки согреет рукоятку из слоновой кости. Она не могла представить себе убийцу отца — в ее мыслях он был черной бездной, бурлящим от ярости штормом в человеческом облике. Фейт представила, как направляет пистолет в голову темного силуэта и нажимает курок...

— Да, Говард, — прохрипела она голосом мудреца. — Но для призраков нужен специальный пистолет, как для слонов нужно слоновье ружье. — Маленькая фигурка начала переступать с ноги на ногу с заговорщицким видом. — Почему бы тебе не попросить свою ленивую сестрицу сводить тебя на прогулку? Может, ты найдешь подходящий?

Десять минут спустя, когда Фейт вела Говарда, одетого в новую черную одежду, вниз по лестнице, она обнаружила, что в доме тихо. Дядя Майлз ушел навестить Ламбента, а Миртл все еще была нездорова, запершись в спальне.

— До свидания, миссис Веллет, — вежливо сказал Говард, когда Фейт вела его мимо гостиной. — Я иду искать пистолет, которым можно убить призрака.

Миссис Веллет, поливавшая цветы, вздрогнула и пролила воду на скатерть. Жанна, подметавшая на коленях камин, с грохотом выронила совок и рассыпала пепел.

— Говард! — одернула его Фейт, бросив растерянный извиняющийся взгляд на экономку. — Простите, миссис Веллет, — громким шепотом добавила она. — Не знаю, откуда Говард набрался этих идей.

— Но призрак и правда есть! — колокольчиком про звенел голос Говарда. — Я слышал, как он бродил прошлой ночью...

— Почему бы нам не пойти погулять? — быстро вмешалась Фейт, хватая Говарда за

руку и уводя во двор, Она сдержалась, чтобы не захихикать, когда услышала за спиной возбужденное перешептывание. Фейт знала, что, если хочешь заставить кого-то во что-то поверить, не нужно никого ни в чем убеждать. Лучше намекнуть, дать слабый проблеск, показать что-то мельком, не объясняя. Чем быстрее убегашь, там упорнее тебя будут преследовать и тем скорее поверят сведениям, которые получили с таким трудом.

— Пойдем поищем на пляже?

Пока они шли по тропинке, Фейт внимательно смотрела по сторонам, надеясь заметить в высокой траве блеск металла или слоновой кости, на случай если пистолет выпал из кармана отца, когда он возвращался в дом. Однако она ничего не увидела, кроме колыхавшейся на ветру травы и кивающих пурпурных головок чертополоха. На пляже Говард как ни в чем не бывало бегал по гальке и забирался на валуны, пытаясь перекричать чаек. Не было похоже, что он горюет, но Фейт понимала его. Он пытался справиться с новыми для него чувствами и знал только то, что ему хочется бежать и кричать. Фейт искала пистолет среди валунов, сначала прямо под изогнутым деревом, на котором нашли отца, а потом в его окрестностях. Она заглядывала в расщелины и ворошила гальку. Пистолет не мог упасть еще дальше.

— Не могу найти! — воскликнул Говард.

— Да, — задумчиво отозвалась Фейт. — Навряд ли он здесь.

Если отец не выронил пистолет во время падения, то где это могло случиться? Может, когда на него напали? Настоящее место преступления должно быть где-то рядом. Даже используя тачку, далеко увезти тело не получится, это трудно и утомительно. Они тронулись обратно к дому, и Фейт отклонилась в сторону лесистой лощины. Время от времени невидимые птицы нарушали шаткое спокойствие природы взмахами крыльев или криками, вопрошавшими о чем-то свинцово-серое небо. Папоротники цеплялись за юбки Фейт. После десяти минут поисков Фейт сдалась. В зарослях можно спрятать дюжину пистолетов, и она никогда их не найдет. Уже покидая лощину, они случайно наткнулись на участок земли, густо заросший изумрудно-зеленым мхом. Говард завороченно начал топтать землю пятками, радостно смеясь, когда мох кусками отваливался, обнажая черную почву.

— Фейт, смотри! — крикнул он, не прекращая топтаться. — Печати!

Вдруг взгляд Фейт привлекла узкая темная полоска на фоне зелени. Она подошла поближе, чтобы рассмотреть ее, и наклонилась.

— Фейт! — прокричал Говард. — Фейт, посмотри! Посмотри на это! — Его ботинки топали и чавкали все ближе и ближе. — Ты не смотришь, Фейт! Фейт!

Темная полоса оказалась не тенью. Это была вмятина, след. Фейт протянула руку и провела пальцем в перчатке по узкой неровности.

— Печать! — Маленькая ножка Говарда безжалостно наступила на колею, стерев ее и чуть не задев пальцы Фейт.

— Говард! — Фейт вскочила на ноги.

Говард просиял, и на секунду ей захотелось ударить его по довольной мордочке. Увидев ее выражение лица, брат перестал смеяться, надув губы.

— Я же говорил тебе! — обиженно заявил он. — Ты не смотрела, когда я тебя звал!

Фейт отвернулась, сильно прикусив губу и пытаясь совладать с собой. Он все испортил, правда, без злого умысла.

— Ладно, — выдавила она. — Ничего страшного.

Они стали выбираться из лощины. Говард хлестал папоротники палкой, Фейт пыталась

подавить разочарование. Она была там, Фейт видела ее! Узкая вмятина, похожая на след от колеса телеги. А теперь ее нет. Мать Фейт оказалась права. Преподобный Эразмус Сандерли действительно встретил смерть в лощине.

По возвращении домой их поджидала Жанна, с готовностью протянув руку за накидкой и шляпкой Фейт.

— Фейт, я хочу искать призрака! — заявил Говард.

— О, мастер Говард, не нужно утомлять мисс Фейт! — воскликнула Жанна. — Мисс, вы выглядите устало, вы, наверно, еще не пришли в себя. Может быть, я присмотрю за мастером Говардом? — произнесли она вежливым, но настойчивым голосом и тотчас взяла Говарда за руку. Жанна переходила границы дозволенного и знала это, действуя с холодной уверенностью сильной личности перед лицом более слабой.

Фейт подыграла. Приняв смущенный и усталый вид, она промолчала, будто постеснявшись возразить Жанне, уводившей Говарда.

— А теперь расскажите мне о привидении, — услышала Фейт шепот горничной, когда они повернули за угол.

Фейт не выдала своих эмоций. Она начинила Говарда ложью, словно миниатюрного троянского коня, и вот его торжественно вели во вражеский лагерь.

В час дня около черного входа в дом появился лудильщик. [\[15\]](#) Прайт и Жанна, вышедшие поболтать с ним, судя по всему, хорошо его знали. Со своей крыши Фейт наблюдала за ними, спрятавшись за увитой зеленью решеткой.

— Не волнуйтесь насчет старушки Веллет, — говорила Жанна. — Она ушла на свою обычную послеполуденную прогулку. И так каждый день. Она говорит, что проверяет окрестности, чтобы убедиться, что все в порядке. Я думаю, она уходит в укромное местечко выкурить трубку. — Раздался взрыв смеха.

— Значит... шнур просто оборвался.

— Миссис Веллет говорит, что у нас на стропилах живут крысы, якобы они грызут провода, — сказал Прайт. — Ну что ж, это должна быть чертовски сильная крыса. Если она еще подрастет, можно будет запрячь ее в тележку.

— Это еще не все. — Жанна все больше увлекалась этой историей. — Вы можете *унюхать* его, как будто он только что прошел мимо. В доме холодно, как в могиле. И то и дело вещи оказываются не на своих местах, да ведь?

— В оранжерее пропал горшок, — подтвердил Прайт.

Фейт открывала что-то новое о призраках. Это как снежный ком: стоит его запустить, и он начнет расти сам по себе, без твоего участия.

— Ничего удивительно, скажу я вам. — Жанна испуганно глянула на окна верхнего этажа. — Он покончил с собой, бедолага. Разумеется, с таким смертным грехом на душе он не может покоиться в мире.

Лудильщик сказал что-то еще, но Фейт расслышала только «в пальто пугала». Он подтолкнул Жанну локтем, и она так громко захохотала, что ей пришлось прикрыть рот рукой.

Фейт вернулась в дом, обуреваемая желанием отомстить. Сейчас слуг в доме не было. Возможно, ей больше не представится такой случай. Устремившись в библиотеку, она

перебрала содержимое отцовских коробок с образцами и расставила на столе чучела черного стервятника, ворона с блестящими перьями и попугая. Любой, кто войдет в комнату, первым делом увидит три распахнутых клюва с черными языками и три пары холодных остекленевших глаз.

Большинство часов уже снова завели. Она остановила все, что попались на ее пути. Мертвец покинул дом, но не нашел покоя. Никому не дозволено почувствовать себя в безопасности или вздумать, будто жизнь продолжается. На каминной полке в столовой она оставила чучело ящерицы, спрятав ее среди вороха черного крепа за канделябром. Добравшись до черной лестницы, она поколебалась. Каждый раз, когда она сюда приходила, ей казалось, что она ломает печать, пересекает невидимый порог. И даже больше. Ей казалось, будто она вступает в запретный мир, хотя обычно она делала вид, что его не существует.

Фейт открыла дверь. Лестница за ней была попроще, чем все остальные лестницы, более узкой и крутой и освещалась лишь через маленькие окошки. Перил не было. Она взобралась наверх как можно быстрее, зная, что слуги могут вернуться в любой момент. Наверху оказалась длинная темная комната с высокой стеной справа и покатой крышей слева. Судя по всему, чердак поделили пополам. Дверь справа вела во вторую комнату, где находились кровать на четырех столбиках, зеленый ковер и красивый, но ветхий буфет. Фейт предположила, что это комната экономки.

У двери в первой комнате стояла простая кровать. Рядом стояли тяжелые ботинки, и Фейт предположила, что здесь спит Прайт. Остальную часть комнаты отделяла толстая занавеска. Фейт прошла туда и отодвинула ткань. За ней была еще одна кровать, которая могла принадлежать только Жанне. В ее простоте было что-то поразившее Фейт. Подойдя к кровати Жанны, она стала рассматривать маленькие сокровища, сложенные в коробку рядом с кроватью и расставленные на ближайшей полке. Деревянная расческа, яйцо для штопки, несколько мотков ленты и муслиновая сумочка с вышитыми инициалами «Ж. Б.». Фейт потрогала ее и почувствовала себя воровкой, несмотря на то что даже атлас и бархат никогда не вызывали у нее желания завладеть ими.

Фейт хотела сделать какую-нибудь гадость, но не предвидела, что будет чувствовать себя настолько неловко. Потом она вспомнила, как Жанна ухмылялась, когда ее отца запретили хоронить, и смеялась над унижениями Миртл. В конце концов Фейт вытащила из кармана добытый в сундуке отца предмет, желтый, как пергамент, гладкий и прохладный. Когда она перевернула его вверх ногами, он щелкнул, как вязальные спицы. Фейт аккуратно засунула кошачий череп в постель Жанны и разгладила покрывало. Осторожно спускаясь по лестнице, она представляла, как череп смотрит пустыми глазами в темноту в своей небольшой пещере из одеял.

Глава 18

Ссора в семье

Когда дядюшка Майлз вернулся от Ламбентов, было уже три часа дня, и Миртл согласилась на то, чтобы принять его у себя в спальне. Закутавшись в одеяла и лежа на подушках, с покрасневшим носом и глазами, она выглядела непривычно бледной, хотя чувствовала себя достаточно хорошо, чтобы соблюсти приличия и настоять на присутствии Фейт. Когда дядюшка Майлз вошел, Миртл выпрямилась.

— Ну что? — спросила она. — Ты поговорил с магистратом?

Дядюшка Майлз оглянулся, потом аккуратно закрыл за собой дверь. Усевшись в кресло, он испустил длинный вздох.

— Он был очень любезен. — Дядюшка Майлз поморщился, снимая перчатки. — И крайне вежлив. Боюсь, что он непреклонен в своем намерении провести дознание. Если представители общественности просят...

— Чепуха! — воскликнула Миртл. — Он же магистрат! Ему решать!

— Что такое дознание? — поинтересовалась Фейт, охваченная мрачными предчувствиями. — Как его делают?

— Мне очень жаль, — начал объяснять дядюшка Майлз, — но это значит, что твоего отца нельзя хоронить. Боюсь, мы даже не можем переместить его в другое место, пока дело не будет улажено. Они хотят провести расследование, а потом... слушание. Суд, который решит, что послужило причиной смерти.

Фейт раздирали противоречивые мысли. С одной стороны, она хотела, чтобы смерть ее отца расследовали, а убийцу поймали. С другой стороны, все жители Вейна были уверены, что он покончил с собой. Как только выяснится, что тело преподобного на самом деле обнаружили на дереве, все наверняка сочтут этот факт доказательством самоубийства.

— Когда? — спросила Фейт. — Когда будет суд? — Она надеялась только на то, что до «слушания» успеет найти необходимые доказательства того, что отца убили.

— Дату еще не назначили, но это может произойти в любой день. — Дядюшка Майлз выглядел сконфуженно. — Дорогие мои, это все сложные юридические вещи, и нет нужды вам расстраиваться из-за подробностей...

— Пожалуйста, дядюшка Майлз! — перебила его Фейт. — Я хочу знать подробности!

Дядюшка Майлз удивился ее настойчивости, а потом пожал плечами.

— Иногда... в случае неожиданной смерти... когда обстоятельства выглядят подозрительно... магистрат дает приходскому констеблю разрешение позвать коронера, [\[16\]](#) который произведет расследование. Во время дознания коронер с помощью суда присяжных, состоящего из двадцати трех местных мужчин, определит причину смерти. В этом деле коронером будет доктор Джеклерс.

— Значит, доктор Джеклерс будет вести расследование и принимать окончательное решение, — произнесла Миртл, прищутив глаза. — Знаешь, Майлз, мне кажется, я и правда больна. Надо завтра послать за доктором, когда я буду выглядеть получше.

— Расходы на доктора? Помимо всего прочего? — Дядюшка Майлз нахмурился и вздохнул. — Нет, Миртл, детка. Я должен пресечь это. Ты растратишь все наши деньги.

— Пресечь? — резко перебила его Миртл. — Наши деньги? Это не твои деньги, Майлз. Как обычно, ни один пенни из потраченных денег не был твоим.

Дядюшка Майлз покраснел и нахмурился еще сильнее.

— Мы подошли к другому вопросу, который я также хотел обсудить, — сказал он.

Повисла тяжелая пауза. Дядюшка Майлз мельком взглянул на Фейт, секунду спустя Миртл сделала то же самое.

— Фейт... — произнесла Миртл. — Ты не могла бы.... — Она умолкла, утомленно взмахнув рукой.

— Пойду почитаю молитвенник, — тихо сказала Фейт и покорно вышла из комнаты.

Подслушивать у двери на лестничной площадке было непростым делом. В любой момент можно было ждать, что двери откроются и кто-нибудь выйдет. Кто-то мог появиться на лестнице как сверху, так и снизу, и обнаружить Фейт, стоящую на коленях. Было трудно одновременно прислушиваться к звукам за дверью и бдеть, не идет ли кто. Но оно того стоило. Фейт закусил губу и прижалась ухом к замочной скважине.

— Миртл, — говорил дядюшка Майлз, — тебе надо обдумать свое положение. Я знаю, что ты пыталась сделать все это время, в каком свете хотела все выставить, это была отчаянная попытка, но она не сработала. Кошка выпрыгнула из мешка. Что ты скажешь на следствии, если тебя пригласят дать показания?

— Я скажу то же самое, что говорила раньше, — решительно ответила Миртл. — С моим мужем произошел трагический несчастный случай.

— Ты понимаешь, какая тебя подстерегает опасность, если правда выплывет наружу? — Дядюшка Майлз прочистил горло. — Если... случится худшее, я сделаю для тебя все возможное... но сейчас ты должна следовать моим советам.

— И что ты советуешь, Майлз? — подозрительно спросила Миртл.

— Ты должна передать мне деньги и все остальное имущество Эразмуса, какое только можно. Мы притворимся, что оно принадлежит мне, что он сам отдал мне его.

— Ясно! — Голос Миртл был ледяным. — Вот к чему ты клонишь!

Фейт рассердилась, хотя и была озадачена. О какой опасности твердит дядюшка? Почему он хочет заполучить имущество отца?

— Это единственный разумный путь! — усталым, но добрым голосом заметил дядюшка Майлз. — Ты и сама это видишь! Как бы доктор Джеклерс ни восхищался тобой, он не сможет игнорировать улики, а Прайт не будет лгать под присягой, он сам это сказал.

— Нет, — ответила Миртл, — но ты мог бы.

— Прошу прощения?

— Ты можешь дать показания. Можно сказать им, будто бы ты нашел Эразмуса в лошине.

— Ты просишь меня лжесвидетельствовать?

— Ты знаешь, что на кону.

Повисла долгая пауза.

— Нет, Миртл, — наконец ответил дядюшка Майлз. — Если ты не сделаешь то, о чем я попросил... боюсь, я не смогу сделать то, о чем ты просишь. — Он испустил долгий вздох — вздох человека, терпением которого долго злоупотребляли. — Что ж... позволь мне по крайней мере присмотреть за живыми образцами, чтобы они не погибли без ухода. И, думаю, мне стоит проглядеть его бумаги. Я хотел сделать это еще вчера, но не смог их найти.

Фейт напряглась, стиснув челюсти. Нет! Она не позволит дядюшке завладеть деревом лжи или драгоценной змеей! Дневник и наброски, которые отец делал после своих галлюцинаций, тоже никто не должен видеть, кроме нее. Ей стало больно при одной мысли

о том, чтобы отдать хоть что-то из бумаг отца. Они были как джинн в бутылке — хранили в себе его мысли, голос и секреты, и они принадлежат ей одной! Она их хранительница.

— Майлз, — голос Миртл резал ножом, — почему ты внезапно так заинтересовался бумагами и образцами Эразмуса? Ты терпеть не можешь никакие обязанности. Почему ты так хочешь поскорее приняться за рутинную возню с бумагами и начать заботиться о мерзком вомбате?

— Ну... все живые существа должны получать надлежащий уход, а в бумагах может обнаружиться что-то важное, требующее незамедлительных действий! Долги. Активы. Документы. Приглашения. Обязательства или... даже завещание.

— Это ты после завтрака решил стать смотрителем зоопарка и юристом? — поинтересовалась Миртл.

— Миртл, ты ведешь себя как ребенок! — В голосе дядюшки Майлза сквозило несвойственное ему обычно волнение. — Мы оба знаем, что ты никогда не сможешь разобраться с бумагами Эразмуса! Ты *должна* позволить мне изучить их!

— Где ты был весь день? — подозрительно спросила Миртл. — Ты не мог шесть часов разговаривать с магистратом, тем более что ты получил отказ. С кем еще ты говорил? Что слышал? Майлз, я тебя знаю.

Возникла пауза.

— У тебя... все в голове перепуталось, Миртл, ты переутомлена, — произнес дядюшка Майлз более спокойным тоном, но это спокойствие давалось ему непросто. — Я сам виноват. Не стоило заводить эту тему, пока ты вся на нервах.

— Не разговаривай со мной так! — яростно выпалила Миртл. — Я не на нервах, Майлз. И не переутомлена! И я не собираюсь сдаваться, не сейчас! Я останусь на Вейне и буду бороться, пока Эразмуса не похоронят как положено...

— Как? — со сталью в голосе спросил дядюшка Майлз. — Как ты можешь тут остаться? Сколько у тебя с собой денег? Когда тебе предстоит платить аренду за дом и зарплату слугам? Сколько осталось ждать той поры, когда мы не сможем купить еды?

Повисла долгая пауза.

— Я долго размышлял об этом. — Кресло дядюшки Майлза скрипнуло, когда он поднялся. — Подумай о том, чтобы передать мне имущество Эразмуса, Миртл. Я знаю, в конце концов ты внемлешь голосу разума. Но не затягивай.

Фейт услышала, как ножки кресла царапнули по полу, и поспешила в свою комнату. На секунду она пожалела, что подслушала этот разговор. Он не был понятен ей до конца, но у нее осталось ощущение какой-то угрозы, словно ссорились два заговорщика. Она копнула поглубже и наткнулась на еще одну жилу с секретами.

Едва Фейт вернулась к себе, как мать прислала за ней.

— Фейт, закрой дверь и присядь. Скажи мне, бумаги отца в безопасном месте?

Эта формулировка поразила Фейт. Не «спрятала ли ты бумаги?», а «хорошо ли ты их спрятала?». Она быстро обдумала варианты. Можно отрицать, что она знает о местонахождении бумаг, но Миртл была в курсе, что они исчезли в то время, когда Фейт была в библиотеке. Если комнату Фейт хорошенько обыщут, могут найти бумаги в клетке змеи.

— Да, — ответила она. — Мне казалось, так лучше...

— Да, конечно, — перебила ее Миртл. — Умница. Принесешь их мне?

«Нет. Ни за что».

— Я... — Фейт с трудом удавалось сохранять безразличное выражение лица, в то время как ее мысли метались. — Я могу принести их... но большая часть на греческом или зашифрована кодом, который отец часто использовал для своих заметок. Я могу перевести, но это нелегко...

— Господи спаси! На греческом? — Миртл тихо застонала. — Значит, от них нет никакой пользы. Тебе надо будет попытаться прочесть их для меня. Потом расскажешь, что удастся выяснить. И чтобы никто не заподозрил, что они у тебя! Твой дядя наверняка будет спрашивать о них, ничего не говори ему без моего разрешения.

— Зачем они ему нужны? — спросила Фейт, радуясь подвернувшейся возможности.

— Понятия не имею, — ответила Миртл, — но я знаю своего брата. У него, конечно, много достоинств, но он всегда, всегда ищет, как получить выгоду, затратив минимум усилий.

Секунду Фейт размышляла, пытаясь соотнести это описание со своим веселым, добродушным дядюшкой. После того как она подслушала их разговор, это оказалось не так трудно.

— Тебе попадались какие-нибудь бумаги, которые могут стоить денег? — внезапно спросила Миртл. — Долговые расписки, векселя, завещание или что-то в этом роде?

— Нет. — Фейт наблюдала за матерью, поражаясь ее прозаичности.

— Если твой дядя проявляет к ним интерес, там должно быть что-то ценное... — Миртл закусила губу.

Когда Фейт выходила из комнаты, ее мать задумчиво покручивала кольца на пальцах, рассматривая модные картинки из журнала, валявшегося на ее покрывале. Фейт подумала, что случилось бы, наложи Миртл руки на бумаги отца. Продала бы она дерево лжи, чтобы купить еще платьев? В голову Фейт ядовитой змеей проскользнула еще одна мысль. Жене всегда приходится просить у мужа деньги на хозяйство, но вдова может распоряжаться наследством по своему усмотрению. Со смертью преподобного Миртл впервые в жизни получила контроль над его деньгами.

Ночью Фейт никак не могла уснуть и долго лежала в кровати, пытаясь собрать воедино пазлы головоломки. У нее так мало времени! В любой день может состояться дознание, и когда семейный кошелек опустеет, Сандерли придется покинуть Вейн. Фейт хотела ненавязчиво, без спешки вести свое расследование, позволив фрукту на дереве лжи зреть несколько недель. Но теперь времени для долгих планов и осторожных стратегий не оставалось. Короткий резкий вопль откуда-то сверху оторвал Фейт от ее мыслей. Ей потребовалась пара секунд, чтобы вспомнить о кошачьем черепе в кровати Жанны. Над ее головой заскрипели половицы, и она услышала, как кто-то бьется в припадке, потом раздались тихие успокаивающие голоса.

Фейт не чувствовала ни радости, ни вины. В темноте она ощущала лишь одиночество и быстрый бег времени. Она подумала о дереве лжи, укрытом в гулкой пещере, и, как ни странно, почувствовала себя не столь одиноко. Погружаясь в сон, она представила, как ее ложь тихо распространяется, словно темно-зеленый едкий дым, наполняя дом легким туманом, вытекая из ртов слуг в виде испуганных перешептываний. Фейт представила, как она, словно струйки воды, проникает в листья, сочится по тонким узловатым веткам и набухает маленьким белым бутонem.

Глава 19

Визиты джентльменов

Доктора Джеклерса пригласили к полудню. Однако он прибыл к десяти, повергнув всех домочадцев в замешательство. Когда миссис Веллет пришла доложить о его приходе, Миртл была в гостиной, и портниха только что подколола булавками ее новое платье, сажая его по фигуре. Другими словами, Миртл была не в том виде, чтобы разыгрывать из себя больную леди.

— Я никак не могу его обидеть! — Миртл крайне встревожилась. — Скажите доктору, что я одеваюсь и скоро спущусь. Проводите его в библиотеку. Там есть черепа, он их любит. Предложите ему чаю.

— Прошу прощения, мэм, — осторожно ответила миссис Веллет, — но он говорит, что пришел так рано по официальному делу. Просит разрешения осмотреть окрестности, мэм.

Миртл побледнела и закусила губу.

— Мы не можем отказать ему, — вяло произнесла она. — Предоставьте Прайта в распоряжение доктора.

— А что делать с юным мастером Клэем? — вежливо спросила миссис Веллет.

— Мастером Клэем? — Глаза Миртл расширились. — Он тоже здесь?

— Да, мэм. Он явился одновременно с экипажем доктора. Принес фотографию и... огромный букет цветов, мэм.

— Цветов... — выдохнула Миртл. На ее хорошеньком румянном личике быстро сменяли друг друга самодовольство, тревога и холодный расчет. — Клэев мы тоже не можем обидеть, — пробормотала она. — Устройте мастера Клэя в оранжерею, угостите его булочками или кексом.

Фейт почти не слушала мать. Доктор Джеклерс пришел в их дом расследовать смерть преподобного. Возможно, это ее единственный шанс поговорить с ним и убедить, что отца убили. Конечно же, разговор с доктором Джеклерсом — это предательство. Она разрушит версию событий, выдаваемую за правду их семьей. Миртл придет в ярость. Если не хуже.

«Ты знаешь, какая нам грозит опасность, если правда выйдет наружу», — сказал дядюшка Майлз. Фейт не знала, что им грозит, но при воспоминании об этих словах почувствовала неуверенность. Что, если, рассказав правду, она накличет на семью несчастье? Но как она может упустить такой шанс? Ради отца нужно попытаться.

Фейт нашла доктора неподалеку от дома, он шел в сторону тропинки, ведущей на холм.

— Ах, прошу прощения, что мне пришлось явиться к вам по такому поводу, мисс Сандерли... но я выполняю свой долг. — Он извлек из внутреннего кармана сложенную бумагу, развернул ее и продемонстрировал большую красную печать. «...Магистрат графства Вейн назначает доктора Ноя Джеклерса коронером в следствии по делу преподобного Эразмуса Сандерли...» Бумага была подписана Ламбентом. Его почерк был размашистым и хаотичным, таким же как и он сам.

— Вы понимаете значение слова «коронер»? — поинтересовался доктор Джеклерс и улыбнулся, когда Фейт кивнула. — Хорошо-хорошо. Обычно коронер привлекает медэксперта, но, поскольку я единственный специалист-медик на острове, мне пришлось привлечь себя самого. — Он усмехнулся.

Фейт подумала, должно быть, человеку вроде мистера Джеклерса, абсолютно глухому к чувствам других людей, жить довольно легко.

— Как видите, мне придется осмотреть окрестности.

— Можно мне тоже пойти? — быстро сказала Фейт. — Я хочу с вами поговорить. Вам нужно кое-что знать.

Доктор недоуменно нахмурился, но кивнул. Они отходили все дальше от дома, и Фейт все время боялась, что Миртл увидит ее из окна и позовет домой. Фейт не могла не заметить, что доктор очень хорошо одет. На нем был голубой бархатный жилет, украшенный золотой цепочкой крест-накрест, усы были аккуратно подстрижены и нафабрены, а в галстук блестела золотая булавка. Чувствовалась какая-то застенчивость в его действиях, и это раздражало Фейт. Она вспомнила, как ее мать стояла совсем рядом с доктором, схватив его за голую руку, и в животе девочки что-то скрутилось, будто цыпленку свернули шею. Она могла бы пожалеть доктора, если бы отец не лежал до сих пор в церковной крипте. Ухаживать за вдовой в трауре — это вульгарно. Но любезничать, когда муж еще не похоронен, — просто отвратительно.

— Что вы хотели сказать? — поинтересовался доктор.

— Вчера я гуляла по лощине. — Фейт бросилась с места в карьер. — Доктор, там есть место, где мох притоптан...

— А, я понимаю. — Доктор посмотрел на нее преисполненным сочувствия взглядом. — Уверен, что это так. Какая вы хорошая, преданная молодая леди!

Фейт потребовалась секунда, чтобы понять ход его мыслей, и к ее лицу прилила краска.

— Нет, там и правда есть такое место, и это не моих рук дело! Пожалуйста! Давайте я вам покажу!

Но доктор лишь бросил на нее печальный взгляд и продолжил идти по направлению к утесу. Когда она поравнялась с ним, он стоял на самом краю и смотрел вниз, изучая отвесный спуск.

— Дерево на середине утеса треснуло, видна сердцевина, — пробормотал он. — Это свежий слом.

— Сэр, вы видите следы тачки? — Фейт показала на то, что осталось от вмятины, оставленной колесом. Сейчас дождь почти разровнял ее.

Доктор Джеклерс мельком глянул в ту сторону.

— Да, это след от ботинка. Наверняка их здесь сотни, тут ходит множество людей.

Фейт решила не сдаваться.

— Скажите, доктор Джеклерс, может ли человек выжить, если упадет отсюда на то дерево?

— Полагаю... да. Хотя, если он ничего себе не сломает, ему крупно повезет.

— Значит... если отец собирался прыгнуть, зачем ему делать это над деревом? — Фейт двинулась к обрыву, остановившись в двух ярдах слева от доктора. — Я бы прыгнула *здесь*.

— Мисс Сандерли, вы слишком близко к краю!

— Здесь ничего не мешает, внизу камни, — сказала Фейт. — Ничто не остановило бы меня, если бы я прыгнула.

Налетел внезапный порыв ветра, и доктор бросился к Фейт, схватив ее за руку. Она отпрянула и на секунду потеряла равновесие, качнувшись в сторону голодной серой бездны, что разверзлась ей навстречу. Наконец ее скользкие ботинки снова обрели почву под ногами. Она отступила от обрыва, не понимая, жест доктора помог ей сохранить равновесие

или, наоборот, лишил его. Фейт не почувствовала страха, но в глазах доктора читался испуг. Они были цвета крепкого кофе, и в уголках от постоянного чтения пролегли морщинки. Он поморщился, словно кто-то посветил ему в лицо яркой лампой. И на секунду, только на секунду ей показалось, что он видит ее настоящей. Потом он моргнул и отпустил ее запястье. Она поняла, что им снова завладевают привычные мысли.

— Вот почему надо быть внимательной и осторожной, — сказал он резко, но не сердито. — Невесомую юную особу вроде вас могло унести ветром, и что тогда?

«Я человек из крови и плоти, а не эльф. Я бы истекла кровью, в точности как вы».

— Вижу, — продолжил доктор с теплотой в голосе, — что вы не хотите верить, будто ваш отец покончил с собой.

— Я не могу поверить, что он так поступил, — ответила Фейт, — и невозможно представить, чтобы он сделал это так *неловко*.

— И что вы предполагаете?

— Вы сказали, что на голове отца были шишки — на затылке и спереди. Могло так случиться, что его ударили сзади, после чего он упал вперед?

— Ах вот к чему вы клоните. — Доктор вздохнул и печально улыбнулся ей. — Мисс Сандерли, вы знаете величайшего врага коронера? Это романы. Вы заядлая читательница, верно? Мне знаком этот робкий мечтательный взгляд.

На секунду Фейт призадумалась: если доктор сам упадет со скалы, поможет ли это расследованию?

— Я догадываюсь, чем они вас привлекли, — снисходительно продолжал доктор. — Вокруг лишь серая обыденность, там же грандиозные похищения, убийства, семейные тайны и подземные ходы. А потом вы, юные леди, приходите к коронеру, и ваши головы переполнены фантазиями, призраками, пылкими взглядами и чудовищными подозрениями...

— Неужели все это уместается в маленький женский череп? — едко спросила Фейт. На ее глазах доктор побледнел, но девочка продолжила гнуть свою линию: — Отца ненавидел весь Вейн с самого начала. В день своей смерти он получил письмо...

— Послушайте, милая. На этом острове нет ни одного мужчины, женщины или ребенка, которого я не знал бы много лет. Да, у нас есть свои преступники... но не убийцы. Поверьте мне. Я определил бы это по форме черепа. — Доктор отвернулся от обрыва, всем своим видом показывая, что дискуссия окончена. — Так что можете выбросить из головы свои нелепые выдумки. Я успокоил вас немного?

— Теперь я вижу, как обстоят дела, — вот и все, что могла сказать Фейт.

— Я не стану никому говорить о ваших подозрениях, — любезно добавил доктор Джеклерс. — И настоятельно советую вам тоже молчать.

«Я вижу, как обстоят дела. Мне не дожидаться помощи от закона. Если я хочу, чтобы убийцу нашли, я должна полагаться только на себя».

Когда доктор вернулся в дом, его встретили и препроводили к Миртл. Фейт проскользнула вверх, еле сдерживая разочарование. У двери она наткнулась на закрытый горшок, в котором лежала мертвая мышь. Миссис Веллет явно была готова поставлять змеем мертвых грызунов, но предпочитала избегать разговоров на эту тему. Фейт внесла горшок в комнату и почувствовала, что напряжение отпускает ее, лишь увидев, как змея вытекает, словно масло, из клетки. Челюсти изящно распахнулись и сомкнулись на голове лакомства.

Мышь исчезла, и Фейт позволила рептилии скользнуть вверх по руке и обвиться вокруг шеи. В этот самый миг она услышала, как из коридора донесся слабый шорох. Кто-то пытался осторожно повернуть дверную ручку. Совсем недавно она делала то же самое и потому узнала звук. Это дверь в спальню отца. Фейт выскочила из комнаты и резко остановилась. Змея напряглась, встревоженная неожиданным бегством. В дверях комнаты преподобного стоял Пол Клэй.

— Что ты здесь делаешь? — спросила Фейт.

Пол в ужасе уставился на нее, потом перевел взгляд на змею.

— Мы поспорили... — начал он, делая шаг назад.

— Ты вор! — прошипела Фейт. — Что ты украл?

— Ничего! — Он бросил взгляд на ножницы у себя в руках. — Я просто хотел... раздобыть немного волос. Мы поспорили, что я принесу волосы. Но я не хотел открывать гроб, а потом доктор Джеклерс увез тело на обследование. Я подумал, что в комнате может что-то найтись...

— Как ты посмел! — Фейт пришла в такую ярость, что не удивилась бы, если бы из ее спины выросли огромные черные крылья. Прядь волос — в этом было что-то очень личное. Никто не имеет права на такое сокровище, кроме самых близких людей, и уж точно не любопытный зевака с ножницами, разгуливающий по чужому дому. — Он умер, и у него даже нет могилы. Разве этого недостаточно? Вам обязательно рвать его на части?

Пол вздрогнул и бросил в сторону лестницы испуганный взгляд. В тот же миг Фейт услышала шаги на лестнице. Сейчас кто-то придет и застигнет Пола — нарушителя, пробравшегося в обитель семьи Сандерли. Один крик — и его участь будет решена, а Фейт подтвердит собственную невиновность. Но девочка не стала кричать. Вместо этого она схватила Пола за рукав и быстро втащила к себе в комнату. Тот ошеломленно вздохнул, когда понял, где оказался, но она не дала ему времени заговорить и повела его в садик на крыше. Пригнувшись, Фейт села на низкую деревянную скамейку.

— Сядь, — прошипела она, — или тебя увидят снизу!

Пол повиновался, устроившись на противоположной стороне садика, и недоверчиво уставился на нее.

Что она натворила? Фейт наедине с незнакомым мужчиной. Не доктором, не родственником и не другом семьи. Ей повторяли тысячу раз: все, что есть у женщины, — это *репутация*. Она была словно пузырь, который может лопнуть из-за чьей-то близости. На лестничной площадке Фейт была воплощением силы и ярости, но здесь внезапно ощутила собственную уязвимость. Она поймала себя на том, что вдавилась спиной в решетку, как будто ее репутацию еще можно было спасти, сделав расстояние максимальным. В глазах Пола она читала ту же нарастающую панику. Он прижался к противоположной стене.

— Почему ты так сделала? — прошептал он.

— Почему ты меня послушался? — парировала она.

Повисло долгое молчание. Никто из них не знал ответа. Она остро ощущала чужеродность Пола, как будто они были воинами из соперничающих племен, встретившимися на нейтральной территории.

— С кем ты посмел спорить? — наконец спросила Фейт с легкой агрессией в голосе.

— Кое с кем из своих друзей, — уклончиво ответил Пол, но Фейт научилась читать между строк. — Говорят, призрак твоего отца бродит...

— Кто? — спросила Фейт. — Кто это говорит?

— Все. Весь остров.

«Весь остров». Слух распространился еще быстрее, чем она ожидала.

— Они знали, что я помогал передвигать тело, когда его фотографировали, — продолжил Пол, — но поспорили, что я ни за что не вернусь и не притронусь к нему еще раз, когда вокруг бродит его призрак. Волосы должны были стать доказательством.

— А что должны были доказать цветы? — спросила Фейт, вспомнив оставленную в оранжерее корзину.

Пол помедлил, изучая костяшки своих пальцев, и Фейт показалось, что он в замешательстве.

— Их прислал мой отец, — ответил он. — Он подумал, что вам не помешает... освежить дом.

Поступок вполне разумный, признала Фейт. Но все же Клэй посылал цветы новоиспеченной вдове, к тому же розовые и желтые бутоны совсем не выглядели траурно. Она подумала, ревнива ли жена Клэя.

— Я не видела на похоронах твою мать, — заметила она под влиянием этой мысли.

— Она перестала посещать все похороны после своих собственных, — просто ответил Пол.

Фейт не могла сказать ему на это ничего доброго или подбадривающего. Это прозвучало бы фальшиво. Оба они не играли в подобные игры. И она промолчала.

— Что здесь делает доктор? — в свою очередь спросил Пол.

— Он коронер. Расследует смерть моего отца.

Пол позволил себе проявить искреннюю заинтересованность.

— Ты рассказала ему то же, что пыталась доказать мне? Будто кто-то убил...

— Ты имеешь в виду мои фантазии и призраков? — язвительно спросила Фейт. — Мое болезненное воображение, пострадавшее от переизбытка романов?

— Ты и правда ему сказала! — Глаза Пола расширились, и Фейт не поняла, что в них — недоверие или восхищение. — Ты веришь в это!

— А ты нет, — горько заметила Фейт.

— Никто не любил его, но это не повод для убийства. — Пол сузил глаза. — Он чуть не искалечил моего друга и вел себя как истинный скряга, к тому же оказался обманщиком и лицемером до мозга костей. Но за это не убивают.

Фейт только стиснула зубы от такой характеристики отца, но в ней еще бурлили невысказанные идеи, которые отказался выслушивать доктор. Ей с трудом удавалось удерживать их в себе, и Фейт поняла, что оказалась в ловушке своей собственной головы. В ловушке дома. Семейства Сандерли.

— Что ж, значит, была другая причина, — заявила она. — Утром накануне его смерти ему передали письмо без подписи. Оно его сильно расстроило. Он не хотел об этом говорить. Сжег его. А потом посреди ночи куда-то ушел. Я думаю, что на встречу с кем-то. Думаю, причина в письме. Его пистолет исчез. Отец не застрелился, значит, раз он взял его с собой, наверно, собирался защищаться.

— Если на него кто-то напал, почему он не выстрелил? — спросил Пол и снова уставился на нее холодным испытующим взглядом, который она уже видела.

— Я не знаю, — неохотно созналась Фейт. — Но у него раны на затылке и на лбу. Думаю, его ударили сзади.

— Кто-то слышал ночью карету или лошадь? — задумчиво продолжил Пол.

— Нет. — Фейт тоже задумалась. — Но дул сильный ветер.

— И они могли остановиться на расстоянии. Или приплыть на лодке, или вообще прийти пешком. — Он прищурил глаза. — Этот дом расположен одинаково далеко отовсюду, с несколько миль. Каждый, кто оказался здесь, вынужден был отсутствовать дома час или два среди ночи. Если только неизвестный уже не находился здесь.

Фейт медленно кивнула, обдумывая его слова. Однако самым большим сюрпризом для нее было то, что кто-то говорил с ней всерьез. На секунду она пожалела, что ненавидит Пола Клэя. Ее следующие слова поразили ее саму.

— Я хочу, чтобы ты помог мне, — произнесла она.

— Помочь тебе? — Пол хмыкнул. — С чего бы?

— Мы не можем отсюда уехать, пока отца не похоронят, — холодно заявила Фейт. — Твой отец посылает цветы моей матери. Чем дольше мы будем здесь оставаться, тем ближе они станут. Хочешь обзавестись сестрой?

Пол метнул на нее острый, как кинжал, взгляд, и на секунду Фейт показалось, что он сейчас вскочит и убежит.

— Пусть лучше с меня кожу сдерут заживо, — ответил он.

— Тогда помоги мне найти убийцу, — сказала Фейт, — и ты меня больше не увидишь. Ты знаешь остров, общаешься с людьми. Узнай, уходил ли кто-нибудь ночью из дома без причины. Ты ведь можешь ходить, где вздумается...

— Мне надо учиться! — возразил Пол. — И работать, я помогаю отцу...

— Тебя же не запирают в комнате с молитвенником! — настойчиво продолжала Фейт. — Ты вполне можешь отправиться на прогулку или поговорить с людьми на улице. В этом разница между нами.

Трудно было по взгляду угадать мысли Пола, и это выводило Фейт из себя. Он был копия отцовской фотокамеры, подумала она: почти не мигал и бесстрастно рассматривал детали.

— Что я получу взамен? — после длинной паузы спросил он.

Фейт поколебалась, потом осторожно вытащила медальон. Внутри лежал темно-каштановый локон ее отца, который она отрезала во время бдения над телом. Ей было больно при мысли о том, чтобы расстаться даже с частью волос, но она отчаянно нуждалась в союзнике.

— Что сделают твои друзья, если ты вернешься без пряди волос моего отца? — поинтересовалась она. — Будут дразнить тебя? Называть трусом?

Пол покраснел, и Фейт поняла, что попала в точку. Она осторожно достала локон и разделила его на две части. Одну снова убрала в медальон, вторую зажала между большим и указательным пальцами.

— Иди сюда и возьми, — сказала она.

Пол взглянул на волосы, потом на Фейт, явно терзаясь сомнениями. Между ними все еще простиралась неприкосновенная дистанция. Потом он поднялся на ноги, нервно ссутулившись, чтобы его не было видно снизу. Его шаги потревожили змею, которая тихо зашипела и стала медленно разворачивать свои кольца. Пол вздрогнул, резко отпрянув, и это зрелище наполнило Фейт таким же злорадством, какое она испытала во время их первого разговора.

— Если ты так любишь, когда тебе бросают вызов, Пол Клэй, — сказала она, — так подойди. *Я бросаю тебе вызов.*

Пол был загипнотизирован медленными движениями золотистого тела змеи.

— Не бойся, — прошептала Фейт. — Этот вид не кусается. — Она заметила, как Пол шевельнул рукой, словно хотел протянуть ее вперед. — Этот вид душит, — добавила Фейт и удовлетворенно заметила, как он вздрогнул. — Не рискнешь, да?

Он медленно шагнул вперед, а потом, прыгнув, выдернул из ее пальцев прядь волос. Но Фейт успела крепко схватить его за руку.

— Если ты поделишься с кем-нибудь моими секретами, — яростно прошептала она, — я всем расскажу, что ты струсил отрезать волосы самостоятельно. У меня осталась вторая половина локона, и я знаю, с какой части головы они срезаны, а ты нет.

Змея скользнула по ее запястью и слегка коснулась руки Пола. Тот кое-как высвободился из хватки Фейт и отступил на несколько шагов, потирая руку, явно перепуганный до смерти и злой.

— А ты принимаешь вызов? — задал он встречный вопрос. — Каждый понедельник вечером в сторожке на побережье проходят крысиные бои. Приходи и отыщи меня там, поговорим о твоём ненаглядном убийстве.

Фейт слышала о крысиных боях — любимом развлечении посетителей таверн. В яму с крысами бросали собак, и они должны были убить крыс как можно быстрее. Пол знал, что она не посмеет появиться в подобном месте. Он снова поднимал ставки.

— Так что же, увижу я тебя там? — спросил он, ухмыльнувшись. — Думаю, вряд ли.

Порыв ветра всколыхнул листву, и они оба подпрыгнули от неожиданности.

— Мне надо идти, — сказал Пол менее воинственным тоном и кивнул в сторону земли. — Путь чист?

Фейт повернулась и всмотрелась сквозь мешанину листьев и побегов. Снова перевела взгляд на него и кивнула. Пол торопливо подошел к увитой плющом калитке и ловко перепрыгнул через нее, скрывшись из виду. Она услышала лишь слабый стук, когда он спускался по ступенькам. Замерев, Фейт прислушалась. Снаружи криков не доносилось. Её не обнаружили. *Их* не обнаружили. Она не могла поверить, что разговаривала с молодым человеком наедине и тайно. Пол был примерно ее ровесником, но они уже были достаточно взрослыми, чтобы разразился скандал, прознай общественность об их встрече.

Фейт чувствовала себя уставшей и словно испорченной. От одежды тело зудело. Она боялась, что, если посмотрит в зеркало, не узнает себя. Как это могло произойти? Что есть такого в Поле Клэе, что заставляет ее вести себя подобным образом и говорить безумные вещи? В то же время она болезненно ощущала, будто наконец проснулась и с нее сняли тяжелую ношу. Она серьезно рисковала, но, возможно, теперь у нее есть союзник. Не друг, но все же лучше, чем ничего. Ей вспомнилось, как изящно Пол перепрыгнул через калитку. В этом движении было столько легкости. Он будто взлетел. Она задумалась, что он при этом ощутил. И только потом ей в голову пришла мысль, что Пол сразу поверил ее словам про свободный путь. А ведь она легко могла отправить его в объятия врагов, убежать в свою комнату и сделать вид, что ничего не знает о нем. Как ни странно, ни на минуту не задумалась она о том, чтобы поступить так.

Глава 20

Улыбка в лесу

Пол Клэй — не друг. Однако он поделился с Фейт драгоценной информацией о том, что происходит на острове, и одним важным фактом: ее ложь распространилась. Сейчас все на Вейне говорят о призраке преподобного. Хватит ли этого? Созрел ли фрукт на дереве лжи? Ей придется снова побывать в пещере. Нужно увидеть дерево и узнать, не тратит ли она время понапрасну. На этот раз она хорошенько подготовится.

Закрывшись в комнате под предлогом плохого самочувствия, Фейт погрузилась в перечитывание отцовских заметок. Она вспоминала свою первую встречу с растением, когда почувствовала себя не в своей тарелке. Приблизившись к нему, как к алтарю, она разговаривала с ним, будто с доверенным лицом. В ее действиях абсолютно отсутствовал научный подход. «Я ученый», — напомнила себе Фейт. Ученые неподвластны трепету и суевериям. Ученые задают вопросы и получают на них ответы через наблюдение и логические умозаключения. У растения нет ушей. Как оно могло услышать ложь? У него нет мозга. Так откуда же ему знать тайны Вселенной? Оно происходит из экзотических краев, как оно может понимать британский английский? Каким образом в плоде растения могут заключаться тайны и разве знание можно съесть? Если отец ошибался насчет дерева лжи, она должна это знать. Если он был прав, тогда надо найти ответы на эти вопросы. «Магия» — не ответ, это предлог для того, чтобы уйти от поисков.

Фейт пролистала густо исписанные страницы дневника, разбирая отцовские записи и комментарии.

Великая загадка — способность дерева жить, расти и выделять запах в отсутствие благотворного воздействия солнца. Видимо, энергия поступает из другого источника, обеспечивая необходимые химические процессы. Тепло, всасываемое из воздуха? Маловероятно, поскольку растение любит холод и влагу. Оно насекомоядное, как росянка? Поскольку растение обитает в пещере, его мощный морозный запах может подсказать потерявшимся живым существам, что выход рядом. Однако случаи подобного хищничества не были замечены, разве что добыча была незаметна глазу и обитала в воздушных потоках. Могла ли она оседать на клейких листьях?

Фейт вспомнила липкую влагу на пальцах, оставшуюся от прикосновения к растению, и ей внезапно захотелось вымыть руки.

Еще одна теория: это растение — симбионт.^[17] Оно пребывает в спящем состоянии, пока не вступает в психическую связь с разумным представителем другого вида, после чего оно в состоянии поддерживать свое существование благодаря невидимым энергиям вроде тех, о которых говорится в высмеиваемой теории животного магнетизма. Может ли ложь транслировать питательную энергию через колебания магнитных потоков? Может ли поглощение плода усиливать эту связь, инициируя кризис и вызывая видения?

Фейт смутно припомнила работы по животному магнетизму,^[18] которые ей попадались в библиотеке отца в Кенте. Это старая теория, утверждающая, что все на свете варится в некоем подобии невидимого духовного супа со своими потоками, соединяющими животных и людей. Если поток блокируется, человек заболевает. Если научиться направлять поток, можно воздействовать на других существ и иногда даже исцелять их. Если все блокировки сняты, человек входит в транс, именуемый «кризисом», в процессе которого может видеть сквозь твердые предметы. Фейт никогда не слышала о растениях, генерирующих животный магнетизм, но дерево нельзя было отнести к обычным растениям.

Возможно, я напрасно пытаюсь найти рациональное объяснение. Я думал, может быть, дерево существует с начала времен, и его пугающиеся света листья, бесполезные цветы и лишенные семян фрукты — сувениры давно забытой райской эпохи.

Последние слова вызвали у Фейт беспокойство. Они намекали на необъяснимое и вызвали воспоминание о шепоте в пещере. Ее охватил страх, что наука может подвести ее и она упадет в мрачные неведомые воды... Но она не поддастся суевериям. Она будет прислушиваться к голосу разума, а не к страхам. Фейт на цыпочках пробралась в спальню отца, уверенная, что никто не побеспокоит ее в «комнате призрака». Нашла чемоданчик с походным набором отца. Там лежали маленький медный полевой микроскоп, флакончики с пробками для ловли насекомых, жестяная плоская емкость для переноски ботанических образцов, бутылочки с различными кислотами для тестирования камней, маленький клинометр,^[19] угломерный прибор и штангенциркуль. В другой коробочке были углубление для пистолета, сейчас пустовавшее, набор пуль, мешочек с медными пистонами, гаечный ключ и маленькая пороховница. Она также обнаружила компактную металлическую рулетку, старые карманные часы и складной нож. Сегодня отлив ожидался часом позже, чем два дня назад. Все взвесив, она приняла решение и отправилась в путь позже, чем в прошлый раз, но не на час, не осмелившись передвигаться в полной темноте. Она выбралась из дома в густых сумерках, одетая в выдавшееся виды траурное платье, проскользнула мимо надворных построек и поспешила по тропинке на пляж.

Течение было более сильным, чем во время прошлого путешествия Фейт, но на этот раз оно было ей на руку. Ее перенапрягшиеся мышцы были благодарны за это. Шум прибоя, отдававшийся эхом от скал, приветствовал ее, словно знакомый сторожевой пес. На этот раз волна, забросившая ее лодку в пещеру, наполнила ее радостным возбуждением, а не страхом. Фейт привязала лодку и поднялась в грот, где было спрятано дерево лжи, стараясь не трясти фонарь и походный чемоданчик. Последний был снабжен лямками, позволявшими надеть его на плечи, так что она могла свободно двигать руками и ей было легче взбираться вверх.

Перед тем как войти в пещеру с деревом, она остановилась и набросила ткань на фонарь. Слишком яркий свет вреден для растения, но ведь отец смог сделать эскизы, значит, какое-то количество света оно может выносить. Теперь фонарь светил гораздо слабее, но вполне достаточно, чтобы она видела, куда наступать. Когда Фейт вошла в пещеру, ей почудились приветственные вздохи, легкий шорох узнавания. Очертания дерева казались сгустком черноты, и они были больше, чем раньше.

— Я вернулась, — прошептала Фейт и умолкла. Она снова разговаривает с

ботаническим образцом.

По мере приближения ее глаза привыкли к темноте, и она больше не могла себя обманывать. Это не была игра теней. Дерево действительно выросло. Протянув руку, она нащупала похожие на лианы или змей отростки, перевалившие за края горшка. Она трогала их и чувствовала, что они распространились по каменному выступу, словно щупальца осьминога, и некоторые из них достигли пола пещеры. Изгибающиеся под покровом листьев ветки были толстыми и мощными, как будто растению было много лет.

— *Это невозможно*, — выдохнула Фейт. Она никогда не видела, чтобы рост был столь стремительным, тем более в отсутствие солнечного света. — *Это противоречит законам природы.*

Ее слова казались нелепыми ей самой. Может, она ждет, что растение начнет извиняться и вести себя как подобает? Она сглотнула и достала складной нож отца.

— Прости, — прошептала она, — но я пришла изучить тебя.

Какофония звуков прибоя и шорохов пещеры наполняла уши Фейт, пока она осматривала растение. Света было недостаточно, чтобы снять показания с помощью рулетки и штангенциркуля, но она ухитрилась раздобыть отпечатки листьев и их жилок с помощью карандаша и бумаги. Взяла образцы раздвоенных листьев, корешков и коры, потом соскребла немного вязкого сока, помещая все образцы в отдельные емкости. Это занятие оказалось довольно кропотливым и отнимающим силы, так что у Фейт создалось ощущение, будто она подстригает когти дракона. Она даже поводила компасом вокруг дерева, вглядываясь в циферблат в надежде заметить колебания магнитных полей.

Все это время она искала цветок, почку, плод — что угодно. На отцовских эскизах цветы были белыми, поэтому она надеялась, что они будут заметны даже в темноте. Прищурившись, девочка осмотрела растение со всех сторон, сначала спокойно и методично, потом с усиливающимся отчаянием. Ничего. Может, ничего и не будет. Может, дерево лжи — это ложь как таковая. Она почувствовала себя несчастной глупышкой. Только сейчас она осознала, до чего была уверена в том, что растение не предаст ее и она *что-то* найдет. Когда она последний раз в отчаянии похлопала по листьям, с одной ветки упало что-то маленькое и круглое. Оно отскочило от края горшка, приземлилось на ее юбку и покатилося вниз.

Фейт испуганно вскрикнула. Она попыталась схватить его и едва успела удержать двумя пальцами. Облегченно выдохнула. Если бы эта штука укатилась в темноту, она никогда бы ее не нашла. Все-таки дерево не подвело ее. Крошечный фрукт оказался не более полудюйма в диаметре и был покрыт тончайшей шероховатой кожурой, похожей на высохшие цветочные лепестки. Он был идеально круглым и на ощупь напоминал лимон. На темной кожуре она рассмотрела светлые полосы. Фейт оставалось только надеяться, что он спелый. Вряд ли она могла бы приклеить его обратно на дерево.

Она засомневалась. Хорошо бы отнести фрукт в свою спальню и съесть его там в относительной безопасности. Но в Булл-Коув всегда есть риск, что ее обнаружат в полубессознательном состоянии и с желтыми глазами. Тут, по крайней мере, она находится в уединении. И она решила: съест фрукт здесь и сейчас, в пещере.

Ко всему следует отнестись очень внимательно, к собственным ощущениям в том числе. Фейт нашла себе местечко у входа в ту пещеру, где была привязана лодка. Здесь она может прислониться к каменному столбу, образованному смыкавшимися сталактитом и сталагмитом. Она сняла ткань с фонаря, чтобы ярче осветить пространство, пристроила

зеркальце на каменном уступе, чтобы видеть свое лицо. Измерила пульс с помощью старых наручных часов — он был быстрым, и она поняла, что взбодоражена. Она села и привязала себя к столбу отсыревшей веревкой из лодки. Она не умела вязать морские узлы, но понадеялась, что веревка удержит ее от падения в море, если она окажется в забвении.

Фейт записала, который час, положила записную книжку и ручку на каменный выступ в пределах досягаемости, взяла нож и очень аккуратно разрешила плод дерева лжи пополам. И сразу же леденящий запах стал таким резким, что она поморщилась. Глаза начало щипать, и Фейт заморгала. Подняла фрукт выше, чтобы лучше рассмотреть. Мякоть состояла из крошечных мелких частичек, наполненных соком, как в лимоне, только глубокого красного цвета. По ладони Фейт к запястью побежал ручеек сока, и она рефлекторно слизнула влагу. На вкус та оказалась невероятно горькой и напоминала гнилой лесной орех. Язык Фейт онемел. Губы закололо.

Фейт стала действовать решительно, испугавшись собственного малодушия. Большим пальцем она высвободила мякоть из кожуры, и та отошла, а за ней паутиной потянулись нежные белые нити. Собравшись с духом, Фейт сунула красную массу в рот и сразу почувствовала вкус горького льда. Горло свело. Зажав рот руками, она совладала-таки с тошнотой и не выплюнула мякоть. С трудом сглотнула, и на миг мякоть прилипла к основанию языка. Фейт кое-как протолкнула ее дальше, содрогаясь и морщась.

Сделано. Она съела плод. Теперь поздно отступать. И почти тотчас ее охватили прежние страхи. Она чувствовала, как скользкая прохлада продвигается вниз. Грудь онемела. Фейт торопливо втягивала воздух, и каждый вдох становился все труднее. Как будто кто-то украдкой по чуть-чуть затягивал ее корсет, лишая воздуха. В ушах что-то стучало, и она с трудом узнала в этом звуке стук своего сердца — бух, бух, бух, словно выбивают ковер. Язык и горло пересохла. Перед глазами сгустились и поплыли краски. Ей пришлось в голову, что мир — это ковер, и она наблюдает, как его пожирают черные жуки.

Она оказалась в туннеле, с огромной скоростью неслась куда-то в темноту, а по сторонам крутились и гудели огромные черные колеса, и тут весь мир сотрясся... Она боролась, сражалась с темнотой и ее барабанной дробью, бессильно налетала и сразу куда-то падала. Битва была ужасной. Она пыталась удержать свет, свой разум, контроль над собой и кричала внутри себя, когда все это стало облетать с нее, будто лепестки... А потом все исчезло, и паники больше не было. Только глубокий и безмолвный ужас в глубине души, перекатывающийся, словно неслышимый гром, слишком незнакомый и сильный, чтобы она действительно смогла его почувствовать.

Была полночь, Фейт шла по лесу. Над ее головой вздымались белоснежные деревья, исчезая в иссиня-черном мраке. Ветра не было, но белые листья вздрагивали и перешептывались. Она подняла руку, чтобы отодвинуть низкую листву, и почувствовала, что та сделана из бумаги. Деревья были плоскими и бледными. Острые края папоротника коварно резали ее ладони. Она была не одна. Рядом с ней шел кто-то знакомый. Она слышала шорох листвы под тяжелыми сапогами. По приглушенному вздоху она узнала спутника.

— Дядюшка Майлз, — громко сказала он. — Дядюшка Майлз, зачем мы здесь?

— Все к лучшему, — был ответ. — К лучшему. — Его голос казался незнакомым. Слабый и монотонный, он напоминал голос лунатика.

— Я знаю это место! — Фейт мучительно пыталась понять, но испытала при этом не

облегчение, а неловкость. — Нам нельзя здесь быть! Зачем ты привел нас сюда? — Уголкем глаза она углядела лилового цвета пальто дядюшки. В неверном свете луны он был виден лишь урывками.

— Они обещали мне... — пробормотал дядюшка Майлз.

— Кто? Что они тебе обещали? — Фейт повернулась лицом к дяде и обнаружила, что не может его рассмотреть. Он был плоским, абсолютно плоским, и сбоку было видно, что он тонкий, как лист бумаги.

— Коллеги из Королевской академии смеются надо мной, — простонала плоская фигура. — Я слышу их. В клубах. «Старина Майлз, про него никогда не напишут в газетах, он никогда не прочитает лекцию, в его честь никогда не назовут образец. Следует за своим шурином, как пес». Мне *нужно* было привезти его сюда. *Они* попросили меня...

— Что ты имеешь в виду? — Охваченная дурными предчувствиями, Фейт взяла дядюшку за рукав и повернула лицом к себе.

Его глаза были неровными пятнами, нарисованными черной тушью, рот — улыбающимся мазком. Неверный лунный свет поблескивал на его неуклюжих пальцах-сосисках и грубых узорах, украшавших его жилет. С ног до головы это был оживший детский рисунок, который вдруг наклонился, чтобы заглянуть ей в глаза.

— Им нужен был Эразмус, — проговорил изгибающийся чернильный рот. — Вечно им нужен только Эразмус...

— Им? Кого ты имеешь в виду? — Фейт крепче сжала руку дяди и, к своему ужасу, почувствовала, как та сминается под ее ладонью.

Она отпустила его и отступила на шаг, и тут ее дядя зашипел. Его длинные тонкие руки потянулись к ней, одна из них теперь была мятой и деформированной.

— Скажи мне! — Фейт ударила его с яростью, порожденной страхом. Удар пришелся по плечу. К ней наклонилась огромная бумажная голова, и она хлестнула по ней, проделав дыру от глаза до щеки.

— Вечно Эразмус, — прошипел он. — Вот я и привез его к ним.

Жуткий и бесформенный, дядюшка качался перед ней, и Фейт наносила удары снова и снова, разрывая его на части. Фрагменты дядюшки Майлза летали в воздухе, как снежинки. В конце концов остался только бумажный рот, порхавший, словно бабочка, продолжая издавать унылые звуки. Она поймала его, сильно зажала пальцами и растянула в тонкую линию, чуть не порвав.

— Что ты наделал? — спросила она.

— Они обещали, что я смогу принять участие в раскопках, — заныл рот. — Мое имя напечатают в газете. Наконец-то я получу признание! Но только если смогу убедить Эразмуса приехать. До этого он уже отказал им. Уговорить его было трудно... но потом разразился скандал. Я узрел свой шанс. *Вейн — мой шанс.*

— Ты нас *использовал*! — воскликнула Фейт. — Ты привез нас сюда в корыстных целях! Ты просто хотел попасть на раскопки! Почему они настаивали, чтобы отец приехал? Почему?

Но она слишком сильно тянула гримасничающий рот, и он порвался. В отчаянии поглядев по сторонам, Фейт в отдалении увидела еще один знакомый силуэт, наполнивший ее горячей пульсирующей болью, но она не могла вспомнить почему.

— Отец! — позвала она и побежала по бумажному лесу вдогонку за ускользящим силуэтом.

Но он двигался быстрее, чем она. Он как будто скользил, и у нее возникло странное чувство, будто его ноги вообще не двигаются.

— Отец, подожди! Что-то не так! Мы не должны здесь находиться!

Она подумала, что он замедлит бег. Она ждала, что он обернется. Но нет. Вместо этого в листве послышался какой-то шум, листья начали падать, а потом лес накрылся тенью от огромной ладони. Фейт закричала. Ее крик звенел и звенел, даже когда у нее перехватило дыхание и она замолкла. Большой и указательный пальцы ладони раздавили голову отца. На секунду она увидела, как он спотыкается, половина головы превратилась в кашу. Потом ладонь сомкнулась вокруг него и утащила куда-то вверх.

— Нет! — Фейт бросилась вперед. — Верните его! — А потом до нее донеслись звуки, как будто что-то разрывали на части. — Я убью тебя! Убью!

Повисла пауза. Запрокинув голову, Фейт рассмотрела огромный темный силуэт среди крон деревьев, вырисовывающийся на фоне звездного неба. Листва шуршала над головой, ветки трещали. На ее поднятое вверх лицо падали сухие белые листья. Рука снова начала опускаться. И только теперь Фейт охватил дикий ужас. Она взглянула вниз и впервые как следует рассмотрела себя: изорванный по краям контур женского платья, исписанный черными каракулями. Она была бумагой. Ее легко можно порвать. Фейт упала на темную землю и заползла под белый папоротник, морщась и чувствуя, что ее тело сминается и рвется. Лежала совершенно неподвижно, пока огромная ладонь наугад ощупывала деревья. Искала источник крика. Искала ее.

Секунды тянулись бесконечно. Сердцебиение Фейт тоже замедлилось, но стало громче, заставляя вибрировать землю. Белые деревья дрожали и исчезали, наступала тень. Потом где-то сверху потухла луна, и воцарился мрак.

Глава 21

Спонтанное возгорание

Грохот и шипение. Грохот и шипение. Фейт не понимала, где она, и только чувствовала, что ей холодно и больно. Все тело ныло. Она приоткрыла веки и заморгала при виде расплывающегося перед глазами камня. Через несколько секунд бледные пятна превратились в сталагмиты, а темные полосы оказались входами в соседние пещеры. Фейт сидела, прислонившись к колонне, привязанная за талию веревкой. Ее била дрожь. Каждое движение отдавалось болью. Рот пересох, и она чувствовала привкус извести и желчи. Когда она моргала, было ощущение, словно в глаза песок насыпали. Но она выжила. Видение осталось тенью в ее мозгу, мысли путались. Она пыталась отделить фантазии от реальности.

Фейт вспомнила, как разорвала дядюшку Майлза на части... и с невыразимым облегчением осознала, что на самом деле ничего такого не случилось. Она не находится в бумажном лесу, и ее не ищет гигантская рука. Она не видела смерть отца. Потом она вспомнила, что он действительно мертв, и на нее обрушилась боль утраты. Она оперлась на руки, прижав кулаки к вискам и пытаясь вытянуть мысли из онемевшего мозга. Огромная рука, тянущаяся к белому лесу... в этом образе было что-то знакомое... и сверхъестественное, потому что безобидное видение должно было успокаивать и забавлять..

— Театр Говарда, — прошептала она пораженно. — Это был лес из кукольного театра Говарда.

Лампа догорела и погасла, но она еще могла различать пространство: сквозь вход пещеры, ведущий к морю, просачивался бледный свет. Нашарив рукой часы, она с ужасом поняла, что уже пять утра. Ей надо бежать! Если она не вернется как можно скорее, ее начнут искать, завалив тысячей вопросов, на которые она вряд ли сможет ответить. Потом она вспомнила о дереве. Она не может уйти, пока не накормит его еще одной ложью.

Дрожащими и онемевшими руками она ухитрилась развязать узлы на веревке и освободиться. Встала на ноги, и ей показалось, что пещера завертелась вокруг нее в хороводе. Опираясь о стену, Фейт медленно подошла ко входу в большую пещеру и всмотрелась во мрак. Чернильные очертания дерева едва угадывались. Что ей придумать? Видение не выдало ей убийцу отца. Что она выяснила? До этого момента она была уверена, что убийца — кто-то, кого отец рассердил по приезду на Вейн: неудачливый собиратель моллюсков, друг или родственник мальчика, попавшего в капкан, или кто-то недовольный обращением с Жанной. Но если видение не обмануло, значит, кто-то планировал убить ее отца задолго до приезда семейства Сандерли на остров. Кто бы то ни был, они уговорили дядюшку Майлза заманить шурина на Вейн, в ловушку. Сыграли на амбициях дядюшки Майлза, и он проглотил наживку.

Если это правда, одно известно наверняка. Убийца связан с раскопками. Кто еще мог подкупить дядюшку Майлза, пригласив его туда? Возможно, происшествие с оборвавшейся корзиной вовсе не было случайным. В конце концов, кто мог предположить, что в нее сядут Фейт и Говард, а не их достопочтенный отец? На раскопках присутствовало три страстных естествоиспытателя: Ламбент, Клэй и доктор Джеклерс. Фейт задумалась о каждом из них. Ламбент был слишком несдержанным и импульсивным для столь хладнокровного убийства. Но вдруг она вспомнила его кабинет с коллекцией курьезов природы, аккуратно подписанные этикетки — явный признак педанта. В нем крылось больше, чем было заметно

на первый взгляд. Его шумное поведение могло маскировать опасный клинок. Доктор Джеклерс был кристально честным человеком, но в нем таилась бездна горечи. Фейт заподозрила, что он из тех, кто копит злобу и не прощает обид. И если убийца — он, ему не найти более подходящей роли, чем роль коронера и медэксперта, расследующего смерть при подозрительных обстоятельствах. Клэй всегда казался мягким, вежливым и сдержанным. Нет, не всегда. Фейт вспомнила, с каким пылом и категоричностью он говорил о Библии, об ископаемых и о возрасте Земли. Как бы он поступил, узнай он о грандиозном обмане преподобного? Фанатизм — словно газ: опаснее всего, когда его не замечаешь. Одна искра — и будет взрыв.

Ни у кого из них не было очевидного повода для убийства ее отца. Но мошенничество и непонятные дела преподобного с деревом лжи могли нажить ему много врагов. Какая-нибудь ложь, возможно, причинила кому-то серьезный вред. Естествоиспытатели, поручившиеся за подлинность его открытий, теперь оказались в глупом положении, их репутация пострадала. Может быть, одно из видений открыло ему чей-то опасный секрет, и этот человек пытался заставить его замолчать. Нужно узнать побольше об этой троице. Дерево лжи раскроет ей все, если она придумает подходящую ложь. Ложь о тех, кто ведет раскопки. Ложь, которой с легкостью поверят жители острова. Фейт вспомнила старые истории о золоте контрабандистов и наклонилась к дереву.

— На самом деле на раскопках ищут не старые кости, — прошептала она. — Организаторы раскопок лгут. Они ищут сокровище контрабандистов и хотят присвоить его.

В пещере сиплым эхом отразился рев волны, как будто дерево всосало слова Фейт одним вдохом.

Пока она была без сознания, море поднялось, и, подойдя к лодке, Фейт обнаружила, что лодка на плаву и нетерпеливо дергается на привязи. Когда девочка кое-как выгребла из пещеры, ранний утренний свет резанул ей глаза, так что ей пришлось зажмуриться. Снова открыв глаза, она обнаружила, что горит. Какая-то крупинка на ее рукаве жадно зашипела под лучами солнца, вспыхнув, и тотчас сморщилась. Ткань в этом месте загорелась, и крошечный огонек начал проедать в ней дыру. Фейт, опешив, смотрела на происходящее до тех пор, пока боль в руке не дала понять, что огонь настоящий. Она отпустила весла, зачерпнула воду и плеснула ее на огонь. В тот же миг она заметила, что платье начало дымиться еще в четырех местах — на корсаже и в трех местах на юбке.

Фейт решила было, что загорелась сама по себе. Она слышала, что такое бывает. Мужчины и женщины, в то время как они занимались своими делами, внезапно начинали пылать и сгорали до пепла за несколько секунд, причем иногда одежда оставалась целой. В панике она начала плескать воду себе на лицо, юбку, рукава и корсаж. И продолжала обливаться, даже когда горящие участки потухли и превратились в обугленные дыры. Только когда она убедилась, что больше не горит, ее сердце перестало колотиться как бешеное. Она не понимала, что произошло, но была рада, что все кончилось.

Грести к берегу было тяжело, и Фейт пришлось несколько раз прильнуть к борту лодки, когда ее тошнило. К тому времени, когда она вернулась в их владения, давно рассвело. Залитая солнцем зелень лужайки обжигала глаза, когда она из последних сил брела к дому, стараясь остаться незамеченной. Опаленная, полуослепшая, оглушенная и промокшая от морской воды, девочка с трудом взобралась по ступенькам в сад на крыше и оказалась в благословенной темноте своей комнаты. Она упала в кресло и напилась воды прямо из

кувшина, содрогаясь с каждым глотком. Потом открыла ставни и раздвинула занавески, чтобы впустить немного солнечного света. Расстегнула пуговицы и расшнуровала платье. Она едва успела снять выдававший ее траурный наряд и скользнуть в ночную рубашку, когда вежливый стук в дверь заставил ее подскочить.

— Одну секунду!

Комната была полна улик, свидетельствовавших о ее ночной вылазке. Торопливо убирая разбросанную одежду, Фейт случайно задела полевой чемоданчик отца, лежавший открытым на полу. Из него выкатилась бутылочка, внутри которой лежало несколько листьев, срезанных с дерева. Едва их коснулся утренний свет, как они почернели и свернулись, а потом вспыхнули белым пламенем. Послышалось «пуффф». Стекло почернело и треснуло с резким звуком.

— Мисс Сандерли? — донесся озабоченный голос миссис Веллет. — Что-то случилось?

— Нет! — отозвалась Фейт, поспешно схватив горячую бутылочку, но та тут же развалилась на две части. Ногой девочка затолкала осколки под комод и распахнула окно, тщетно пытаясь избавиться от щипавшего глаза дыма. — Я... секунду!

Как только улики были спрятаны, Фейт открыла дверь, с ужасом размышляя, были ли слышны за дверью скрипы, шорохи и грохот, когда она обо что-то спотыкалась.

— Прошу прощения, что побеспокоила вас, мисс Сандерли. — Миссис Веллет была, как обычно, невозмутима, но на ее лице читался вопрос.

Фейт удивилась, с какой стати экономка встала так рано и зачем пришла в ее комнату. Пауза затягивалась.

— Я хотела узнать, будете ли вы завтракать в обычное время или пожелаете встать попозже. Если вы... плохо спали, мисс.

Фейт уставилась на экономку, пытаясь разгадать выражение ее лица. Миссис Веллет явно что-то знала. Что-то слышала. Возможно, что-то видела. Пока Фейт не поймет, что именно известно экономке, она не сможет придумать подходящее оправдание. Она знала, что выглядит растрепанной и невыспавшейся.

— Благодарю, — осторожно ответила Фейт. — Я и правда предпочла бы позавтракать попозже, если можно. — Она не могла устоять перед возможностью лишний час поспать.

— Очень хорошо, мисс. — Шли секунды, но экономка не уходила. — Мисс Сандерли, — снова заговорила она, к удивлению Фейт, понизив голос, — простите меня за эти слова... но ваш отец не захотел бы, чтобы вы так делали.

Лицо Фейт напряглось, а желудок будто сжался в кулак.

— Если вам непременно нужно спускаться туда ночью, — продолжила миссис Веллет, — в холле есть накидка, в ней вам будет теплее. Но до церкви идти далеко, ночи сейчас холодные, да и бдения над мертвым обычно прекращают, когда его тело покидает дом. Ваш отец любил вас. Если вы умрете от простуды, это было бы с вашей стороны неблагоприятно.

Фейт потребовалась секунда, чтобы осмыслить слова миссис Веллет. Экономка не знала, где была Фейт, но поняла, что та уходила куда-то. Она сделала вывод, что Фейт продолжает ночные бдения и ходит в церковь, чтобы посидеть рядом с гробом отца, как собака не сходит с могилы хозяина. С огромным облегчением Фейт поникла головой, чтобы взгляд не выдал ее чувства, и слегка кивнула. Из-под ресниц она заметила, что экономка сделала формальный книксен и ушла. Фейт закрыла дверь и сомкнула глаза.

Она оказалась опасно близка к разоблачению. Миссис Веллет может доложить о том,

что Фейт выходила ночью, но девочка сомневалась, что она так поступит. Нет, если бы миссис Веллет хотела доложить, она отправилась бы прямоком к Миртл, а не вела бы тайные беседы с Фейт. Наверно, она просто добрая. При этой мысли Фейт почувствовала боль опустошения. Когда-то она нуждалась в доброте, но не находила ее. Теперь уже слишком поздно, и она не знает, что с ней делать.

Проснувшись, Фейт с ужасом обнаружила, что уже полдень. Но, когда она на слабых ногах вышла из комнаты, беспокойство уступило место досадному открытию: ее никто не искал. Миртл примеряла новые вуаль и шаль. Их прислали в качестве «жеста сочувствия» доктор Джеклерс и мистер Клэй. Их соперничество, судя по всему, продолжалось. В глубине души Фейт напряглась при виде полушерстяной шали высокого качества. Она заподозрила, что это были весьма существенные расходы для низкооплачиваемого викария. Интересно, что думает об этом Пол. Фейт сжалась при воспоминании об их странном разговоре и его возмутительном вызове.

Как оказалось, кроме шали Клэй отправил им первый отпечаток семейной фотографии. Рука Фейт задрожала, когда она взяла карточку. Вот они, преподобный Эразмус Сандерли в кресле, в расслабленной позе и преисполненный достоинства, и Фейт на шаг позади. Он выглядел чересчур безупречным, в нарисованных глазах читался холодный вопрос.

— Можно взять эту фотографию? — Фейт рефлекторно прижала снимок к груди. — Пожалуйста!

Миртл вздохнула:

— Хорошо.

Фейт предстояло найти способ проникнуть на место раскопок, если она хотела распространить новую ложь и продолжить расследование. Но в данный момент она находилась в ловушке Булл-Коув, а участники раскопок были от нее удручающе далеки. В отличие от дядюшки Майлза. После обеда Фейт выследила его, найдя в библиотеке с книгой «Доисторические времена». Она вздрогнула, увидев его в кресле, где совсем недавно сидел отец. Вот он, круглолицый и добродушный, сидит у огня и курит трубку — дядюшка Майлз, который всегда был на заднем плане и чья приятная компания напоминала общество кошки, безобидно свернувшейся на подоконнике. Дядюшка Майлз, заманивший всю семью на Вейн из эгоистических соображений, марионетка в руках убийцы. Фейт не могла забыть галлюцинацию и его нелепое нарисованное лицо, разорвавшееся под ее пальцами.

— Добрый вечер, — сказала она как можно более беспечно.

— А вот и ты, Фейт. — Дядюшка Майлз сложил газету и улыбнулся ей. — Как приятно встретить разумного, трезвого человека!

— Все остальные пьяны и неразумны? — Фейт устроилась на краешке стула.

— В некотором роде. — Дядюшка Майлз вздохнул. — Все сошли с ума из-за привидений! Надо сказать, это очень удобно. Если что-то сломалось или пролилось, это дело рук привидений. Если что-то пропало, виноваты тоже они.

Фейт, кукловод местного призрака, скрестила руки.

— И многое пропало? — спросила она, задумавшись, заметили ли пропажу вещей, взятых ею.

— Боюсь, что да.

И дядюшка Майлз пустился перечислять исчезнувшие предметы. Некоторые из них

действительно взяла Фейт, например походные инструменты отца и его часы. Но из дома также исчезло несколько растений, пара шелковых галстуков, табакерка и еще кое-какие мелочи. Фейт явно была не единственным человеком, воспользовавшимся всеобщим беспорядком, чтобы завладеть желанными предметами.

— Суть в том, что нам надо составить точную опись вещей твоего отца.

Фейт ничего не ответила, но про себя разозлилась. Составление «точной описи» наверняка повлечет за собой обыск в доме. Дядюшка Майлз побарабанил пальцами по газете.

— Фейт, ты... ты теперь большая девочка. Могу я поговорить с тобой как со взрослой?

Фейт кивнула. Как ни странно, его слова заставили ее почувствовать обратное — как будто с ней обращаются как с ребенком.

— Что ж, видимо, мне понадобится твоя помощь. Твоя мать... чувствует себя не очень хорошо, она не в себе...

— Переволновалась? — подсказала Фейт, сохраняя невозмутимое выражение лица.

— Именно. И кое-какие важные дела ушли из-под нашего внимания. Фейт, я уверен, что ты с удовольствием облегчишь матери жизнь. У тебя есть предположения, куда она могла деть личные бумаги твоего отца?

— Нет, — Фейт поколебалась, сохраняя невинное выражение лица, — но, думаю, я могла бы поискать. — Она с восхищением наблюдала за дядей. Какой же он, оказывается, расчетливый! Почему она никогда этого не замечала? Но она тоже расчетлива, и прямо сейчас ее расчетливость подсказала, что наступил подходящий момент для расспросов, потому что дядя хочет сделать из нее свою союзницу.

— Ты не думаешь, что отец взял их с собой, когда отправился знакомиться с местным обществом? — спросила она. — Может, надо расспросить людей на раскопках? Они могут знать.

— Нет, я... э-э... на самом деле я уже с ними поговорил. — Дядюшка Майлз закашлялся и слегка смутился. — Я несколько раз ходил на раскопки. Хотел... построить крепкий мост дружбы с братьями-учеными, успокоить умы... Знаешь, они оказались не такими уж страшными.

— Они заставили отца проделать весь этот путь по морю, а потом отвернулись от него. — Каждое произносимое ею слово было тщательно взвешено, но голос выдал ее истинные чувства.

Дядюшку Майлза встревожил ее тон. Фейт быстро опустила глаза.

— Я понимаю, — продолжила она обычным голосом, — почему они так поступили. Я знаю о слухах и об «Информере».

— Сожалею, что тебе пришлось об этом услышать. — Дядюшка Майлз вздохнул. — Постарайся посмотреть на это с их точки зрения! Если бы они продолжили общаться с твоим отцом после такого скандала, они бы дискредитировали себя! Никто бы не отнесся всерьез к их открытиям!

— Да, — ответила Фейт, — понимаю. Это было бы ужасно. — Каким-то образом ей удалось удержаться от саркастичного тона. — В любом случае, это не твоя вина, дядя Майлз. Ты просто хотел помочь. — Из-под ресниц она видела, что он принял более расслабленную позу. — Чья это была идея — пригласить отца? Полагаю, мистера Ламбента.

— Никто не помнит, — ответил дядюшка Майлз мягко, но насторожившись. — Такое ощущение, что она возникла случайно за ужином, и все ее подхватили. А теперь, конечно же,

никто не хочет признаваться.

«Кто присутствовал на этом ужине?» Фейт не могла задать этот вопрос. Он прозвучал бы странно, да и вряд ли дядюшка Майлз знает ответ.

— Наверное, ты прав, дядя Майлз. — Плечи Фейт бессильно опустились. — Надо налаживать мосты. Могу я тебе помочь? Когда ты в следующий раз отправишься на раскопки, возьмешь меня с собой?

— На раскопки? — Дядюшку Майлза явно застали врасплох. — Что ж, я не против, но... надо будет спросить разрешения у джентльменов, которые ими руководят. Фамилия Сандерли может послужить препятствием, видишь ли... и я не уверен, что твоя мать это одобрит...

Теперь, когда Фейт узнала дядю Майлза получше, ей было трудно смотреть на него прежним взглядом. Она почти видела, как за его безмятежным лицом кишат черные мысли, словно черви в банке. Он оценивал ее, прикидывая, не запретят ли ему из-за Фейт участвовать в раскопках, доступ к которым он добыл с таким трудом. Убийца сыграл на тщеславии дядюшки Майлза, но, возможно, Фейт тоже удастся этот трюк. К тому же она начала понимать, что руководители раскопок отнюдь не единодушны. Под внешней оболочкой дружелюбия бурлили соперничество, недоверие и взаимные обиды — трещины, которые только и ждут, когда она вобьет в них клин.

— Дядюшка Майлз, — сказала она, — если ты увидишь доктора Джеклерса, передашь ему письмо от меня? Я... хочу поблагодарить его за попытку помочь отцу.

— Письмо? Конечно, с радостью.

Фейт ухитрилась сдержаться и не поморщиться, когда дядя похлопал ее по руке. Она вспомнила его бумажную гримасу, и ее пальцы стали зудеть.

Глава 22

Клин в трещине

Дорогой доктор Джеклерс!

Мне очень жаль, что я повела себя так глупо и рассказала вам о своих фантазиях. Благодарю вас, что успокоили меня. Если вы снова навестите нас, я с радостью извинюсь перед вами лично.

Фейт прищурилась и добавила постскрипtum:

P. S. Может быть, вы также захотите измерить мой череп. Я бы хотела помочь вам внести свой вклад в дело науки.

Письмо доставили на следующее утро, и в тот же день явился доктор Джеклерс. Целый час он разговаривал с Миртл, а потом присоединился к Фейт, чтобы выпить чаю в гостиной.

— Мисс Сандерли, какая отличная идея! — Доктор восхищенно разглядывал макушку Фейт, видимо, пытаясь оценить ее череп. — Всегда рад возможности измерить череп должным образом! Обычно все боятся моих инструментов. Ваш случай, мисс Сандерли, особый, ведь гениальность, говорят, передается из поколения в поколение, а ваш отец был человеком выдающимся.

Фейт обратила внимание, что он принес несколько коробок и ящиков с широкими ремешками. Она ожидала увидеть рулетку, и упоминание каких-то инструментов ее несколько встревожило.

— Не волнуйтесь, — энергично продолжал доктор доставая из одного чемодана хитроумные приспособления. — Это всего лишь измерительные приборы, они не причиняют боли. Даю слово! Так редко мне выпадала возможность ими воспользоваться!

Сначала он достал сверкающий штангенциркуль с настолько большими губками, что между ними мог бы поместиться арбуз. Потом прямоугольную деревянную рамку с ремнями, явно предназначенную для того чтобы крепить ее к голове. Пока доктор раскладывая эти предметы, Фейт заметила внутри чемодана маленький рисованный портрет. На нем была изображена темноволосая женщина с тонкими чертами лица в бледно-желтом платье. Забавно, но кто-то нанес поверх рисунка грубые линии, отмечая измерения ее черепа, лицевой угол и так далее.

— Похоже на мисс Хантер, — задумчиво произнесла Фейт.

— Не знаю, кто это, — угрюмо ответил доктор Джеклерс. — Старинный портрет неизвестной леди. Хотя... как и мисс Хантер, она — обладательница короткого черепа, а в таких людях можно обнаружить много дурных черт характера. Неблагодарность. Мелочность. Недальновидность.

Такая вспышка в адрес бедной незнакомки на портрете явно была неслучайной. Фейт заподозрила, что, возможно, мисс Хантер, проявив неблагодарность, мелочность и недальновидность, отказалась стать миссис Джеклерс.

— Куда мне сесть? — спросила Фейт, желая сменить тему.

— М-м-м... Да не важно, главное, чтобы спинка стула была не слишком высокая.

Фейт устроилась на деревянном стуле и через секунду почувствовала захват

штангенциркуля: одна металлическая губка легла на ее затылок, вторая — на переносицу.

— Долихоцефальный^[20] череп, как у отца, — пробормотал доктор, успокаиваясь.

Его слова не удивили Фейт, мало того, она поняла их значение. Ей уже приходило в голову, что, выполняя обязанности коронера, доктор не преминет воспользоваться подвернувшейся возможностью и снимет измерения с головы ее отца. Она стиснула зубы, но сохранила невозмутимое выражение лица. Штангенциркуль убрали, и теперь на голову Фейт опустилась деревянная рамка, крестовина которой оказалась на ее макушке. От рамки отходили четыре вертикальные ручки, и доктор Джеклерс подкручивал винты, пока ручки не зафиксировались спереди, сзади и по бокам ее головы.

— Моей маме очень понравилась вуаль, — застенчиво произнесла она. — А шаль просто прекрасна!

— Шаль? — Доктор замолк на секунду. — Какая шаль?

— Ой! — Фейт моргнула. — Прошу прощения! Теперь я припоминаю, шаль прислал мистер Клэй.

— Мистер Клэй подарил вашей матери шаль? — переспросил доктор подозрительным, даже оскорбленным тоном.

Фейт знала, что наживает врага мистеру Клэю, но ей было не до того, чтобы щадить чужие чувства. Поделом ему, будет знать, как ухаживать за новоиспеченной вдовой, а еще священнослужитель!

— Да, — заикаясь, промолвила она. — Ее доставили вчера.

Повисла долгая пауза.

— Этот показатель кажется слишком большим, — наконец пробормотал доктор. — У вас напряжены мышцы лица? Пожалуйста, постарайтесь не напрягать лоб. — Он затянул винты потуже, и Фейт усомнилась, действительно ли он измеряет ее голову или пытается сжать ее до должных размеров.

— Доктор, слишком туго! — воскликнула Фейт, почувствовав боль. Не опрометчиво ли она поступила, предоставив в его распоряжение свой череп? Доктор был в числе подозреваемых.

— Я всего лишь пытаюсь снять достоверные показания, — нелюбезно проворчал доктор. — Конечно, идеальный вариант — наполнить ваш череп зерном, как я обычно делаю с пустыми черепами, но вряд ли вы поблагодарите меня за это!

В тот момент, когда она уже было решила, что ей суждено прожить жизнь с прямоугольным черепом, винты ослабили и устройство сняли с ее головы. Пока Фейт осторожно ощупывала лоб и виски, доктор Джеклерс записал несколько цифр в свою тетрадь. Бросив взгляд в том направлении, Фейт заметила колонки, озаглавленные «лицевой угол», «черепной индекс», «окружность» и «длина».

— Как мои дела? — поинтересовалась она.

— Ваша голова длиннее, чем я ожидал, — признался доктор. — Без сомнения, этим вы пошли в вашего покойного отца. — Он снова нахмурился, изучая цифры, и Фейт увидела, как он записывает что-то еще.

— Доктор Джеклерс, — робко произнесла она, — могу ли я обратиться к вам за советом? — Она потянулась за своим альбомом и начала перелистывать его перед глазами доктора. — Я хотела поблагодарить вас и помочь вам и другим джентльменам. Я знаю, что чертежник мистера Ламбента сломал руку. Как думаете, могла бы я заменить его?

Доктор смотрел, как Фейт перелистывает эскизы птиц и зарисовки оленьих рогов, и

вдруг поднял руку, останавливая ее. На странице был изображен холм в разрезе, аккуратно разделенный линиями на слои, подписанные «осколки средневековой керамики», «фрагмент римской стены», «глиняная почва» и «кости карликового гиппопотама и тура».

— Это зарисовка с места раскопок?

— Да, отец научил меня. — Это была ложь. Фейт видела такие рисунки прежде и немного разбиралась в них, но именно этот она тщательно скопировала утром из книги отца. — Он может пригодиться?

Доктор явно был искушен ее предложением. Но потом он взглянул на нее, и она увидела в его глазах свое отражение — маленькая девочка, не вписывающаяся в пейзаж из камней и костей. Он с сомнением покачал головой.

— Что ж, не буду никому мешать, — мягко продолжила Фейт, закрывая альбом. — Я знаю, у вас есть мистер Клэй, чтобы делать фотографии, а ему, наверное, нужны деньги. Не хотелось бы лишать его гонорара.

В глазах доктора Джеклерса загорелся злобный огонек. Фейт читала его мысли, как раскрытую книгу. Если она возьмется за наброски, им уже не потребуется много фотографий. Клэй уже не будет представлять большой важности для раскопок и заработает меньше денег на подарки хорошенькой вдове.

— Мисс Сандерли, погодите, это отличная идея! Вы уверены, что мать разрешит вам?

— Думаю, да, — с некоторой неуверенностью в голосе ответила Фейт. — По правде говоря, в последнее время мне кажется, что я тут у всех путаюсь под ногами. Думаете, мистер Ламбент и мистер Клэй не будут возражать? — В этом заключалась ее роль — сомневаться, колебаться и в итоге позволить уговорить себя.

— Предоставьте это мне, — мрачно сказал доктор.

Пока организаторы раскопок принимали решение на ее счет, Фейт заперлась в спальне и занялась научными изысканиями. Вспомнив о загоревшемся платье и странном происшествии с бутылочкой, Фейт решила провести кое-какие эксперименты и на этот раз припасла кувшин с водой. Сначала она положила обрывок листа дерева лжи на кончик ножа и подставила его лучам солнца. Он сразу же вспыхнул белым пламенем и за секунду превратился в пепел. Хрупкая крошка пепла опустилась на пол. То же самое произошло, когда она повторила опыт с шипами, каплями древесного сока и фрагментами коры. Значит, это правда: дерево лжи загорается под лучами солнца. Наверное, на ее платье остались кусочки листвы, и они загорелись, как только она покинула пещеру.

Фейт несколько раз обожглась и в паре мест прожгла подоконник, зато теперь она владела ценными сведениями. От яркого огня свечей листья шипели и скручивались. Дневной свет, отраженный от зеркальной поверхности, сразу же вызывал возгорание, то же самое было с прямыми лучами света. Непрямой солнечный свет, казалось, не возымел воздействия, при условии что он неяркий и рассеянный. Лампа под несколькими слоями марли тоже не нанесла вреда образцам.

— Отец прав, — пробубнила Фейт. — Должно быть, дерево и правда обитает в пещерах, в местах, куда не попадает солнце. Но почему оно горит? Наверно, все дело в химических компонентах — в эфирных маслах. Может, поэтому оно так сильно пахнет? Но почему оно вообще загорается?

Что дает дереву способность гореть? И каким образом дерево издает запах?

— Может, это защитная реакция, — произнесла вслух она. Представила, как травоядные

животные пробираются в пещеру и жуют скользкие листья. Выйдя наружу с мордами, липкими от сока, они почувствуют жжение и боль и впредь будут избегать этого морозного запаха.

— Это не ответ, — пробормотала она, записывая свои мысли. — Эфирные масла сохраняют энергию. Но откуда дерево ее берет?

Ее отец выдвинул теорию, что дерево питается с помощью психической связи с разумным представителем другого вида. Ее перо замерло над бумагой. Если дерево с кем-то связано в этот момент, это может быть только она. И оно растет. Но она не чувствует, что из нее что-то высасывают. Глядя на свои заметки, она, наоборот, ощущала себя полной жизни. Если Фейт сможет лучше узнать растение, может быть, ей откроется что-то о солнечном свете, царстве растений, об истине и даже о человеческой душе. Ее благоговейный ужас перед растением начал уступать место жадному любопытству.

Незадолго до ужина Миртл доставили письмо от доктора Джеклерса с просьбой разрешить юной Фейт в течение нескольких дней делать зарисовки на раскопках. Миртл обрадовалась так же, как если бы увидела Фейт прыгающей в шахту. Отправить юную девушку туда, где полно мужчин-рабочих, — не самая благопристойная идея. Отрывать ее от лона семьи вскоре после тяжелой утраты тоже не подходит. Ожидать, что она станет помогать на раскопках, после того как эти люди обошлись с ее отцом самым ужасным образом, — просто странно. Но просьба исходила от доктора Джеклерса, поэтому весь ужин Миртл разговаривала сама с собой.

— С тобой будет дядюшка Майлз, поэтому не так уж все и неприлично, — признала она. — И возможно, это приглашение — что-то вроде извинения за то, как обращались с нашей семьей. Фейт, Ламбенты проявили к нам чудовищное неуважение, но, пожалуйста, будь с ними настолько вежлива, насколько сможешь. Если только нам удастся убедить их прислушаться к голосу разума, все забудут об этой нелепой идее с дознанием.

Жанна подавала блюда с видом лунатика. Глубокие тени пролегли под ее глазами, и она постоянно забывала, что делает. Осторожно поднимая каждую салфетку, она словно ждала, что из-под нее кто-то выскочит. Когда на кухне зазвенел колокольчик, девушка подпрыгнула от ужаса.

Раскопки — это не просто поиски старых пыльных костей. Организаторы всем врут. Они ищут сокровище контрабандистов и хотят присвоить его.

Эту ложь Фейт предстояло внедрить в мысли жителей острова. Вернувшись в свою комнату, она посеяла первые семена. Взяв из отцовской комнаты лист бумаги и перо, она начала аккуратно писать, поглядывая на дневник отца и пытаясь копировать его почерк.

17 мая 1865 года

Добычу из 2-й пщр разделить следующим образом:

М-р А. Ламбент 763 (плюс дополнительные 100 как владельцу земли)

Преп. Т. Клэй 763

Преп. Э. Сандерли 763

Прочие находки делить поровну

Фейт с гордостью оглядела бумагу. Запись выглядела неловкой и поспешной, как она и планировала. И что еще лучше, она была непонятной. Неясно, что означают цифры. Это могут быть фунты, гинеи, дублионы или зубы мамонта. Посторонний, кому попадет в руки эта бумага, поймет лишь, что обнаружено нечто в больших количествах и это нечто разделено между тремя мужчинами... и что среди них нет доктора Джеклерса.

Фейт быстро усвоила, что нужно придумывать только фрагмент лжи, а потом положиться на воображение людей — они сами заполняют пробелы. Она пожевала губу, раздумывая, где оставить записку — где-то на видном месте, но так, чтобы не сложилось впечатление, будто ее подложили специально. Это должна быть поистине случайная находка. Ее взгляд упал на стеклянную вазу со щепками для растопки камина. Конечно же! На каждом камине стоит такая ваза, и в ней полно скатанных в трубочку клочков бумаги, которые используют, чтобы растопить камин и прикурить трубку, зажечь свечу и так далее. Она осторожно скатала бумагу в трубочку. Потом развернула несколько последних дюймов, чтобы на краешке бумаги была видна первая строчка.

Фейт прокралась в библиотеку и подложила бумагу в медную вазу для растопки. Кто бы ни нашел ее, придет к выводу, что она лежит там несколько дней и только сейчас начала раскручиваться. Фейт взглянула на дело рук своих, лежащее среди щепок и бумаг, и по чувствовала себя художником. Несколько часов спустя проверив библиотеку, она убедилась, что ее клочок бумаги исчез.

Глава 23

Проникновение

На следующее утро Фейт приехала на раскопки в карете доктора Джеклерса, сопровождаемая дядюшкой Майлзом. Небо было чистым, солнце ярко светило, но Фейт нервничала и изо всех сил сжимала свой альбом, впившийся ей в пальцы. Она понятия не имела, убедил ли доктор всех смириться с ее присутствием или она будет камнем преткновения, точнее, костью, на которую набросятся голодные псы.

— Попросим кучера подождать несколько минут, просто так, на всякий случай, — предложил дядюшка Майлз. По-видимому, его мысли двигались в том же направлении.

Фейт обрадовалась, увидев, что их встречает Бен Крок, к тому же она поняла, что он ждал ее. Как и прежде, он вел себя крайне учтиво и явно не собирался прогнать ее.

— Я уверен, что джентльмены хотели бы поприветствовать вас должным образом, мисс Сандерли, но в данный момент они заняты фотографированием.

Следуя за бригадиром и дядюшкой Майлзом по извилистой тропинке, ведущей в маленькое ущелье, Фейт удовлетворенно отметила, что не полностью лишила Клэя доходов от фотографии. В глубине ущелья ее внимание сразу же привлек сверкающий силуэт в куполообразном головном уборе. Ламбент был облачен в весьма странные одежды. Блестящий светлый пробковый шлем на голове. Белый пиджак от льняного костюма, но на ногах — пурпурные панталоны в турецком стиле, присобранные над коленями и заправленные в сапоги. При нем также имелось подобие веничка из конского волоса, которым он отмахивался от воображаемых мух. Фейт задумалась, специально ли он так оделся или это были первые предметы, выпавшие из шкафа.

Треножник с камерой Клэя стоял у входа в туннель. Бедуинская палатка была передвинута вместе со всей изящной обстановкой — теперь она стояла сбоку от входа в туннель. На диване раскинулась какая-то одинокая фигура в темно-зеленом платье. Доктор Джеклерс, опустившись на колени перед входом в туннель, изображал, будто он копает в соответствии с инструкциями Клэя. Увидев Фейт и дядюшку Майлза, доктор, однако, вскочил на ноги и подошел поприветствовать их.

— Надо найти вам местечко в тени... — Он оглянулся на палатку. — Ламбент, может, посадим мисс Сандерли рядом с вашей женой? Если одна леди придает столько аристократизма картине, почему бы не удвоить эффект?

Ламбент встал как вкопанный, словно увидел Фейт первый раз в жизни. Его улыбка потухла, он отвел взгляд и чувствовал себя явно не в своей тарелке. Фейт подумала, не собирается ли он сделать вид, будто не заметил ее.

— Да, — ответил он после слишком долгой паузы, — почему бы и нет?

Его натянутый тон дал понять Фейт все, что ей следовало знать. Ее допустили на место раскопок, но ей здесь не рады. Она заподозрила, что, выскажи доктор это предложение в ее отсутствие, ответ Ламбента был бы совсем другим. Но он не мог отказать, чтобы не выглядеть при этом грубо. Преисполненная дурных предчувствий, Фейт приблизилась к палатке. В тени действительно сидела Агата Ламбент, облаченная в зеленое платье и шляпку и так закутанная в шарфы и кружевные шали, что казалось, они вот-вот ее задушат.

— Добрый день, — пробормотала Фейт, усаживаясь. Вежливые интонации дались ей с трудом — она слишком отчетливо помнила день похорон.

Женщина на нее даже не взглянула, дрожащими руками, затянутыми в кружевные перчатки, продолжая попить из стакана прозрачную жидкость. Неожиданный порыв ветра дунул со стороны миссис Ламбент, и Фейт почувствовала резкий запах. Миртл была права: лекарство миссис Ламбент — крепкие напитки.

— Надо запечатлеть, как делаются находки! — объявил Ламбент, вернув прежнее самообладание. — Где рог тура?

Четверо джентльменов поспешили к палаткам, пустившись в обсуждение. Агата Ламбент чуть-чуть подвинулась на диване, чтобы частично выйти из тени. Фейт поняла, что она, должно быть, хочет попасть в кадр. Она тоже пошевелилась было, но миссис Ламбент резко закашляла.

— Мисс Сандерли, — миссис Ламбент говорила тихо, почти не двигая губами, — если у вас есть хотя бы капля здравого смысла и представление о приличиях, вы спрячете лицо в тени. Эта фотография должна стать визитной карточкой, она будет передаваться среди наших знакомых, может быть, ее даже опубликуют. Ваше имя не появится на подписи. Мы не можем позволить, чтобы имя Сандерли упоминали в связи с этими раскопками.

Фейт вспыхнула от злости, пытаясь сдержать ее изо всех сил.

— Я знаю, вы не просили, чтобы вас запечатлели на этой фотографии, — продолжила миссис Ламбент. — Доктор Джеклерс и мой муж поставили нас обоих в немыслимое положение. От имени своего мужа приношу вам извинения.

Фейт обнаружила, что дрожит всем телом. Она больше не могла молчать.

— Если вы хотите извиниться, миссис Ламбент, — тихо сказала она, — можете извиниться за то, что выставили нас из своего дома в день похорон моего отца и заставили мою мать несколько миль идти под проливным дождем.

Агата Ламбент прищурила глаза и усмехнулась.

— Вижу, у вас манеры вашей матери, — холодно произнесла она.

— *Вы* не имеете права говорить *мне* о манерах, — столь же ледяным тоном ответила Фейт. — Не беспокойтесь, я останусь в тени. Я столь же сильно не хочу, чтобы меня видели с вами, как вы не хотите, чтобы вас видели со мной.

Не успела она сказать что-нибудь еще, как мужчины вернулись. Клэй устроился за камерой, доктор Джеклерс и Ламбент опустились на колени у входа в туннель. Ламбент держал кривой рог, выцветший и липкий от жидкости для схватывания и лака. Они оба устали на рог с нарочитой торжественностью.

— А мне где встать? — раздался голос дядюшки Майлза.

Повисло неловкое молчание.

— Эм-м-м... — Доктор Джеклерс прочистил горло. — На самом деле, Каттисток, вы окажете нам большую услугу, если встанете за палаткой леди и придержите ткань, чтобы она не колыхалась и не испортила фотографию.

С каменным выражением на круглом добродушном лице дядюшка Майлз прошел мимо них, по-видимому, чтобы встать за палаткой. Клэй настроил камеру.

— Внимание! — произнес он и снял крышку с линзы.

Секунды тянулись. Фейт скрипела зубами и уговаривала себя, что она рада оставаться в тени, ведь ей не надо сидеть лицом к солнцу целую минуту. Прошло, казалось, целых пять минут, когда Клэй снова закрыл линзу крышкой.

— Спасибо! Можно двигаться.

— Всем работать! — выкрикнул Ламбент, отгоняя воображаемых moskitov веничком.

Рабочие перестали глазеть, доктор Джеклерс, дядюшка Майлз и Ламбент вернулись в палатки. Голова и плечи Клэя исчезли под «капюшоном» — черной тканью, прикрепленной к задней части камеры. Оттуда доносился слабый звон склянок.

— Спасибо, мисс Сандерли, — пробормотала миссис Ламбент, не глядя на нее.

Фейт до хруста сжала веер. Ей не нужна благодарность этой женщины, тем более произнесенная таким тихим искренним голосом.

— Верите или нет, — продолжила жена магистрата, — но вообще я добрый человек. Однако в первую очередь я хорошая жена. Мой муж баллотируется в парламент, и его репутацию необходимо оберегать любой ценой.

— Тогда, может быть, вам следовало помешать ему надеть эти панталоны? — произнесла Фейт, вставая.

— Жена не всегда может сдерживать порывы мужа, — серьезно ответила миссис Ламбент, — но она всегда должна защищать его от последствий.

Фейт отошла в сторону, не оборачиваясь. Ее подвергли оскорблениям, но по крайней мере не прогнали с раскопок. Она скользнула рукой в карман и нащупала прохладную монетку. Это было напоминание о том, что месть возможна даже в лагере врага.

Появление дочери Сандерли не осталось незамеченным — Фейт чувствовала направленные на нее удивленные тяжелые взгляды и искренне обрадовалась, когда к ней снова подошел Крок.

— Мисс, я подумал, может быть, вам стоит подождать, пока джентльмены сделают перерыв на обед, и затем приступить к зарисовкам в туннеле? А пока, если захотите сделать эскизы самых интересных находок, я поставлю для вас стул вон в той палатке. — Он кивнул в сторону тента, где Фейт в прошлый раз видела древнюю костяную иглу.

— Да, благодарю вас, мистер Крок! — Хоть Фейт и чувствовала себя обманщицей, ей было так приятно, что с ней обращаются как с важным членом команды, а не как с мороженым, которое вот-вот растает, если не держать его в тени.

Он внес раскладной стул в палатку, стряхнул с него пыль, а Фейт пошла следом.

— Мои соболезнования вашей утрате, — тихо добавил Крок.

Фейт уставилась на него, будто земля ушла у нее из-под ног. На самом деле это были совершенно естественные слова. Однако до сих пор их никто не произносил.

— Спасибо, — ответила она.

— Как ваша семья? — спросил он.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Фейт вспомнила об отчаянных рыданиях на дороге, промокших до нитки платьях, безуспешном поиске пистолета, которым можно убить призрака. И не смогла выдавить из себя ни одного достойного ответа, а лишь молча покачала головой.

— Значит... вам нужно немного побыть вдали от дома. — Крок медленно кивнул. — А находясь здесь, вы чувствуете себя ближе к отцу. — Он смотрел на нее очень серьезными голубыми глазами.

Фейт решила, что у него глаза цвета неба, безоблачные и светлые. Его сочувствие пробрало ее до печенок, но она задумалась о его скрытых мотивах. В то же время она понимала, что отчасти Крок прав. Этот запах пыли, раскопанной земли и выварки из лошадиных копыт и правда навевал на нее мысль, будто она дышит воздухом, которым дышал отец.

— Мистер Крок, удалось выяснить, почему порвалась цепь с корзиной?

— Мы еще не нашли поврежденное звено, — нахмурившись, ответил бригадир. — Должно быть, оно оторвалось и упало на дно шахты. Когда мы найдем его, то поймем. А пока мы страхуемся канатами и опускаем людей только по одному.

— Мог кто-то прийти тайком ночью и повредить его? — спросила Фейт.

— Да, если он умеет летать. — Крок кивнул в сторону рабочих. — У нас трое землекопов, и они спят здесь же, в палатках. Сочувствую любому вору, который потревожит ночью их покой.

Любопытство Фейт усилилось при мысли о пропавшем звене. Может, Крок прав и оно действительно упало в разлом. А может быть, его спрятала чья-то рука. И сломаться оно могло не из-за ржавчины или старости. А оттого, что его перепилили.

Когда рабочие сделали перерыв на обед, Фейт проводили к туннелю, снабдили стулом, мольбертом и складным столиком. В желтом свете фонаря она увидела бревна, поддерживавшие туннель, и неровные стены из земли и камня. Губы Фейт пересохли. Чтобы оправдать свое местонахождение, ей придется нарисовать что-то похожее на горные породы, и сделать это искусно. Кто-то прочертил в стенах линии мастерком, чтобы обозначить для нее слои, но она практически не видела между ними разницы. Ей оставалось только надеяться, что все вокруг знают об этом еще меньше. На случай если за ней наблюдают, она устроила целый спектакль, отодвинув карандаш на расстояние вытянутой руки и прикинув угол наклона слоев, а потом с уверенным видом расставила точки и крошечные крестики на бумаге.

В какой-то момент она занервничала, осознав, что за ней стоит Крок и внимательно рассматривает ее наброски блестящими от света фонаря глазами. Возможно, бригадир и был добрым человеком, но наверняка он видел насквозь ее каракули и точки. Она отважно провела несколько линий, копируя следы мастера на стене туннеля. Послышался шорох, и на столик положили несколько бумаг.

— Чертежник мистера Ламбента успел сделать несколько предварительных набросков, перед тем как сломал руку, — произнес Крок. — Я подумал, что они могут вам пригодиться. — С этими словами он ушел, и Фейт не успела его поблагодарить.

Эскизы были незаконченными, но рисовальщик успел ухватить форму холма. И что еще важнее, на его набросках были подписаны слои: земля, кремень, глинистый сланец и так далее. Фейт с благодарностью внесла поправки в свой рисунок и подписала слои в точности, как он указал. Некоторое время она искренне желала всему Вейну утонуть в пучине морской. Но теперь призналась себе, что если Бен Крок спасется, она не расстроится.

Однако благодарность Фейт к бригадиру была не настолько сильной, чтобы отказываться от своих планов. В конце концов, она явилась сеять смуту и раздор. Она незаметно следила за чернорабочими и поняла, что они делятся на две группы. Трое крепких мужчин с ирландским акцентом занимались раскопками внутри пещеры и вывозили тачки с булыжниками. Двое местных были на подхвате, носили вещи, подметали гравий под ногами и толкали тележки с булыжниками к ближайшей куче. Люди из обеих групп практически не разговаривали между собой. Ее интересовали только местные. Если она хочет распространить по Вейну какую-то идею, сначала надо вложить ее в их головы.

Такая возможность подвернулась ей после полудня, незадолго до отъезда домой вместе

с дядюшкой Майлзом. Двое мужчин отошли в сторону немного передохнуть и выпить пива. Их тачка осталась без присмотра. Фейт вытащила монетку из кармана и пристроила ее на обломках камней, так чтобы она была едва заметна. Испанский серебряный песо отец Фейт привез из путешествий. От старости монета почернела по краям и выглядела загадочно. Чуть позже Фейт увидела, как землекопы возвращаются к тачке. Один из них наклонился и устоялся на монету, а потом ткнул локтем товарища в бок. Они зашептались и начали украдкой оглядываться по сторонам, потом один что-то вытащил из тележки и торопливо спрятал в карман.

На следующий день на раскопках Фейт привлекала меньше взглядов. Ей не то чтобы были рады, она стала просто неинтересна. Ее эскизы также стали совершеннее благодаря ночной консультации с отцовскими книгами, поэтому все с радостью покидали ее, чтобы не мешать заниматься делом. Обстоятельства способствовали тому, чтобы заняться наблюдениями. К тому же Фейт обнаружила, что под предлогом рисования она может ставить стул и мольберт куда угодно и подслушивать в свое удовольствие, подсматривая из-под ресниц. Вскоре своим ловким карандашом она могла бы нарисовать схему братских отношений и конфликтов, происходящих на раскопках.

Доктор Джеклерс имел вид более счастливый, чем прежде. Он захватил небольшую палатку для хранения различных бумаг Антикварного общества и своей драгоценной книги *Reliquiae Aquitaniae* — новейшего и весьма любопытного исследования о пещерных находках. Он все время сверялся с ней и крайне раздражался, когда кто-то другой осмеливался приблизиться к книге. Фейт не удивилась бы, если бы он приковал ее к столу цепью, словно средневековую Библию. Имея на руках этот бесценный источник археологической мудрости, доктор считал себя вправе отдавать распоряжения. Он вбивал колышки в пол пещеры и натягивал между ними веревки, которые именовал базовыми линиями и которые делили площадь на равные квадраты, с тем чтобы выкапывать один участок за раз. Крок вежливо кивал, соглашался на все его предложения, а потом слегка менял указания доктора, передавая их рабочим.

Ламбент разгуливал по местности, вмешиваясь во все подряд. Он изучал только что выкопанные предметы, взбудораженный, убегал с ними в дом, возвращался с книгами из своей библиотеки и клал находки не в те коробки. Крок потихоньку следил за его бесчинствами, чтобы потом разложить все по местам. Несмотря на свою всем известную болезненность, Агата Ламбент снова пришла. Она устроилась под колыхавшимся покровом с видом захворавшей императрицы, наблюдая за происходящим с королевской дистанции. Бен Крок часто останавливался у ее трона-дивана с почтительными вопросами, держа шляпу в руке. Может, он боялся, что без регулярных доз внимания она упадет на ветру и сломается.

К удивлению Фейт, мисс Хантер тоже посетила раскопки. Она не поинтересовалась ими ни разу, но с удовольствием пила чай в обществе миссис Ламбент. Ее появление оказало магическое воздействие на доктора Джеклерса и Ламбента. Первый умчался в самый дальний конец раскопок и с хмурым видом изучал зуб мамонта. Последний вмиг утратил всякий интерес к раскопкам и присоединился к чаепитию в бедуинской палатке.

Как Фейт и подозревала, Бен Крок был тем составом, что соединял всех воедино. Он держал всю местность под контролем, не повышая голоса и не привлекая к себе внимания. Казалось, у него повсюду глаза и уши и сверхъестественная способность обнаруживать проблемы и пресекать их в зародыше. Иными словами, если Фейт придется шпионить,

воровать, сговариваться с кем-то и заниматься разными махинациями, ее самой большой проблемой станет Крок. С другой стороны, те двое местных мужчин совершенно переменились после того, как нашли монету. Они теперь были все время настороже и оживленно шептались по углам. Несколько раз Фейт замечала, как они тайком копаются в своей тачке и ходят в те участки раскопок, где обычно не работали.

— Может быть, что-то она и значит, — услышала она, как один из них говорит другому, не заметив в соседней палатке Фейт. — Может, старый Сандерли был недоволен своей долей.

— Или, может, остальные хотели заграбастать побольше, а он слишком много знал, — добавил второй. — Они же не учили доктора, так?

У Фейт заболели челюсти — так старательно она сдерживала улыбку. Кто бы ни нашел тот свернутый клочок бумаги, он явно его прочитал и поделился содержанием с остальными. Если эти слова достигли ушей землекопов, вероятно, весь остров уже сплетничает на эту тему. Ее план сработал. Несмотря ни на что она испытала подлинное наслаждение от мысли, что ее ложь опутала весь Вейн, выбила ее кичливых врагов из равновесия и заставила их драться, как уличных кошек. Ее наполняли гордость и сознание власти. Она *хороша* в этом... и станет еще лучше.

Глава 24

Содрогания

В воскресенье, разумеется, работы на раскопках не велись и у Фейт не было возможности там оказаться. По настоянию Миртл все семейство Сандерли, облаченное в черные одежды, собралось с духом и отправилось в церковь. Когда они вошли, разговоры среди прихожан стихли. Фейт стало плохо — все это слишком напоминало день похорон неделю назад. Но пока они шли по проходу, перешептывания были скорее нервными, чем злобными. Когда ее семейство подошло к своей скамье, те, кто занимал ее, освободили место, не сказав ни слова и стараясь не задеть Сандерли. Клэй, во время похорон казавшийся таким потерянным и вялым, с жаром проповедовал со своей кафедры. Его речь была о мертвых, уважении к покойникам, доброте по отношению к тем, кто остался на земле. Как могут люди смеяться над мертвецом? Или они хотят накликать возмездие неведомых сил?

На середине проповеди откуда-то из центра зала послышался сдавленный крик, за ним последовали встревоженные возгласы.

— ...Упала в обморок! — крикнул кто-то.

Запертая на своей скамье, Фейт не могла обернуться.

По звукам, доносившимся сзади, она определила, что кого-то выносят из церкви. После паузы проповедь продолжилась. По окончании службы, когда семейство Сандерли выходило с церковного двора, их догнал озабоченный Клэй.

— Миссис Сандерли, мистер Каттисток, мне очень жаль, но ваша горничная Жанна Биссет плохо почувствовала себя во время службы. Сейчас ей стало лучше... но она отказывается покидать церковь.

— Почему? — спросила Миртл.

— Боюсь, ее воображением завладела довольно странная идея. Я попытаюсь разубедить ее, но она твердо верит, что проклята. Что ее преследует призрак. Она напрочь отказывается покидать освященную землю.

Лицо Миртл не было видно под вуалью, но она секунду молчала и, казалось, подбирала слова.

— До меня дошли кое-какие слухи, — тихо сказала она. — Насколько широко они распространились? Теперь все наши слуги воспользуются этим предлогом, чтобы уйти от нас?

Клэй открыл было рот, потом снова его закрыл со страдальческим выражением.

— Простите, миссис Сандерли. Боюсь, что к этим сказкам относятся слишком серьезно. Люди каждый день приходят в мой дом и спрашивают, почему я ничего не сделал с призраком.

— Вы могли бы сказать, что, если моего мужа похоронят, призрак уйдет, — предложила Миртл.

— Увы, решение о его похоронах больше не в моей власти. Решать будет закон. — Клэй явно испытывал неловкость. — И... конечно, я не стал бы поощрять их суеверия, и без того въевшиеся слишком глубоко. Кто-то утверждает, будто видел призрака, бродившего возле утеса недалеко от вашего дома. Только вчера у алтаря церкви какой-то прихожанин оставил приличное пожертвование и... анонимную записку с просьбой помолиться за... хм... беспокойный дух. А что касается Жанны Биссет, ее страх выйдет неподдельным. На самом

деле, мне кажется, у нее нервное расстройство.

Только поздно вечером Фейт поняла смысл упомянутого Клэем инцидента. Кто-то заплатил изрядную сумму денег за молитвы, чтобы успокоить призрака. И оставил анонимную записку — в точности как то письмо, которое заманило отца Фейт в смертельную ловушку. Кто-то отчаянно боится преподобного и не менее отчаянно стремится скрыть свое имя. Возможно, призрак Фейт сделал больше, чем просто накормил дерево лжи. Возможно, она испугала убийцу.

Глава 25

Верхом на ящере

Фейт обнаружила, что ложь — как пожар. Сначала ее надо беречь и подпитывать, бережно и мягко. Легкий порыв ветра раздует слабые языки пламени, но сильный может их погасить. Некоторые сплетни укореняются, с треском распространяясь по округе. Такие уже не нуждаются в подкормке, это уже больше не *твоя* ложь. У нее свое обличье и своя жизнь, не поддающаяся контролю. Одни сплетни люди подхватывают более охотно, чем другие, и нет лучшей искры, чем перспектива получить сокровища.

Когда на третий день Фейт снова ехала на раскопки вместе с дядей в карете доктора, она не могла не заметить на заброшенной дороге нескольких бездельников. Одни подпирали волнорез, засунув руки в карманы, другие переговаривались в тени утеса. Была в них какая-то ленивая умышленность, так чайки в ожидании подачи кружат над кормой. Приближаясь к участку с раскопками, повозка проехала мимо кучи разбитого камня. Трое местных жителей с энтузиазмом копались в щебне. На участке ощущалось какое-то напряжение. Заметив, что Ламбент занят серьезной беседой с доктором Джеклерсом и Беном Кроком, Фейт устроила свой мольберт на почтительном расстоянии, но так, чтобы слышать их.

— Какая-то муха их укусила, — заметил доктор. — И пока мы не узнаем, что это за муха и откуда она, мы ничего не сможем сделать.

— Я спросил, зачем они это делают, — добавил Крок. Как обычно, он стоял, слегка согнувшись, чтобы не казаться выше Ламбента. — Они помрачнели и ушли, ничего не ответив. Один из них назвал меня собакой на сене и предположил, что я «получу свою часть».

— Часть? — По лицу доктора пробежала туча. — Эти парни что, решили стать учеными? Какой им интерес в окаменелостях и костях? Если только... Может быть, кто-то предложил выкупить у них находки?

— Есть еще одна плохая новость, сэр, — вмешался Крок. — Землекопы сказали, что вчера ночью прогнали отсюда двоих нарушителей.

— Бродяг? — предположил доктор Джеклерс.

— Бродяги пошли бы к туннелю в поисках укрытия, — возразил Крок, — или к палаткам за легкой наживой. Эти мужчины стояли наверху шахты и поднимали с помощью механизма корзину.

— Музеи! — Ламбент ударил кулаком по ладони. — Я так и знал, что это случится! Некоторые музеи прослышали о наших находках. Вы знаете, какие они, вечно норовят похитить славу и образцы у ученого джентльмена! У них, наверное, агенты на Вейне! Грабители окаменелостей! Похитители зубов мамонта!

— Землекопы узнали одного из мужчин, — продолжил Крок. — Говорят, это был Стоук. Питер Стоук — местный, он трудится на раскопках.

— Стоук! — Ламбент вопросительно оглянулся. — Они точно знают? Вы им верите?

— Они знали, что говорят, сэр, да и с чего бы им врать.

— Прошу прощения, джентльмены, — извинился Ламбент, выведенный из себя словами Крока. — Кажется, пришла пора осторожно обменяться парой слов со Стоуком.

Ламбент направился к двум местным жителям, загружавшим тележку щебнем, чтобы «осторожно обменяться парой слов». Но ему не удалось поговорить осторожно, и слов

оказалась не пара. Их было много, и некоторые эхом разнеслись по ущелью.

— ...Преступники... посажу вас в тюрьму, если не уберетесь с раскопок прямо сейчас!

Местные ушли, бросая через плечо тревожные и полные ненависти взгляды. Ламбент вернулся к коллегам.

— Крок, я полагаю, надо нанять еще пару землекопов, — вот и все, что он сказал.

Но этим дело не кончилось — неприятности лишь ждали подходящего момента. Все случилось после полудня. Фейт изучала свои наброски и случайно бросила взгляд на вершину ближайшего хребта.

— Это еще кто? — удивилась она.

На фоне солнца вырисовался силуэт головы и плеч — кто-то наблюдал за долиной. Крок, стоявший в пределах слышимости, взглянул вверх как раз вовремя, перед тем как силуэт исчез из виду. Бригадир ничего не сказал — он бросился бежать вверх по горе, невзирая на извилистый подъем. Потом послышался звук, будто что-то разбилось. Фейт показалось, будто в десяти ярдах от нее камень подпрыгнул и упал, покотившись по земле. Взглянув в ту сторону, она увидела, что камень треснул пополам. Он не подпрыгнул, его бросили сверху.

Фейт вскочила и побежала в туннель. Брезентовые палатки, конечно, послужат препятствием для камней, но в туннеле безопаснее. Сверху доносились сбивчивые крики. Один голос точно принадлежал Кроку. Потом послышались звуки небольшой потасовки, снова крики и тишина. Некоторое время спустя у входа в туннель появился дядюшка Майлз.

— Фейт, боюсь, нам придется уехать. Возникли кое-какие проблемы. Горстка местных подняла шум и говорит, что землекопы отбирают у них работу, и еще они твердят что-то о золоте. Ламбент посоветовал нам покинуть раскопки, на случай если они вернуться.

— Кто-нибудь пострадал? — спросила Фейт.

— С нашей стороны — нет, — ответил дядя. — Да, кстати, в случае чего напомним мне, чтобы я никогда не вступал в схватку с Беном Кроком. Все равно что сражаться с локомотивом.

Этого хватит. Должно хватить. Некоторые жители Вейна настолько поверили в существование сокровища контрабандистов, что пробрались на место раскопок, копались в щебне и бросались камнями. Пришло время вновь навестить дерево лжи и выяснить, не появился ли новый плод.

Когда стемнело, Фейт снова облачилась в платье, в котором была на похоронах, и выскользнула на крышу. На этот раз по совету миссис Веллет она надела накидку. Экономка оказалась права, ей стало гораздо теплее. Грести было проще, чем в первый раз. Мышцы ее спины привыкли к нагрузке, а мозг был слишком занят, чтобы паниковать из-за прилива. Грот всосал ее, и она ступила на берег под аккомпанемент рева и гула воды. Фейт перевела дух, накинула ткань на фонарь и двинулась в пещеру, где обитало дерево лжи.

С первого взгляда она заметила, что темная громада стала еще больше. Горшка уже не было видно, он скрылся под тяжестью черной листвы. Ветки, спускавшиеся на каменный уступ, практически закрыли его и протянулись еще сильнее к полу пещеры. Подходя ближе, она обо что-то споткнулась. Глянув вниз, девочка обнаружила, что по полу расползлись темные лианы, словно лапы гигантского паука. Фейт продолжала двигаться вперед, осторожно ступая между лозами и переживая, что может раздавить фрукт. Она снова

слышала вокруг себя какофонию вздохов, невнятных слов, неразборчивого шепота.

— Почему ты так быстро растешь именно из-за моей лжи? — спросила она вслух. — Папа придумывал более масштабные истории, и в них верило больше людей.

«Может, потому что я ему нравлюсь. — Глупая мысль, но Фейт не могла ее отбросить. — Или потому что оно мне нравится». Она обнаружила фрукт с обычной оболочкой из мертвых лепестков в самом сердце огромного скопления листьев. На этот раз плод был больше — почти дюйм в диаметре. На этот раз она принесла с собой одеяло, на которое можно лечь, подушку на то время, пока она будет без сознания, и фляжку с водой. «Я знаю, что это неприятно, — сказала она себе, разрезая фрукт, — но я также знаю, что это не смертельно». Она быстро выдавила мякоть фрукта в рот, проглотила, сморщилась и запила водой. Темнота пришла за ней, она стучала, как барабан, пока свет не погас окончательно.

Стоя на траве, Фейт знала, что спит и видит старые воспоминания. Ей девять лет, ее семья приехала в Лондон, и в качестве особого развлечения они отправились в Хрустальный дворец. Ее ослепил стеклянный блеск, и она немного испугалась огромного лабиринта. А потом, конечно же, они отправились смотреть на динозавров. Фигуры огромных зверей были расставлены на фоне дикой природы. Поэтому они казались живыми, но застывшими. Динозавров застигли в тот момент, когда они отдыхали на маленьких островах, бродили среди деревьев и нежились в озере. Некоторые из них по-лягушачьи припали к земле, их пасти были настолько широкими, что казалось, будто они усмеваются. Из воды тянулись стройные шеи плезиозавров. Ихтиозавры лежали наполовину в песке, подняв конусообразные зубастые морды. Их глаза были поделены на сегменты, как дольки апельсина. Огромный горбатый мегалозавр, казалось, вот-вот развернет свою гигантскую тушу и скроется среди деревьев.

Фейт держалась за руку няни, а Говард спал в зеленой коляске. Мама была очень красивой в тени своего голубого солнечного зонтика. Всезнающий папа рассказывал о том, как сделаны эти модели, и об ученых, которые как-то раз устроили внутри игуанодона обед. Светило яркое солнце, по небу плыли белые пушистые облачка. Вокруг прогуливались, громко разговаривая, улыбчивые люди, и все дамы были хорошенькими. А потом мегалозавр медленно моргнул своим тусклым горестным глазом и начал двигаться.

Внезапно все поменялось, Фейт уже никого не держала за руку. Ей больше не девять лет. Папа, мама и Говард исчезли. Небо посерело, динозавры двинулись в сторону людей. Но поскольку это не укладывалось в мозгу, никто не побежал. Ихтиозавр схватил одну даму за узкую талию и уволок в воду. Два огромных игуанодона равнодушно и беззлобно откусывали людям головы. В траве ловко скользили узкомордые крокодилы, охотясь на детей. На Фейт никто не напал. Они тяжелой шатающейся походкой бродили вокруг нее, калеча других. Она протянула руку и почувствовала, как под пальцами скользят змеиные чешуйки. Перед ней улегся огромный мегалозавр, она забралась на него и присела боком на горбатую спину.

Мегалозавр поднялся, и она оказалась так высоко, что смогла окинуть взглядом весь парк и увидеть еще одного огромного динозавра с шипами на спине и одиноким седоком на голове. Она наблюдала, как тот, другой динозавр покинул парк, проломив ограду с такой легкостью, словно это были крикетные ворота. При виде второго наездника Фейт испытала мучительное чувство узнавания, как будто изображение мелькнуло в старом, испещренном пятнами зеркале. «Вот и ты». Она не могла вспомнить, кем был этот второй всадник, но

знала, что это кто-то похожий на нее. Также Фейт понимала, что они враги. Всадник отнял у нее что-то драгоценное, и она здесь, чтобы преследовать его.

Уловив ее желание, мегалозавр бросился в погоню, проскочил сквозь дыру в заборе и побежал по оживленной улице, к нему присоединились другие динозавры, охваченные буйством. Фейт не отрывала взгляд от наездника, а в это время игуанодоны за ее спиной переворачивали омнибусы и пожирали лошадей. Повозки трещали под широкими лапами мегалозавра. Он рычал — в его зубах застряли спицы от солнечного зонтика. Фейт нагоняла добычу. Скоро она увидит лицо наездника. Скоро ее «конь» будет достаточно близко, чтобы вцепиться в круп преследуемого динозавра. Сверху раздался металлический скрежет. Она подняла голову как раз вовремя, чтобы увидеть, как, падая на нее, небо пронзает крылатая фигура, на чьей спине едва заметны очертания человека. Распахнулся зубастый клюв. Потом наступила чернота и послышался рвущий душу хруст ее сломанной шеи.

Приятно было ощущать траву под руками и под головой. Фейт глубоко вздохнула. Значит, она не умерла. Как прекрасно! Она открыла глаза и посмотрела вверх. Небо было настолько ясным, что можно было различить оттенки звезд и слабый туманный свет далеких галактик. «Я жива, — сказала она себе. — Мою шею не сломал птеродактиль. Модели динозавров в Хрустальном дворце не ожили и не поглотили весь Лондон. — А потом с некоторым удивлением: — Я уже не в пещере». Фейт села слишком резко, и ей пришлось опереться руками, потому что все вокруг закружилось и заплясало. Так и есть. Она уже не в пещере. Она осмотрелась и обнаружила себя на поросшем травой мысу. Ноги свисали в какое-то отверстие, наполовину скрытое низким густым кустарником. Всмотревшись внутрь, Фейт заметила слабое желтоватое мерцание.

— Должно быть, это мой фонарь, — сказала она.

Теперь ей и правда казалось, что она помнит, как развязывала веревки. Ногти были сломаны. Повернув ладони вверх, она увидела, что все они в грязи и ссадинах. Да, значит, она лезла вверх. Карабкалась и протискивалась. Она пробралась сквозь лабиринт пещер и нашла другой путь наружу.

— В этот раз я проснулась быстрее, — прошептала она сама себе, затем встала и покачнулась. — И голова яснее, — добавила она, замечая, как звезды дробятся в небе.

Фейт осмотрелась, пытаясь узнать местность по очертаниям и понять, где она оказалась. Подошла ближе к обрыву и вгляделась вниз, чувствуя, как у нее дрожат колени. Она поняла, где находится! Рядом с дорогой, пролежавшей между Булл-Коув и городом, недалеко от сторожевой хижины, где ее бросили ради «различных черенков».

«Каждый понедельник вечером в сторожке на побережье проходят крысиные бои, — сказал Пол Клэй. — Приходи и отыщи меня там, поговорим о твоём ненаглядном убийстве». Сегодня вечер понедельника, и она недалеко от хижины. Когда-то посещение крысиных боев казалось ей немыслимым, но сейчас Фейт не могла вспомнить почему. Ей нужно поговорить с Полом Клэем. Он бросил ей вызов и был уверен, что она не осмелится принять его. Это была пощечина, чтобы ткнуть ее носом в собственную брезгливость и бессилие. Но сейчас она не чувствовала себя ни брезгливой, ни бессильной. Ее пальцы до сих пор помнили на ощупь шкуру динозавра.

Ветер настойчиво и упорно трепал ее одежду, пока она шла по дороге. Бесстрастно светили холодные звезды. Низкие деревья колыхались на ветру, пугая ее. Наконец она узнала развилку, где ее высадили из экипажа Ламбентов. Вот извилистая тропинка, по которой она уже ходила, а вот и бесформенный силуэт сторожки на фоне склона горы. На этот раз очертания утеса были другими из-за толпы людей, оттуда раздавались голоса. Оранжевый свет лился из открытой двери. Внутри были люди, правда, только мужчины. «Что ты делаешь? — кричал голос в ее голове. — Зачем ты сюда пришла?» Паника внутри нее била крыльями, но Фейт старалась не обращать на нее внимания. Она набросила на голову капюшон, спрятав лицо, и подошла ближе к свету. У входа разговаривали трое парней. Пока она их рассматривала, самый молодой из них повернул голову, увидев ее. Фонарь осветил его лицо. Это был Пол Клэй. Он оторопело уставился на Фейт, его спутники тоже

повернулись головы в ее сторону и принялись ее разглядывать. Пол что-то торопливо им прошептал и поспешил к Фейт.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он, не веря своим глазам.

— Ты же бросил мне вызов, помнишь? — Фейт внезапно задумалась о том, как она выглядит: одетая вся в черное, скрывает глаза под широким капюшоном, блуждая в полумраке среди зарослей дрока. — Мне кажется, это *мне* в пору бояться, а не тебе.

— Вот уж не думал, что ты придешь! — прошипел он. — Ты с ума сошла? Ты хочешь, чтобы кто-нибудь тебя здесь увидел?

— Ты сказал им, кто я? — спросила Фейт.

— Думаешь, никто тебя не узнает? — Пол закатил глаза. — Да на всем острове не больше дюжины человек нашего возраста. Любой, кто тебя увидит, поймет, кто ты. — Он бросил взгляд через плечо. — Мне пришлось сказать друзьям, что ты тронутая. Сошла с ума от горя. Безобидная, но любишь бродить где попало. Как еще мне нужно было объяснить твое появление здесь?

Фейт обернулась в сторону хижины и заметила, что на них смотрят исподтишка.

— Как еще я могла поговорить с тобой? — прошептала она. — Ты ни разу не пришел ко мне!

— А чего ты хотела? — Пол прищурил глаза. — Из-за тебя мы лишились доходов от фотографирования на раскопках! Зачем ты так сделала? Это все твои злобные игры?

Фейт едва не сказала, что просто хотела посмотреть, как он взбесится.

— Нет, — созналась она. — Мне нужно было попасть на раскопки, чтобы провести расследование. Отец рассказывал тебе, как в шахте порвалась цепь?

Пол кивнул.

— Он говорил, что в корзине была ты с братом. Это ведь было не опасно, да? Страховочные канаты удержали корзину от падения.

— Идея посадить нас в эту корзину возникла спонтанно, — прошептала Фейт. — Это изменило все, потому что мы *дети*. Рабочие все перепроверили, и именно в тот момент кто-то принял решение прикрепить страховочные канаты. Если бы на нашем месте оказался взрослый или двое взрослых, например мой отец и бригадир...

— Не было бы никаких проверок, — задумчиво произнес Пол. — Никаких страховочных канатов.

— Они разбились бы вдребезги, — сказала Фейт.

— Думаешь, кто-то хотел убить твоего отца. — Пол не стал утруждать себя тем, чтобы сформулировать предложение в виде вопроса.

— Думаю, кто-то ослабил звено, — признала Фейт, — кто-то имеющий доступ к раскопкам. — Она не хотела упоминать дерево лжи, свои галлюцинации и то, что отец Пола входил в число троих подозреваемых.

Пол поразмыслил со свойственным ему непроницаемым выражением лица и наклонил голову, что можно было принять за согласный кивок.

— Похоже на правду, — тихо пробормотал он. — Я поговорил с людьми, поспрашивал, кто в городе мог желать смерти твоему отцу, например семья моего друга Тоби, угодившего в капкан. Они все были дома той ночью. Значит, надо искать на раскопках. — Он нахмурился. — Мистер Ламбент. Доктор Джеклерс. Бригадир Крок. Стоук и Кэррол землекопы. — Он мрачно улыбнулся Фейт. — Я и мой отец.

— Дядюшка Майлз, — добавила Фейт. — Миссис Ламбент. Мисс Хантер.

— Им бы не хватило сил, — задумчиво произнес Пол.

— Может, это не имеет значения, — возразила Фейт. — Мне кажется, я знаю, почему отец не стал стрелять в убийцу. — Она припомнила свое недавнее видение, шипастого динозавра, отдалявшегося от нее, и внезапное нападение из засады ездока на птеродактиле. Наконец она поняла смысл видения. Не один враг, а двое. — Я думаю, что убийц было двое. Один встретился с ним и отвлек его, а второй ударил сзади. Пистолет не мог его спасти, ему понадобились бы глаза на затылке.

Пол обдумал ее слова, потом медленно кивнул.

— Тела тяжелые, — уверенно сказал он с видом бывалого. — Пока не попробуешь сдвинуть труп с места, не поймешь. Если его погрузили на тачку и повезли на вершину утеса, это намного легче сделать вдвоем.

— Пол!

Фейт подняла глаза и увидела, что большинство толпившихся во дворе людей скрылись в хижине. Только рыжеволосый парень лет шестнадцати выглядывал из двери.

— Все готово для следующего боя! — крикнул он Полу. — Пойдем скорее! — И бросил короткий пытливый взгляд на Фейт. — И будь джентльменом — не держи даму на холоде!

Ответить «нет» было бы просто и наиболее прилично, но это был не тот ответ, который дала Фейт.

Сторожка была плохо освещена и сейчас, когда в нее набилось много людей, казалась больше. Тела, мужские тела, были непривычно близко, Фейт словно оказалась во вражеском лагере. Их тяжелые сапоги заставляли ее чувствовать себя хрупкой и неуместной. Большинство людей усталились в центр комнаты и не заметили, как она проскользнула внутрь вместе с Полом и рыжеволосым парнем. Когда на нее попал свет, Пол взглянул на нее и слегка нахмурился.

— Что с твоими глазами? — прошептал он.

— Ничего, — ответила Фейт, отводя взгляд.

Друзья Пола подошли поближе, жадно следя за ней.

Время от времени они посматривали на Пола. Неудивительно, подумала она. Они послали его за прядью волос преподобного, а он привел с собой его безумную дочь. К счастью, никто больше не обращал на нее внимания.

Даже со своего места у входа Фейт видела, что в центре хижины установлены деревянные доски, образуя прямоугольную огороженную площадку размером шесть на восемь футов.

— Бесси! — объявил кто-то с противоположной стороны.

Отовсюду раздались приветственные крики. Рядом с площадкой стоял человек, удерживавший собаку — джек-рассел-терьера с блестящими глазами, и Фейт удивленно отметила, что пес совсем небольшой и с виду самый обычный. Она почему-то ожидала увидеть чудовище, все в складках меха и с огромными челюстями.

— Сколько он весит? — прокричал из толпы мужчина, державший в руке часы.

— Четырнадцать фунтов!^[21] — ответил ее владелец.

Мужчины держали в руках мешки, которые топорщились и подергивались, все приготовились вытряхнуть их содержимое в загончик. Толпа хором сосчитала до четырнадцати, и на площадке появились крысы. Они суетились, прятались по углам и пытались выбраться из загончика, топча друг друга. Крики «Бесси» стали громче.

— Сейчас! — скомандовал мужчина с часами, и хозяин Бесси выпустил ее в загончик.

Какой быстрой оказалась эта собака! Это было увлекательное зрелище. Она метнулась, загнала крысу в угол, вцепилась ей в самое мягкое место посередине, потрясла и двинулась дальше. Набросилась. Схватила. Потрясла. И еще одно коричневое тельце падает на опилки, словно миниатюрный мешок с мукой.

Фейт остолбенела, но продолжала наблюдать. Все было точно так же, как в ту ужасную ночь, когда она не могла отвести взгляд от мертвого тела на ковре. Ей хотелось, чтобы крови и криков было еще больше. Ей хотелось, чтобы каждая смерть взрывалась перед ней маленьким черным фейерверком. Ей хотелось, чтобы это ее задевало. Вокруг нее вопили люди, но убийство само по себе было тихим, аккуратным и прозаичным. Был живой — стал мертвый, живой — мертвый, и драмы в этом не больше, чем в стеганом одеяле, лежащем на кровати.

— Осталось тридцать секунд! — раздался крик.

Терьер был просто душка! Такой деловитый! Но сейчас Фейт видела только его зубы. Только зубы.

— Только зубы, — сказала она и засмеялась.

Звук растворился в окружающей ее какофонии. Все кричали, подзадоривая терьера. Кричащее мясо, смеющееся мясо. Мясо с короткой, как взмах ресниц, жизнью. И что такое жизнь? Зубы. Зубы и брюхо и слепой дурацкий импульс, заставляющий мясо убивать и пожирать другое мясо. И кости падали на землю, а на них падали другие кости, и так далее, пока не образовалась целая гора костей. Смерть, снова смерть, и снова смерть, и опять смерть. А двуногие животные выкапывают старые кости и удивляются им. А потом они тоже умирают, как крысы в опилках, и превращаются в старые кости.

— Четырнадцать трупов! Отбой!

Бесси вытащили из загона, и мужчины наклонились над деревянной оградой, тыкая в крыс палками и подсчитывая количество трупов. Кто-то потянул Фейт за рукав. В ушах слышался голос:

— Пойдем. — Это был Пол. Пол Клэй.

— Нет, — ответила Фейт. — Я хочу это видеть. Это забавно. Дай мне посмотреть.

Она ощущала легкое головокружение. Подумала о своем видении и о том, как мегалозавр кусал и кусал всех, и о хорошо одетых безголовых телах, падавших на землю. Пол Клэй силой потащил ее за руку, и она позволила ему вывести себя из сторожки, потому что какое теперь это имело значение? Зрелище стояло у нее перед глазами, стоило ей сомкнуть веки. Знание о том, что ничто больше не имело значения, кружило голову. Она кожей ощущала пространство, словно небо отодвинулось и она обнаружила, что земля и море состоят из дыма. Только дыма. Она — это дым. Ее тело казалось горячим, легким и воздушным.

— Садись, — сказал Пол.

— Я постою, — ответила Фейт. Она могла бы полететь, если бы захотела.

— Просто сядь, — произнес Пол, и она послушалась, иначе он твердил бы одно и то же, да и какая разница? — Если тебя тошнит...

— Тошнит? Меня не тошнит!

— Ты белая как мел, и у тебя что-то с глазами.

— У меня глаза отца, — возразила Фейт. Трудно было удержаться от смеха. Пол Клэй не понял, что в этом смешного, и от этого ей стало еще смешнее.

— Зачем ты пришла сюда? — снова спросил Пол, и в его голосе звучала обеспокоенность.

— Хочу, чтобы ты кое-что сделал для меня, — созналась Фейт. — Твой отец изменил фотографию, приклеив голову мальчика вместо твоей. Ты можешь сделать то же самое?

— Так, чтобы это выглядело естественно? — Пол нахмурился, поглядев на нее с опаской. — Только если участники примерно одного роста и смотрят в одну сторону.

Фейт выудила свой блокнот и достала единственную фотографию отца. Она с болью посмотрела на нее, потом протянула снимок Полу.

— Отрежь голову моего отца, — сказала она. — Приклей ее на тело любого человека с раскопок. Сделай так, чтобы казалось, будто мой отец преследует их — тех, кто на раскопках.

— Зачем?

— Я хочу напугать убийцу.

— Нет, — категорически отказался Пол.

— Почему?

— Ты сошла с ума? Может быть, фотография кажется тебе забавой, но нам нужны деньги! Мой отец делает вид, будто это не так, но это правда. Если о нас пойдет слух, что мы делаем фальшивые фотографии с лицами мертвых заказчиков, кто к нам обратится?

— Ты принял вызов, когда тебе предложили отрезать прядь волос у моего отца! — заявила Фейт. — Что ж, теперь я бросаю вызов! Вырежи его лицо!

— О, почему бы тебе не предложить мне прыгнуть с обрыва? — парировал Пол. — Некоторые вызовы ты и сама не приняла бы!

— Какие, например? — Фейт поднялась. — Попробуй предложи мне что-нибудь сделать. И если я сделаю, ты изменишь фотографию.

Они уставились друг на друга, и Фейт снова ощутила все безумство их разговора.

— Вытащи крысу голыми руками, — предложил Пол, указывая на туго завязанный мешок на полу.

На глазах Фейт мешок зашевелился, в нем угадывались очертания трех тел. Не успел Пол произнести эти слова, как сам испугался.

— Подожди! — сказал он, когда Фейт присела рядом с мешком и начала развязывать тесемки.

Она взглянула ему прямо в глаза и сунула руку внутрь. Пальцы нащупали шероховатый мех. Резкое движение заставило девочку поморщиться. По ее руке скользнули усы, потом что-то попыталось укусить ее. В ответ она сжала ладонь, схватив нечто мохнатое и круглое. Оно было мягким и отчаянно сопротивлялось, извиваясь, так что Фейт чуть не разжала пальцы. Она почувствовала резкую боль у основания большого пальца, когда в ее плоть вонзились невидимые зубы, дернула рукой, но не отпустила. И не смогла сдержать улыбку, увидев на лице Пола замороженный ужас.

— Прекрати! — Пол опустился на колени рядом с ней и вырвал ее руку из мешка.

Крыса выскользнула из ладони и убежала. Остальные рванули следом, воспользовавшись моментом.

— Зачем ты это сделал? — Фейт пришла в ярость. — Я схватила крысу! Ты не можешь это отрицать!

— Она тебя укусила? — Пол перевернул ее руку ладонью вверх. У основания большого пальца были две глубокие красные ранки от зубов.

— Какая разница? — закричала Фейт. — Ты хотел заставить меня страдать, иначе не сделаешь то, что мне нужно!

— Я хотел убедиться, что ты трусишь! — взорвался Пол. — Хотя бы один раз!

— Дай мне другой мешок с крысами! — потребовала Фейт.

— Нет! — Пол схватился за голову, на секунду зажмурил глаза и выдохнул. — Твоя взяла. Я сделаю тебе фотографию. Только... не трогай крыс. — Отчаянно взглянув на пустой мешок на полу, он добавил: — Нам нужно идти, пока хозяин крыс не вернулся и не обнаружил, что его добыча пропала.

Пол довел Фейт до дороги, дальше она не позволила — не хотела, чтобы он узнал, где находится вход в пещеру с деревом лжи.

— Я вовсе не имел в виду... — начал он, но умолк и покачал головой. — Промой рану, — сказал он. — От крысиных укусов умирают.

Фейт пошла прочь, не оглядываясь. Она не могла ему ничего объяснить. Укус саднил, но это ее не беспокоило. Станным образом боль принесла облегчение, как и разговор с этим мальчиком, который ее ненавидел.

Глава 27

Молчание — нож

Фейт шла не более пяти минут, как вдруг услышала где-то позади шорох шагов по траве. Сперва она подумала, что это Пол, но, оглянувшись, увидела двух незнакомых парней. Ни один из них не был Полом. Это оказались его друзья постарше, которых она видела у входа в хижину.

— А ну помедленнее! — крикнул высокий рыжеволосый юноша. — Не бойся!

Было в этих словах, произнесенных посреди лунной ночи, что-то такое, отчего Фейт захотелось бежать. Но мальчики явно бегают быстрее нее, потому что на них нет юбок, сковывающих ноги. Ребята поравнялись с ней и пошли по обе стороны от Фейт на расстоянии двух ярдов.

— Не стоит бродить тут в одиночестве, — сказал рыжеволосый. — Давай мы проводим тебя. Мы друзья Пола, с нами ты в безопасности.

Предложение было вполне разумным и даже великодушным. Рыжеволосый парень широко улыбался, но в его глазах сквозило холодное любопытство. Фейт поняла, что никакой он не великодушный, еще до того, как уловила заговорщицкий взгляд, которым он обменялся с товарищем. Она попыталась пойти быстрее, но они тоже ускорились, и через некоторое время она снова пошла в обычном темпе.

— Мы не можем оставить вас одну, мисс, — настойчиво сказал второй парень с сальными волосами, широкой переносицей и внимательными глазами. — Воспитание не позволяет.

— Мы просто хотим поговорить с тобой, — добавил рыжеволосый.

Фейт тихо сунула руку в карман и раскрыла отцовский складной нож. Она — крыса в окружении собак, но она кусается. «Их двое, — со странным спокойствием подумала она, — и конечно, они сильнее и крупнее меня. Но если мне удастся ударить одного из них ножом, думаю, второй испугается».

— Ты можешь поделиться с нами секретами, — продолжал рыжеволосый, — как делишься с нашим другом Полом. Мы все здесь друзья, верно?

Фейт поколебалась, потом кивнула, сохраняя невозмутимое глуповатое выражение лица. Пол сказал им, что она «тронутая», и ей эта роль по плечу. Если она будет прикидываться дурочкой, любые неожиданные движения с ее стороны застигнут их врасплох.

— Когда мы слышали про твоего отца, то очень опечалились, — заметил рыжеволосый, не потрудившись стереть улыбку, — и подумали...

— ...Что же он сделал со своей долей сокровища, — договорил парень с сальными волосами.

Рыжеволосый шикнул на него с упреком, и Фейт перехватила его сердитый взгляд.

— Не обращай внимания на моего друга, — быстро сказал он. — Его голову вчера переехало телегой, и череп размягчился. Мы просто интересуемся... в безопасности ли сокровище. Или... мы можем переместить его для тебя в безопасное место.

— Они с ним так и не поделились, — по-детски произнесла Фейт. Она повернулась к рыжеволосому и внимательно уставилась на его левое ухо. — Так вот почему он рассердился...

— Твой отец рассердился? — Рыжеволосый явно был расстроен, но в нем проснулось любопытство, и Фейт поняла, что он вцепится в любой клочок информации, который она подбросит.

— Думаю... думаю, да, — ответила она. — Я... не помню.

— Так что случилось с сокровищем? — без обиняков спросил сальный. — Ты была на раскопках — видела большую дыру в земле. Заметила там монеты? Может быть, в мешке?

— Нет, — пробормотала Фейт. — Только коробку. — При этих словах на лицах парней отразился напряженный интерес. Она почти начала любоваться собой. — Я ничего не знаю о коробке! — на всякий случай добавила девочка, тряхнув головой. — Я ее не видела, ничего не видела! Я не видела, как он кому-то отдал коробку!

— Кто? Кто отдал коробку? — спросил рыжеволосый.

— Мистер Ламбент? — предположил сальный.

Фейт уставилась на подол платья и промолчала. Она наблюдала, как ее ложь, меняя форму, разрастается у нее на глазах, подпитываемая лишь намеками и молчанием. Молчанием, оказывается, можно орудовать столь же изощренно и жестоко, как ножом.

— Мы уже знаем о коробке мистера Ламбента, — поспешно и совсем неубедительно заверил ее рыжеволосый. — Расскажи нам о ней. Кому он ее отдал? — Парень внимательно наблюдал за ее лицом. — Мистеру Клэю? Мистеру Кроку? — Возникла пауза, и внезапно его глаза заблестели от пришедшей в голову идеи. — Или это была леди? Черноволосая леди?

— Вы имеете в виду мисс Хантер? — удивленно спросила Фейт. Она не могла вспомнить больше никого подходящего под описание.

— Мы знаем, что она ходит на раскопки, — сказал сальный и тихо хмыкнул, — и знаем зачем.

— Зачем? — Фейт и правда было интересно. Визит мисс Хантер на раскопки озадачил ее. Почтальонша дружит с миссис Ламбент, но куда более удобно было бы навещать ее в «Пейнтс».

— Мы не можем говорить о таких вещах с порядочной леди вроде тебя, — заявил рыжеволосый. — Но мы можем заключить сделку. Мы расскажем тебе о мисс Хантер, а ты нам о коробке. Хорошо?

Фейт медленно кивнула.

— Это секрет, который знают все, — злорадно продолжил рыжеволосый. — У мисс Хантер есть тайный возлюбленный. Сама она не ест засахаренные фиалки, но заказывает их с каждой почтовой лодкой. Она выезжает в своей двуколке одна, днем ли, ночью ли, и направляется к северу от города. Эта дорога мало куда ведет.

Это правда. Она ведет только к Булл-Коув, месту раскопок и «Пейнтс».

— И иногда, — смачно добавил сальный, — с телеграфной вышки видят сигнал. Мигание света на солнце. — Он сделал вид, будто поднимает что-то вверх, и пошевелил им в воздухе. — Зеркало, — добавил он.

— Говорят, миссис Ламбент приезжает на раскопки из-за мисс Хантер, — подмигнул рыжеволосый. — Присматривает за курятником, на случай если в него проникнет лиса.

— Мисс Хантер дюжину раз отвергала доктора Джеклерса, — продолжил сальный. — Охотится за добычей получше. Миссис Ламбент не будет жить вечно.

Фейт вспомнила, как Ламбент, который и минуты не мог усидеть на месте, бросил свои метания по раскопкам и, забыв про палеонтологию, тотчас уселся пить чай, стоило появиться мисс Хантер. Трудно представить, что у кого-то страстный роман со столь пухлой,

язвительной, похожей на куропатку женщиной, но это объясняло визиты обеих женщин на раскопки. Видение Фейт намекало на двоих убийц. Но если поразмыслить, это могли быть не просто союзники, а любовники. За необузданным Ламбентом могла скрываться пара аккуратных пухлых женских рук, дергающих за ниточки. В то же время Фейт осознала кое-что еще. Хитрая проницательная мисс Хантер — это была сила, с которой считались на острове, но которую не любили. Нельзя было не услышать злобу в голосе парней в ее адрес. Мисс Хантер настроила островитян против семейства Сандерли. Теперь Фейт может отплатить ей той же монетой.

— Я не хотела ничего подсматривать, — произнесла она все так же невозмутимо. — Это была просто старая коробка. А потом мисс Хантер быстро уехала в двуколке.

Ребята обменялись взволнованными взглядами. Земля под ногами становилась бугристой, то тут то там появлялись низкие кусты. Недалеко находился куст, маскирующий вход в пещеру. Фейт начала замедлять ход, потом совсем остановилась, повернулась и пустыми глазами уставилась на дорогу.

— Кто это идет за нами? — спросила она, махнув рукой.

Мальчишки вздрогнули и начали всматриваться в темноту. В этот миг луну ненадолго затянуло дымкой. И Фейт побежала. Она миновала ближайшую кочку и спряталась за низкими кустами, до того как раздались удивленные вскрики. Ей казалось, удары ее сердца отдаются прямо в земле. Парни выкрикивали ее имя, бегая в разных направлениях. Наконец они остановились, и она услышала, как они переводят дух.

— Наверно, она прыгнула с утеса.

— Пойдем посмотрим!

— Какой в этом прок? Если она и правда прыгнула, мы ее уже не соберем. Надо уходить!

После того как ребята ушли, Фейт выбралась из кустов, скользнула по колыхавшейся траве и раздвинула ветки, закрывавшие вход в лабиринт пещер. Фонарь продолжал гореть. Ориентируясь на свет, Фейт спускалась, протискиваясь сквозь трещины, пока не оказалась снова в огромной пещере с деревом лжи.

Дерево лжи ждало ее. Оно выросло еще больше за эти несколько часов с ее последнего посещения, Фейт была в этом уверена. Она чувствовала себя выжатой, но будто вернулась домой. Свисавшая к полу лоза напомнила ей о цветочных качелях, которые она как-то раз видела на картине. Сесть на нее казалось самым естественным делом. Ветка затрещала, но выдержала. Фейт потянулась руками в обе стороны, проводя ладонями по прохладной черной листве, потом откинулась на сплетение веток и закрыла глаза.

Морское эхо оглушало. Она слышала в нем очень много разных звуков: рев мегалозавра из своего сна, шум голосов в хижине и враждебные перешептывания в церкви. Временами ей казалось, будто она слышит свое имя, произнесенное шепеляво и неправильно, как будто его пытался выговорить нетренированный язык. Она уже придумала новую ложь.

— Сокровище контрабандистов уже не на раскопках, — сказала она растению. — Мистер Ламбент отдал его своей любовнице мисс Хантер.

Люди — животные, а животные — не более чем зубы. Кусай первым и кусай часто. Это единственный способ выжить.

Глава 28

Белые глаза и трепещущая кожа

Фейт проснулась на своей кровати. Она все еще была одета в траурное платье, ее опять тошнило, и она устала. С кружащейся головой она вспомнила, как гребла обратно от пещеры, взобралась по лестнице в темноте и упала на постель. Воспоминания о приключениях минувшей ночи медленно разворачивались перед ее глазами, словно мрачный гобелен, больше напоминая бред сумасшедшего. Езда верхом на динозавре, крысиные бои, ее рука в мешке с крысами... Боль в руке привлекла ее внимание. У основания большого пальца она увидела два глубоких воспаленных отверстия, кожа вокруг была бело-желтой. Уставившись на ранки, она вспомнила боль от укуса крысы и то, как она промывала их обжигающей морской водой. Фейт и правда ходила на крысиные бои. Ее видели там, одинокую девушку в толпе мужчин. Лежа под звездами, она чувствовала такую уверенность и ясность в голове, но теперь ее желудок сводило при мысли о том, как она рисковала. Наверняка пойдут слухи. От ее незаметности не останется и следа. И разум Фейт снова заметался, как крыса в поисках выхода. Ей придется все отрицать или заявить, что она пошла прогуляться и заблудилась.

Ее мучила жажда. Она только что осушила бутылку с водой, и вдруг ей в голову пришла ужасная мысль. Она не помнила, когда последний раз наливала воду полозу. Фейт торопливо сдернула покрывало с клетки. Змея лежала, свернувшись кольцами, на подстилке, как обычно, но ее золотистые чешуйки потускнели.

— Нет! — Фейт открыла дверцу клетки, торопливо налила воды в миску и нежно погладила змею. К облегчению Фейт, рептилия пошевелилась. Но когда она подняла голову, ее глаза были затянуты прозрачной пленкой. — Не умирай! Не покидай меня! Прости!

Змея скользнула вверх по ее руке и улеглась на плечах, чешуйки были очень тонкими. Послышался слабый стук в дверь.

— Прошу прощения, мисс, — донесся тихий голос миссис Веллет. — Вы не присоединитесь к брату, чтобы позавтракать в детской?

— Миссис Веллет! — В порыве, вызванном паникой, Фейт распахнула дверь. — Мышь, которую вы мне дали несколько дней назад, — как она умерла? Она могла отравиться ядом?

Миссис Веллет слегка растерялась от неожиданности, увидев Фейт в ожерелье из змей и в дверях, но быстро взяла себя в руки.

— Мышь нашли в ловушке. — Экономка неуверенно взглянула на змею. — Непохоже, чтобы ее отравили, но, полагаю, это возможно.

— С ней что-то не так, взгляните! — Фейт подняла первое кольцо змеи, демонстрируя затянутые пленкой глаза. — В аптечке есть что-нибудь, что может вызвать рвоту?

Миссис Веллет, нахмурившись, рассматривала змею.

— Мисс, что с вашей рукой?

Огорчившись из-за змеи, Фейт совсем забыла спрятать укус.

— Крыса за амбаром! — торопливо объяснила она. — Это... сейчас это не важно!

— Вы сейчас больше нуждаетесь в уходе, чем ваш питомец, — непреклонно заявила миссис Веллет.

— Но...

— Змея линяет, мисс, — терпеливо произнесла экономка. — Всего лишь.

У Фейт отвисла челюсть. Она почувствовала себя душой. Разумеется, она знала, что змеи

сбрасывают кожу. Но сейчас ей это даже в голову не пришло. Она была уверена, что змея умирает. Фейт чуть не затошнило от облегчения. Она не убила змею. Пятнадцать минут спустя, без змеи, одетая в дневное платье, Фейт сидела в гостиной, а миссис Веллет отперла аптечку. Экономка бережно, но крепко держала ладонь Фейт, промокая рану тканью, смоченной средством, которое сильно щипало. Воздух наполнил резкий запах алкоголя. Фейт попыталась не дергаться и перевела взгляд от укуса на шкафчик, по виду полный бутылок.

— Похоже на винный шкаф, — заметила она.

— Больным леди так нравилось. — Миссис Веллет оглянулась на бутылки. — Вы удивитесь, от чего только не помогают эти лекарства. Бренди — для стимуляции сердца. Шерри от усталости. О, да любое из них, смешанное с тонизирующей водой, — лекарство от малярии, как мне сказали.

— В этих краях много болеют малярией? — с сомнением поинтересовалась Фейт.

— Ни разу не слышала, мисс, но я уверена, что больные леди знали, что делают. — Лицо экономки было невозмутимо, но в голосе слышался сарказм.

Потом миссис Веллет нахмурилась. Она смотрела мимо Фейт в окно.

— Господи спаси нас, — пробормотала она. — Что это?

Обернувшись, Фейт заметила серо-коричневую полосу на небе к югу отсюда.

— Похоже на дым! — произнесла Фейт.

Он был слишком близко, чтобы прийти из города. В той стороне находилось несколько зданий — церковь, дом приходского священника, телеграфная башня, почта и жилище мисс Хантер. В голову Фейт пришло ужасное подозрение. Миссис Веллет уставилась на дым, нахмутив лоб и, судя по всему, размышляя о том же.

— Отправляйтесь в кровать, мисс Сандерли, — наконец сказала она, не глядя на Фейт. — Вам надо поспать, или вы заболаете. Прайт скоро понесет письма на почту, заодно узнает, все ли в порядке.

Не в силах бороться с собственной усталостью и противостоять экономке, Фейт отправилась в кровать. Она была уверена, что не заснет, но сразу же отключилась. Ей снилось, что она в гостиной пьет чай и пытается спрятать лозу, тянувшуюся из ее воротника и манжет. Напротив в кресле-качалке сидела мисс Хантер, ее кожа напоминала бумагу и глаза казались испуганными.

Фейт проснулась от бормотания голосов, звучавших так близко, словно говорили прямо в ее комнате. Ей потребовалось несколько секунд перед тем, как она поняла, что приглушенный разговор происходит на служебной лестнице. Она выбралась из кровати, подкралась к стене и прижалась ухом.

— ...Мучается. — Кажется, это Прайт, как всегда, выбирающий слова осторожно и взвешенно. — Вы и правда думаете, что проклятие существует?

— Я думаю, что проклятий в этом доме ровно столько же, сколько единорогов, — сухо ответила миссис Веллет.

— Жанна считает, что она проклята. — Повисла долгая пауза.

— Как она себя чувствует? — спросила экономка.

— Плохо, и ей становится все хуже даже в церкви. Она не может ни есть, ни спать. Видит кошмары и мерзнет до мозга костей. Люди говорят, что она умирает.

— Люди говорят много глупостей, и надеюсь, они не обсуждают это в присутствии

Жанны. Я бы не хотела, чтобы эта мысль завладела ею...

Голоса стихли. Жанна не умирает, сказала себе Фейт. Разумеется, нет. Никакого проклятия не существует. Просто у Жанны разыгралось воображение. Это последствия продолжительного страха, бессонницы, отсутствия аппетита и того, что она спит в холодной церкви в течение вот уже нескольких ночей... По коже Фейт побежали мурашки. На секунду ей захотелось сбросить с себя кожу, как змея, и ускользнуть, превратившись в кого-то другого.

Была середина дня. Фейт пропустила обед, но у дверей ее комнаты оставили поднос с едой, видимо, миссис Веллет позаботилась. Спустившись на первый этаж, Фейт наткнулась на раздраженную Миртл, нетерпеливо ходившую взад-вперед по прихожей.

— Фейт! Где ты была? — Она не стала ждать ответа. — Тебе надо присмотреть за братом. Он все утро бежит как сумасшедший!

— Но мне надо ехать на раскопки с дядей Майлзом, мне поручили делать зарисовки! — воскликнула Фейт.

— В то ужасное место, где лопаются цепи и люди швыряются камнями? Нет, Фейт, мне не следовало вообще отпускать тебя туда. Кроме того, твой дядя еще утром уехал. Судя по всему, они вот-вот проложат путь в нижнюю пещеру, и он не хотел ничего пропустить.

Это был удар. Сейчас больше, чем когда-либо, Фейт хотелось понаблюдать за участниками раскопок.

— Кроме того, ты должна присмотреть за Говардом. Он учился писать — вся детская забрызгана чернилами — и не надевал свой синий пиджак! Ты знаешь, что он всегда должен надевать его, когда пишет! Через несколько лет он пойдет в школу и... — Она умолкла и поднесла руку ко лбу. — Школа, — пробормотала она с таким видом, словно эта мысль причиняет ей боль.

— Извини, — начала Фейт, — но когда я последний раз надевала на него пиджак, он так плакал...

— Пусть плачет! — взорвалась Миртл. — Это для его же блага! Будет куда хуже, если мы будем потворствовать его капризу! В школе его станут дразнить и бить по рукам розгами. И когда он вырастет, никто никуда не пригласит его, если он будет неправильно пользоваться столовыми приборами! На кону будущее Говарда! Его будущее... — Она умолкла, задумавшись о чем-то.

Фейт закусил губу.

— Что, если это не каприз? — спросила она.

— Фейт, твой брат не левша, — твердо заявила Миртл, как будто Фейт ее несправедливо обвинила. — Что с тобой сегодня? — Она нахмурилась и внимательно взглянула на Фейт. — Ты не следишь за собой! Когда ты в последний раз расчесывалась? И почему ты пахнешь лимонами? — Она окинула взглядом холл. — Все вверх ногами! А доктор Джеклерс может приехать в любую секунду. — Посмотрела на часы. — Где он? Опаздывает на два часа и не прислал ни слова. Что-то не так! Я чувствую.

При этих словах снаружи послышался стук и цокот копыт. Миртл вздохнула:

— Наконец-то.

Как оказалось, это не доктор Джеклерс. Это доставили его письменные извинения. Он задерживается в связи с необходимостью лечить мисс Хантер.

Судя по всему, посреди ночи мисс Хантер заметила шумную толпу мужчин неподалеку

от своего дома. Хотя она жила лишь с пожилой горничной, мисс Хантер это не обеспокоило: люди возвращались домой после крысиных боев или после отдыха на вершинах утесов в компании друзей и горячительных напитков. Но чуть позже она проснулась от грохота и криков: «Пожар!» Разбудив горничную, мисс Хантер спустилась на первый этаж и обнаружила в задней части дома дым. Она послала горничную к мистеру Клэю за помощью, а сама бросилась выносить ценные вещи из дома и почтовой конторы, что располагалась по соседству. Начала она, разумеется, с писем, сочтя это своим долгом. Неожиданно группа оказавшихся поблизости мужчин вызвалась помочь ей. Они вбежали в дом и стали выносить мебель и вещи. Их лица были закрыты тряпками, чтобы защититься от дыма. И только когда она увидела, что они грузят ее сундуки и мебель на тележки или уносят все на спинах, она поняла, что никакие это не добрые самаритяне. Она стала кричать, попытавшись вырвать шкатулку с драгоценностями из рук одного «спасителя». Тот сильно толкнул ее, так что почтальонша упала на спину, ударившись головой об угол дома и потеряв сознание.

«Мы пытаемся определить, есть ли трещина или внутричерепное кровоизлияние», — гласило письмо доктора Джеклерса. В его словах больше не звучала увлеченность черепами или презрение тех из них, что принадлежат женщинам. Фейт вспомнила намеки, которые посеяла на вершине утеса. Ведь они были совсем легкими, едва ощутимыми, но парни, должно быть, побежали напрямик в сторожку и все передали толпе мужчин, и без того буйных и нетрезвых, к тому же находившихся всего в миле от дома мисс Хантер. Прежние выдумки Фейт поджигали длинный запал, а эта бросила искру прямо в бочку с порохом. Концовку письма Миртл не стала читать вслух. Она поднялась, содрогаясь в своем прекрасно скроенном платье, и краска залила ее шею под бархатной лентой.

Фейт с опаской наблюдала за ней, не упомянуто ли в письме ее имя. «Говорят, что нападение произошло в результате непристойных слухов, распускаемых вашей дочерью, которая явилась в притон посмотреть на кровавый спорт...» Но когда Миртл подняла взгляд, она смотрела сквозь Фейт, а не на нее. Лицо матери было мрачным.

— Доктор благодарит нас за помощь в расследовании, — резко сказала она, — и извиняется, что беспокоил нас в это трудное время. Он постарается больше не беспокоить нас понапрасну.

— Что это значит? — спросила Фейт.

— Это значит, что мы больше не увидим доктора Джеклерса, — безразлично ответила Миртл, но в ее голосе слышалась горечь. — Он бросился освобождать мисс Хантер из лап смерти. Без сомнения, доктор надеется, что тем самым улучшит свои позиции в ее глазах. Если она станет слабоумной, он, может быть, даже окажется прав.

Фейт чуяла, что в письме было что-то еще, о чем мать умолчала. Судя по всему, неприличные ухаживания доктора неожиданно закончились, и она должна была испытывать облегчение по этому поводу. Но что-то в выражении лица Миртл наполнило Фейт страхом. Та не была настроена воинственно и не выражала бурных протестов, как обычно случалось, когда ее самолюбие было уязвлено. Наоборот, на ее неподвижном лице отразилась глубокая усталость, и она впервые почти выглядела на свой возраст.

Говард уже почти обезумел от скуки, поэтому Фейт вывела его в сад, захватив старый семейный набор для крокета и воткнув воротца в неподатливую землю. Трава была слишком высокой, и мячи прыгали, куда им вздумается. Говард смеялся, когда Фейт забывала счет и когда мячи исчезали среди растений или проваливались в ямки. Через несколько часов

миссис Веллет принесла им ужин, и они устроились прямо на траве, словно это был пикник. Они играли, и Фейт ходила рядом с Говардом, как сомнамбула, представляя себе трещины в черепе мисс Хантер под аккуратными черными волосами. Она словно видела, как почтальонша мечется в бреду или превращается в слабоумную, пускающую слюни. «Ты этого хотела, — произнес внутренний голос. Это были ее мысли, но она почти не слышала их, если их произносил ее собственный голос. — Ты хотела отомстить ей, и тебе это удалось». Однако счастья это Фейт не принесло.

— Может быть, она убийца, — прошептала девочка.

Она прижала ладони к вискам и стала напряженно думать. Если она правильно поняла свое видение, убийц было двое. Ходили слухи, что мисс Хантер — любовница мистера Ламбента. Мисс Хантер куда-то ездит днем и ночью. Говорят, у Ламбента проблемы со сном, а это хороший предлог выходить из дома в разное время суток. Они могли тайно встречаться. У них мог быть роман. Фейт не знала, зачем им убивать отца, но Ламбент написал письмо дядюшке Майлзу, приглашая преподобного на Вейн, а мисс Хантер с самого начала приняла в штыки их семью. «Ты должна быть безжалостной, — говорил голос в ее голове. — Ты слишком далеко зашла, чтобы поворачивать назад».

— Поиграем еще? — в двадцатый раз спросил Говард, подбегая к ней.

— Ты разве не устал? — воскликнула Фейт, хотя по его лицу видела, что нет. Она ему завидовала. Умела ли она хоть когда-то играть бесконечно в одну и ту же игру с прежним энтузиазмом и не беспокоиться ни о чем? Может быть, она утратила это свойство, а может, никогда им не обладала.

Она осмотрелась, обратив внимание, что небо потемнело и на западе окрасилось в персиковый цвет. Старые деревянные воротца стали хуже видны на фоне травы.

— Стемнело, — сказала она вслух, даже не заметив, как это произошло. — Это последняя игра. Говард, на этот раз точно последняя.

— Ты устала? — спросил Говард и склонил голову набок. — Что такое? У тебя мигрень? — Его няня мисс Коддл часто страдала мигренями, и Говард запомнил слово.

— Нет. — Фейт выдавила улыбку. — Но... у меня просто болит голова.

— Это все из-за призрака? — В глазах Говарда загорелся встревоженный огонек, и Фейт задумалась, сколько разговоров о Жанне он подслушал.

— Нет, конечно, нет! — Фейт снова заставила себя улыбнуться. — Ты же прогнал призрака, помнишь? Потому что был хорошим мальчиком и переписывал цитаты из Библии. Говард опустил глаза и нервно сжал ладони.

— Я не смог его прогнать, — прошептал он. — Он вернулся.

— Нет, Говард...

— Я его видел. Прошлой ночью.

Фейт замерла, взглянув в круглые серьезные глаза Говарда. Ею завладела фантазия, что если она сейчас внезапно обернется, то увидит, как ее отец молча наблюдает за ней. Эта мысль, по сути, должна была успокоить ее. Но вместо этого она ощутила растущий страх. Как ни пыталась, она не смогла изобразить доброту и понимание на лице.

— Где? Где ты его видел, Говард?

Говард повернулся и указал на оранжерею.

— Там горел свет, — прошептал он. — Я видел его из окна.

Взяв Говарда за руку, Фейт медленно приблизилась к оранжерее. Ночью шел дождь, и трава еще не высохла, так что могла замочить подол ее юбки. Окна оранжереи были

мутными от влаги. Фейт отодвинула засов и вошла. Несколько горшков были чуть-чуть сдвинуты. Там и сям валялись комья сырой земли. В середине на полу Фейт обнаружила маленькое пятно свечного воска. Суеверный страх Фейт отступил, на смену ему пришел страх вполне реалистичный: ходить могут не только призраки.

— На кого он был похож, Говард? — ласково спросила она. — Что ты видел?

— На человека. В большом черном пальто.

— Ты видел его лицо?

Говард с упрямым видом покачал головой.

— Он смотрел повсюду. Я думал, он ищет меня, но не знает, что я наверху. А потом он пошел за дом.

Фейт с Говардом вышли из оранжереи, и мальчик стал показывать путь. Они миновали цветочную клумбу и оказались у подножия лестницы, ведущей в ее садик на крыше. На одной ступеньке виднелся свежий след большого ботинка.

— Подожди тут, Говард.

Фейт поднялась по лестнице. В саду на каменных плитах она обнаружила еще два отпечатка. Тут горшки тоже были слегка сдвинуты, а каменные статуи детей смотрели в другую сторону, не как обычно. Ее тайное убежище кто-то посетил. Может быть, бродил тут, пока она спала всего в нескольких ярдах. Кто-то производил поиски, и эти поиски привели неизвестного к ее двери.

«Но они ищут не меня». Осознание снизошло на нее, когда она спускалась по ступеням. «Призрак» обыскал оранжерею, клумбы и ее сад. Они ищут дерево. Наконец она поняла, почему из оранжереи пропало растение: кто-то впопыхах торопливо унес не то, что надо. Решимость дядюшки Майлза завладеть отцовскими бумагами и образцами тоже теперь казалась неслучайной, Кто-то знает о дереве. Кто-то хочет его заполучить. Отец был прав, решив спрятать его, он не зря опасался. Кто-то пытается украсть дерево, кто-то попросил дядюшку Майлза добыть его во что бы то ни стало, и кто-то ни перед чем не остановится, чтобы достичь цели. Дерево может даровать никому не ведомые секреты и открыть загадки мира. Дерево может поведать правительствам планы врагов, ученым — тайны веков, журналистам — грехи сильных мира сего. Оно было ценным не только для научных исследований. Это деньги. Власть. Оно бесценно. Ради такого растения можно убить.

Лицо Фейт стало гореть, когда она собрала воедино все ниточки своего расследования и взглянула на них по-новому. В результате приглашения на Вейне оказался не только преподобный, но и дерево. Он не мог доверить драгоценный экземпляр кому бы то ни было, и вероятно, убийцы рассчитывали на это. Фейт сконцентрировалась на действиях и душевных порывах отца, пытаясь понять, кто мог оказаться настолько завистливым, злым, ревнивым или мстительным, чтобы убить его. Но, может быть, отец умер только потому, что владел растением, которое хотел заполучить кто-то еще. А теперь... оно принадлежит *ей*.

Фейт замерла на нижней ступеньке. Ей в голову пришла другая мысль, заставившая ее нервно оглянуться. Если убийцы ищут дерево, они могут знать, что оно питается ложью, и слышать диковинные слухи, распространяющиеся как пожар. Истории о призраках, например, или о неуловимом сокровище. И если они попытаются найти корни последней сплетни о мисс Хантер, рано или поздно кто-нибудь расскажет им о двух парнях, а те — о беседе с некоей Фейт Сандерли... Она вспомнила свое видение и то, как ее что-то приплющило к земле. Она вовсе не всемогущий кукольник. Она всего лишь бумажная марионетка, и ее порвут на части, если найдут.

— Возможно, призрак умер, — с надеждой сообщил Говард, беря ее за руку. — Я застрелил его из пистолета.

— О! — Фейт подумала о маленьком деревянном пистолетике и сделала вид, что поверила. — Правда?

— Да! — Говард начал раскачивать ее руку взад-вперед. — Бум! Только... он не сделал «бум». Он сделал «щелк». Но призрак ушел, я, возможно, попал в него.

Щелк. Деревянный пистолетик Говарда не производит никаких звуков.

— Говард, — медленно произнесла Фейт, — каким пистолетом ты убил его?

— Убивающим призраков, — гордо ответил Говард. — Который мы нашли в лесу.

— Который мы... — Фейт закрыла лицо ладонями. Они обыскали всю лошину в поисках пистолета, убивающего призраков, но она слишком увлеклась изучением следа от тележки, чтобы обращать внимание на Говарда. «Фейт, посмотри! Посмотри на это!» Он что-то нашел и звал ее, а она отмахнулась.

— Этот пистолет примерно такого размера? — спросила она, едва дыша. — Металлический, с желто-белой рукояткой? — Говард кивнул, и Фейт присела перед ним на корточки, чтобы их глаза оказались на одном уровне. — Говард, послушай, это *настоящий* пистолет. Ты должен отдать его мне!

— Нет! — Говард выпустил ее руку и отступил на несколько шагов. — Мне он нужен! Для призрака!

Фейт попыталась схватить его за руку, но Говард развернулся и убежал в дом. Она последовала за ним, однако в детской его не было.

— Мастер Говард готов пить молоко? — спросила миссис Веллет, проходя мимо Фейт по лестнице.

— Почти, мы еще играем в прятки перед тем, как лечь спать, — торопливо ответила Фейт. Если она начнет объяснять, в чем дело, все бросятся искать Говарда, пистолет найдут и конфискуют. А сейчас оружие нужно ей больше, чем когда-либо.

— Что ж, ему не повредит немножко притомиться, — сказала миссис Веллет. Экономка и сама выглядела уставшей и измученной.

Фейт уже изучила все места в доме, где можно спрятаться, но Говард юркий и может скрыться в любой щели. Более того, уже стемнело, так что в распоряжении миниатюрной фигурки стало еще больше укромных мест.

— Говард, — прошептала она, — пожалуйста, выходи!

Наконец, проходя по холлу, Фейт услышала шорох в библиотеке. Она подкралась к двери и приложила глаз к скважине. Сначала ничто не привлекло ее внимание, да и видно было лишь книжный шкаф, освещенный мягким светом свечи. Но до нее донесся тихий шорох выдвигаемых ящиков стола, звук рвущейся ткани и скрип. Потом послышались шаги, и на книжный шкаф упала тень. В поле зрения появился человек. Он начал по очереди снимать книги с полок, вытряхивая их, словно в поисках спрятанных бумаг, и разочарованно отбрасывая. Он достал все книги, затем начал простукивать заднюю стенку книжного шкафа, видимо, в поисках тайника. Вдруг он повернул лицо к двери.

Это оказался дядюшка Майлз.

При виде глумления над отцовскими книгами Фейт пришла в ярость. Она вскочила, повернула ручку и распахнула дверь.

— Дядя Майлз! Что ты делаешь?

Дядя уставился на нее, мягкий свет одинокой свечи упал ему на лицо.

— Провожу инспекцию... вещей твоего отца.... давно надо было. Все эти воры...

Фейт окинула комнату взглядом. Подушки были разрезаны, их содержимое вывалилось наружу. Ящики лежали на полу. Даже несколько половиц были отодраны.

— Мама знает, чем ты занимаешься?

— Фейт! — дядюшка Майлз приглушил голос до шепота. — Ты и я, мы пришли к мнению, что твоя мать не в себе и лучше не беспокоить ее подобными вопросами!

Фейт уставилась на кожаный переплет и вырванные страницы, валявшиеся у ног дяди, — бесценные книги ее отца, искалеченные жестокой рукой.

— Мама! — закричала она.

Она возмущенно уставилась на дядюшку Майлза, пока наверху скрипели половицы. Но вот по лестнице спустились шаги, и, шурша крепом, показалась Миртл.

— Господи, ну и крик! Говард ранен? — Она встала рядом с Фейт в дверях и окинула взглядом комнату. — Майлз! — Миртл была потрясена.

— Мне пришлось взять дела в свои руки, — покраснев, объяснил дядюшка Майлз.

— Дела? — Миртл вошла в комнату. — Это не *твои* дела, Майлз! Ты не имеешь права! Эти вещи принадлежали моему мужу! Моей семье! Мне!

— Пришло время что-то поменять, — произнес дядюшка Майлз. Он отступил на шаг, не только на один. — Миртл, на раскопках я поговорил с Ламбентом. Он сказал, что слушание назначено на завтрашний день. У нас почти не осталось времени.

Плечи Миртл поникли, и она вновь стала выглядеть старше и более усталой, чем обычно.

— Это правда? — Фейт повернулась к матери. — Об этом было написано в письме доктора Джеклерса?

Мать поколебалась, затем кивнула.

— И ты считаешь, что милый доктор настолько увлечен тобой, что поддержит твою историю? — Дядюшка Майлз тихо и печально хмыкнул. — Думаю, если бы у тебя было достаточно времени, так и случилось бы, но время истекло.

— Не будь так уверен, — заявила Миртл с вызовом, однако было ясно, что она блефует. — Он влюблен в меня.

— Не сомневаюсь, но ты слишком много хочешь от этого человека! Ты хочешь, чтобы он лжесвидетельствовал. И не забывай, что Ламбент, будучи магистратом, решает, оплачивать ли услуги коронера, и он может не заплатить, если приговор коронера покажется ему сомнительным. Нет, моя дорогая, я думаю, что разумный, хладнокровный деловой человек вроде доктора Джеклерса предпочтет две гиней хорошенькой, но непредсказуемой вдове.

— Если мне придется давать показания... — Миртл выпрямилась.

— Если ты будешь давать показания, то станешь предметом сплетен, и больше

ничего. — Дядюшка Майлз больше не выглядел взломщиком, застигнутым на месте преступления. — О тебе и так уже все говорят, что ты продолжаешь принимать посетителей после смерти мужа. Ты думаешь, что присяжные будут к тебе снисходительны, если ты нахально явишься в качестве свидетельницы? И какие у тебя еще есть свидетели? Прайт не станет лгать, я слышал это своими собственными ушами.

— Мама, разреши мне дать показания! — взмолилась Фейт.

Доктор Джеклерс не стал ее слушать, когда она заговорила об убийстве, но, может быть, присяжные станут. Нельзя упустить такую возможность.

— Нет! — с ужасом отрезала Миртл. — Ты еще даже не прошла конфирмацию, у тебя пока чистая душа, Фейт, не разбрасывайся ею!

— Тогда позволь мне сказать правду! — сокрушенно воскликнула Фейт. — Никто не поверит в нашу историю, потому что это ложь! Мы с самого начала должны были сказать правду!

— Фейт, иди к себе в комнату! — велела Миртл со вспыхнувшим лицом.

— Нет, — ответила Фейт.

Взрослые удивленно уставились на нее. Впервые Фейт подумала, что она может спорить с ними на равных.

— Мы не могли сказать правду, не можем сказать ее и сейчас! — выпалила Миртл. Ей было трудно дышать — корсет слишком сильно сжимал грудь. Ее большие глаза блестели, метая искры. — Правда в том, что твой отец бросил нас — бросил, не подумав о последствиях, о том, что будет с нами. Он поступил так, как поступал всегда. Сделал по-своему, оставив нас барахтаться как слепые котята!

Фейт стиснула кулаки, глаза защипало. Пусть ее мать умрет, умрет, умрет.

— И ты *действительно* будешь барахтаться, — вмешался дядюшка Майлз, не дав Фейт ничего сказать, — если не послушаешь меня. Миртл, с этого момента все изменилось. Ты нуждаешься во мне. Если мне придется заботиться о вас, ты должна позволить мне распоряжаться. Мне нужно...

— Все, — горько договорила Миртл. — Ты хочешь забрать все, что у нас есть...

— Я знаю, как добыть изрядную сумму денег, — перебил сестру дядюшка Майлз. — На острове есть один уважаемый человек, который щедро заплатит за бумаги и живые образцы твоего мужа. Если я возьмусь обеспечивать твою семью, мне нужны средства!

— Кто? — спросила Фейт. — Кто этот уважаемый человек?

На лице дяди изобразились скука и хитрая расчетливость. Бесполезно, поняла Фейт. Личность покупателя — его козырь. Он не хочет, чтобы Миртл сама продала ему то, что у нее есть.

— У тебя правда нет выбора, — с мягкой настойчивостью сказал дядюшка Майлз, и на глазах Фейт Миртл начала поддаваться.

— Мама, но у нас есть выбор! — возразила Фейт. Мать должна настоять, чтобы дядюшка Майлз прекратил переворачивать дом вверх дном. — У нас есть деньги дома и в банке, я помню, как отец говорил об этом! Он отложил часть на обучение Говарда и на мое приданое! Я никогда не выйду замуж, так что мы можем жить на мое приданое!

Миртл уставилась на нее широко распахнутыми голубыми глазами. По ее щеке сбежала слеза, она машинально смахнула ее ладонью, опустила глаза, и ее плечи поникли.

— Фейт, — сказала она, — принеси бумаги отца.

— Они все это время были у тебя?! — Дядюшка Майлз бросил осуждающий взгляд на

Фейт.

— Она ни при чем, — устало сказала Миртл. — Это я велела ей спрятать всё в укромном месте. Твоя взяла, Майлз. Тебе этого недостаточно?

— Нет, — ответила Фейт. Слова прозвучали без ноты дерзости, как когда она отказалась выйти из комнаты. Это было тихое холодное «нет», которое упало на пол, как булыжник.

— Фейт... — В голосе Миртл слышалось предупреждение.

— Нет. — Фейт отступила на несколько шагов, качая головой. Она подумала было согласиться, сходить за бумагами и принести все, кроме зарисовок его галлюцинаций и дневника, но дядя наверняка увяжется вместе с ней. Кроме того, она лишь бегло просмотрела остальные бумаги, а вдруг в них тоже есть важные факты о дереве лжи?

— Фейт, делай, что мать велит! — Дядюшка Майлз двинулся к ней, и его круглое лицо больше не выглядело добродушным.

— Мама, он должен признаться, кто предлагает ему деньги! — заявила Фейт. — Дядя Майлз лгал нам, он привез нас сюда, потому что хотел участвовать в раскопках на Вейне! Ему сказали, что он может присоединиться, только если убедит отца приехать. Это был подкуп...

Фейт умолкла, потому что дядюшка Майлз схватил ее за руку. Ей стало больно, и она с ужасом осознала, что он причиняет ей боль намеренно.

— Замолчи! — Дядя Майлз казался как будто выше ростом. — Где бумаги? — Он резко встряхнул Фейт, и ее голову мотнуло.

Она попыталась разогнуть его пальцы, но он сжал ее руку еще крепче и поволок из комнаты.

— Покажи мне!

— Майлз, прекрати! — крикнула Миртл сзади.

Фейт не была сильной, но никто и никогда не пользовался ее слабостью. Теперь она поняла, что эта угроза всегда будет с ней, будет таиться в каждой улыбке, поклоне, каждой поблажке, сделанной ей как девочке. Покров был сорван, и правда обнажилась во всем своем безобразии. Ее туфли скользили по полу. У основания лестницы она поскользнулась и упала на ступеньки, больно ударившись. Дядя Майлз без колебаний потянул ее вверх, поднимая на ноги, и тут Фейт ударила его изо всех сил. Его лицо исказилось, желваки заходили от ярости. Она поняла, что сейчас он ударит ее в ответ. Расплющит ее лицо, как меренгу.

— Отпусти мою дочь!

Послышался звук глухого удара, и дядюшка Майлз вскрикнул, схватившись свободной рукой за затылок и оборачиваясь. Сзади него стояла Миртл. Мать подняла кочергу, готовая ударить снова.

— Миртл, ты спятила?

— Отпусти ее немедленно, Майлз, или, бог свидетель, я позову слуг! — Миртл говорила все громче, и ее последние слова эхом отдались по вестибюлю.

Дядюшка Майлз нервно оглянулся, словно ожидал, что из соседней комнаты выбежит Прайт и набросится на него. Сглотнул. Повисла долгая пауза.

— Таково твое решение? — спросил он.

Миртл в ответ молчала, выставив кочергу перед собой, словно шпагу.

— Тогда разбирайтесь сами со своим бардаком, — кисло сказал дядюшка Майлз, отпуская Фейт.

Он сделал шаг в сторону лестницы, но кочерга в руке Миртл дрогнула, и тогда дядюшка побежал в холл, схватив пальто и шляпу, затем вылетел из дома и исчез в ночи, оставив дверь нараспашку. Рука Миртл с кочергой безвольно повисла. Она подошла к двери, захлопнула ее и медленно двинулась в гостиную. Потрясенная, Фейт, дрожа, последовала за ней. Мать бросила кочергу к остальным каминным приборам, замерла, стоя к Фейт спиной, и спрятала лицо в ладонях. Ее плечи затряслись. Достав носовой платок, Фейт робко положила руку на плечо.

— Мама...

Миртл отдернулась от ее прикосновения, развернулась и вдруг ударила Фейт по лицу. Несильно, но кожа Фейт вспыхнула.

— Почему ты не отдала ему бумаги? — крикнула мать надтреснутым голосом. — Он нам нужен! А теперь... я просто не знаю, что делать.

— Он предал отца. — Боль и потрясение Фейт снова сменились гневом. — И он нам не нужен. У нас есть...

— У нас ничего нет, Фейт! — прокричала Миртл. — Ничего! Ничего! Мы жили в доме который отцу предоставила церковь. После его смерти этот дом перейдет к новому священнику. У нас нет дома и нет денег. — Миртл устало вздохнула. — Ты говоришь, мы можем жить на твое приданое, — со страдальческой гримасой продолжила она. — Приданого не будет, как и денег на образование Говарда и даже на еду. Если бы он умер по независимым от него причинам или от старости, нам бы достались его сбережения... но самоубийство — это преступление. Как только следствие уличит твоего отца в суициде, всю его собственность конфискует власть.

Фейт уставилась на нее, раскрыв рот. Наконец-то она начала понимать, почему мать солгала о месте, где обнаружили тело, и зачем дядя требовал передать ему отцовское имущество.

— Но... почему *мы* должны страдать? Это жестоко и бессмысленно!

— Мир жесток и бессмыслен, — горько ответила Миртл. — Так поступают всегда в случае самоубийства, делая исключение только для душевнобольных. Думаю, уже слишком поздно менять показания и объявлять твоего отца сумасшедшим. Кроме того, это может нанести тебе вред в будущем, если все буду думать, что в твоих жилах течет кровь сумасшедшего.

— Ты ничего не говорила мне об этом. — Фейт ощупала место пощечины. От нее скрывали правду, и ей же попало за то, что она ее не знала.

— Проблем было довольно и без того, чтобы рассказывать тебе, что с нами сделал твой драгоценный отец.

— Как ты смеешь так о нем говорить! — Фейт вспыхнула от злости. — Он никогда не бросал нас! Его ударили! Это убийство!

— Что ты несешь? — Голос Миртл был тихим и утомленным.

— Я пыталась сказать тебе, но ты не слушала! Его убили в лощине. Ударили сзади. А потом отвезли в тачке к обрыву и сбросили.

— Что? Кто? — Миртл недоверчиво нахмурилась.

— Какая тебе разница? — закричала Фейт. Она зашла слишком далеко, чтобы остановиться. — Отец умер, а все, что тебя волнует, — платья, побрякушки и заигрывания! Ты даже не стала ждать, пока его похоронят! Я видела тебя! Я видела тебя с доктором Джеклерсом, когда тело отца лежало на ковре!

— Как ты смеешь! — Голос Миртл больше не был нежным. Он был громким и резким, как шипение разъяренной кошки. — Ты думаешь, я это делала из тщеславия? Я боролась за выживание нашей семьи, и единственное оружие, которое у меня есть, — это внешность! Мне было *нужно*, чтобы доктор Джеклерс объявил смерть твоего отца несчастным случаем. Мне было *нужно*, чтобы мистер Клэй изменил фотографию и мы могли использовать ее, чтобы рассеять слухи в Англии. Так что я строила из себя богатую хорошенькую вдову, рассчитывающую на них и благодарную настолько, чтобы, может быть, однажды выйти за кого-то из них замуж. Это война, Фейт! Женщины находятся на поле сражения, как и мужчины. У нас нет оружия, и наша борьба незаметна. Но мы должны сражаться или погибнем.

Лицо Фейт горело. Она впервые слышала, чтобы мать говорила с ней начистоту, без жеманства. Ее голос был резким и некрасивым.

— Ты отвратительна, — сказала Фейт, вздрогнув. Она бы хотела, чтобы ее слова были правдой, но увы.

На секунду Миртл опешила, будто ее ударили, но потом гнев снова взял верх.

— Я тебя не узнаю! — Мать смотрела на Фейт так, будто у той выросли рога. — Откуда эта злость? Я так старалась, воспитывая тебя, Фейт, но ты никогда не понимала меня по-настоящему. Это все равно что говорить с лунатиком...

— Я всегда бодрствовала! — перебила Фейт. — И всегда была злой!

— Ты кричишь на меня! — Нижняя губа Миртл задрожала, и не только от гнева. — Ты в точности как твой отец...

— Да! — завопила Фейт. — Да! Я как он, а не как ты! Я вся в него и совсем не похожа на тебя! — С этими словами она развернулась и выбежала из комнаты, пытаясь поскорее забыть слова матери.

«Ты отвратительна». Фейт зажала уши, бегом поднимаясь по лестнице и пытаясь выбросить эти слова из головы. Это и правда так, сказала себе она. Миртл заслужила. Но она все время вспоминала обиженный взгляд матери. Боль в ее глазах напомнила Фейт о том, как у нее самой сердце рвалось на части в библиотеке во время разговора с отцом. Да, Миртл сражалась грязными средствами, но она боролась за выживание семьи. Как Фейт могла упрекать ее в безнравственности? Ведь ее собственные поступки уже привели к тому, что пострадали люди.

Она наострила уши. Из детской Говарда доносились слабые шорохи и поскребывания. Она поднялась на лестничную площадку, повернула ручку двери, ведущей в дневную детскую, и услышала внутри шарканье и топот. Когда она вошла, комната казалась пустой. Под столом валялась тетрадь Говарда. Брошенный карандаш катился по полу.

— Говард? — окликнула Фейт. Она не хотела переходить в ночную детскую, на случай если он выбежит из укрытия и выскочит в холл за ее спиной. — Выходи, Говард!

Тишина.

— Говард, я достаю театр! — Ее осенило вдохновение. Она устроилась на полу и вытащила игрушечный театр из коробки.

Что-то скрипнуло, и в дверях ночной детской появилась маленькая фигурка мрачного заплаканного Говарда.

— Ах вот ты где, — Фейт облегченно вздохнула.

Говард бочком вошел в комнату с унылым видом, явно ожидая, что его будут бранить.

— Почему все кричат? — спросил он.

— Не обращай внимания, Говард. — Фейт сама едва слышала свой голос.

Когда Говард опустился рядом с ней на колени, прислонившись к ее боку, она обняла его.

— Говард, — ласково произнесла она, — нам нужно поговорить о пистолете.

Говард спрятал лицо в ее рукаве и отрицательно покачал головой.

— Не-е-е-ет! — был его приглушенный ответ. — Нет-нет-нет-нет! Он мне *нужен*! —

Снова показалось его личико с блестевшими от безысходности глазами. — Покажи спектакль, Фейт!

Фейт взглянула на маленькую сцену, и силы внезапно оставили ее. Она действительно хотела порадовать Говарда, но, глядя на декорации с деревьями цвета слоновой кости, она могла думать только об огромной ладони, которая искала ее, пока она пряталась. Мертвый глаз нарисованной луны завораживал. Она внезапно почувствовала растущий ужас.

— Говард... — прошептала она. — Я... не могу. Не сейчас.

— Пожалуйста!

У Говарда снова был этот дикий взгляд. Он был напуган. Он хотел, чтобы она снова ответила на все его вопросы. Фейт подумала, что Говард совсем еще маленький. Может, поэтому ему так нравится крошечный мир, который он может изучить и контролировать. Фейт вытащила шута и покрутила его за палочку, наблюдая, как он кувыркается. Подумала о своих выдумках, заставлявших людей прыгать выше головы, дробить камень и делать трещины в головах других. Язык у Фейт пересох, голос дрожал, но под ее рукой фигурки

танцевали по белому лесу, сражались, насмехались друг над другом, кружились и умирали. Она зачарованно следила за ними, пальцы онемели. Она действительно ими руководит? Ее рука зачесалась, когда она взяла дьявола. Тот уставился на нее, оскалив клыки.

— Я хочу мудреца, — сказал Говард.

Фейт вывела на сцену крошечную фигурку мудреца с испачканным лицом. Значит, дело идет к концу.

— Мастер Говард! — пронзительно выкрикнул мудрец. — Что я могу сделать для тебя сегодня? У тебя есть вопрос ко мне?

Говард подтянул колени к груди и уставился поверх них. Несколько секунд он просто терся о них носом.

— Это из-за меня появился призрак? — очень тихо спросил он. — Я виноват, что не справился с ним и не смог его выгнать? И Жанна поэтому заболела, ушла отсюда и умирает? Это все я виноват? — Его голос стал громче, но более сиплым, из глаз покатались слезы.

— О нет! — Фейт уже с трудом могла пародировать голос мудреца. — Нет, мастер Говард, ты *хороший* мальчик...

— Но я не смог! — заныл Говард. — Я пытался! Пытался! Но я...

Он открыл свою тетрадь и начал листать страницы. Сначала буквы вполне можно было разобрать, хотя некоторые были перевернуты или сильно наклонены. Но страница за страницей карандашные каракули и значки становились все менее понятными, в них все больше сквозило отчаяние, и они все меньше были похожи на буквы. Некоторые напоминали какие-то безумные спирали. Их была целая кipa. Страница за страницей.

У Фейт сжалось сердце, когда она поняла, на что смотрит. Цитаты из Библии. «Призраки не приходят за хорошим маленьким мальчиком, который молится и переписывает цитаты из Библии правой рукой. Они причиняют зло только плохим людям». Ощувив приступ раскаяния, Фейт представила, как Говард каждый день с растущей паникой переписывает и переписывает Библию и каждую ночь лежит с открытыми глазами в ожидании призрака.

— Это моя вина? — снова спросил он дрожащим голосом.

— Нет! — Фейт сглотнула, но не могла сдержать дрожь в голосе. — Нет, все это не твоя вина, мастер Говард! О нет! Призрак ни разу не приходил сюда за тобой!

— Тогда за кем он приходил? — Говард схватился за носки своих туфель. — Зачем он делает Фейт вредной девочкой? Он приходил за ней?

Фейт вспомнила убийц, охотившихся за деревом лжи, и ее губы сложились в безмолвное *да*.

— Почему? — спросил Говард. — Почему он хочет навредить Фейт?

— Потому что она глупая злая девчонка! — взорвалась Фейт, не в состоянии больше сдерживаться. — Она все портит и все отравляет! И ей прямая дорожка в ад!

Она оттолкнула кукольный театр, вскочила и на трясущихся ногах выбежала из комнаты. На лестничной площадке наконец брызнули слезы. Рыдания затопили ее широкой волной, и она не могла больше ни о чем думать. Через какое-то время внимание Фейт привлекли странные звуки, доносившиеся из комнаты Говарда: топот, хруст, треск, что-то рвалось на куски. Она обернулась и заглянула в щелку. Говард топтался на кукольном театре, глаза блестели от слез, из носа текли сопли. Ярко раскрашенная сцена треснула, и весь театр смялся. Рядом валялись сломанный стержень и бумажная фигурка с оторванной головой. На голову была надета китайская шляпа.

— Ох, Говард! — Фейт подбежала к нему, упала на колени и начала собирать останки мудреца. — Что ты наделал? — Не было больше ее маленького оракула. Ее охватило ужасное чувство утраты.

Говард подошел к ней с блестящими от слез глазами.

— Убил его, — очень тихо ответил он. — Я убил мудреца. Он... он сказал, что ты попадешь в ад! Но... теперь он умер! Я не хочу, чтобы ты попала в ад!

— Ох, Говард! — Фейт наклонилась, протянув руки, и Говард, спотыкаясь и шаркая, бросился в ее объятия. Она крепко-крепко обняла его.

— Он больше не сможет навредить тебе? — всхлипнул Говард ей в ухо.

— Тсс, — сказала Фейт, — нет... я... нет. Он умер. Он больше ничего не сделает. Ты... спас меня, Говард.

Говард долго плакал, а Фейт его успокаивала, глядя по голове. Но вот рыдания наконец стихли, она вытерла лицо брата носовым платком.

— Пойдем, — сказала она, отводя его в детскую.

Глаза Говарда широко раскрылись, когда она сняла с вешалки его синий пиджак и открыла складной нож. Сначала Фейт отпоролла стежки, которыми был пришит к боку левый рукав, а потом изрезала всю ткань длинными полосами, снова и снова.

— Дурацкий уродливый пиджак, — сказала она, и у нее перехватило дыхание, — ты больше никогда, *никогда* не будешь его надевать. Говард, ты можешь переписывать Библию левой рукой и вообще пользоваться ею, когда захочешь.

Брат с сестрой молча стояли и смотрели на то, что осталось от пиджака, словно заговорщики. Пиджак явно был мертв. Мертв, как мудрец.

— Ты боишься призрака? — спросил Говард.

— Да, Говард, — тихо ответила Фейт.

Говард залез под кровать, пошуршал там и снова выбрался наружу. Неохотно положил маленький холодный предмет в ладонь Фейт.

— Только верни, когда застрелишь призрака, — молвил он.

В руке Фейт лежал маленький карманный пистолет с пузатым дулом. Пистолет ее отца.

Похоже, пистолет все еще был заряжен, хотя ударный капсюль отвалился. Фейт точно знала, что минимум одну ночь пистолет находился вне дома, но по крайней мере тогда не шел дождь, значит, есть надежда, что порох не отсырел. В любом случае, она не собиралась перезаряжать его. Она видела, как это делает отец, но это слишком сложный процесс, включавший манипуляции с барабаном, и она точно не помнила, в какой последовательности и что надо делать. Вместо этого она установила новый капсюль, спрятала пистолет в ридикюль и засунула его в карман.

— Оставайся со мной в детской, — с надеждой предложил Говард. — Я буду стоять на страже. Ты сможешь застрелить призрака из моего окна.

Фейт поколебалась. Остаться дома, в безопасности, было очень соблазнительно, но слушание назначено на завтра. Если она к тому времени не найдет доказательства того, что было совершено убийство, ее отца похоронят в неосвященной земле как самоубийцу и их семья окажется на улице.

— Продолжай наблюдать, — сказала она. — Если увидишь кого-нибудь в саду, сразу беги за мамой, миссис Веллет или Прайтом и скажи им, что видел. Мне... надо отправиться на секретное задание. Ты же никому не скажешь, правда, Говард?

Она совсем недавно кормила дерево ложью о мисс Хантер, но эти слухи расползлись настолько широко, что даже стали причиной поджога, кражи и насилия. Вполне вероятно, что на дереве уже созрел плод. Это хоть немного оправдало бы ужасные последствия пущенных ею слухов. Дерево лжи не выходило у нее из головы. Она чувствовала, как его лозы прорастают в ее мозгу и даже сейчас тянут ее к себе.

Фейт подумала было о том, чтобы добраться до грота по суше, более безопасным путем, но решила, что на лодке быстрее, к тому же так меньше вероятность быть замеченной. Когда она гребла в сторону грота, то чувствовала, как холодный ветер проникает во все дыры ее многострадального траурного платья. Полная луна светила ярко, прочертив на серо-черной зыби молочно-белую дорожку.

Азарт Фейт при мысли о дереве лжи потух. Теперь ее мучили дурные предчувствия. Ей пришлось напомнить себе, что само по себе дерево никому не причинило вреда, во всем виновата только ее ложь. Но эта мысль пробудила в ней все самое худшее. Если она сейчас сдастся, значит, весь нанесенный ею вред был напрасным. Сейчас уже слишком поздно признавать поражение. На секунду она задумалась: вдруг отец чувствовал то же самое и, занимаясь махинациями, постепенно погружался в пучину отчаяния, вместо того чтобы признаться, что все, что он сделал, было ужасной ошибкой? Они будто игроки, проигравшие слишком много, чтобы перестать делать ставки.

Она позволила морской волне втянуть ее в пещеру, почувствовала, как дно царапает галька, спрыгнула на сушу и привязала лодку. Наступило время пожинать плоды экспериментов. Осторожно сняв толстую ткань, закрывавшую фонарь, Фейт заменила ее несколькими слоями марли, приглушавшими свет, словно паутина, но пропускавшими слабое свечение. Если она права, это не причинит вред дереву.

С фонарем в руке она поднялась в главную пещеру и оцепенела. Проем перед ней был исчерчен извивами черных лиан, как будто кто-то взял кусок угля и исчеркал все вокруг. Она сделала несколько шагов вперед, морозный запах обжег нос и горло. Со времени ее последнего визита дерево заполнило всю пещеру. Это было как в волшебных сказках. Фейт вспомнила старый рассказ о детях, которые убежали из дома ведьмы и бросили за собой волшебный гребень, превратившийся в огромный густой лес.

Фейт осторожно протянула руку и погладила ветки, большая часть которых словно спускалась с потолка. Изящные и гибкие, они легко подались, когда она отвела их рукой. Она медленно проникла в незнакомые джунгли, ощущая, как липкие листья гладят ее по лицу. Ветки сомкнулись за ее спиной. Слабого света лампы было недостаточно, чтобы сориентироваться, и она быстро сняла показания с компаса-клинометра отца, чтобы найти направление, если потеряется. В последний раз плод был у самой сердцевины растения. Оставалось надеяться, что в этот раз будет то же самое, иначе она никогда его не найдет. Идти вперед оказалось легче, чем она ожидала, несмотря на усталанный лианами пол. Ей пришлось пару раз нагнуться, чтобы пройти под толстыми спиралевидными ветками, но чаще всего побеги растения скользили по ее плечам так же осторожно, как ее змея. Странно, но ей показалось, что дерево радо ее обществу.

Ее направляли грубые разветвляющиеся лианы на полу. Они все росли из сердцевины растения, поэтому она просто следовала за ними. Чем глубже она заходила, тем громче становились на фоне рева воды текущие голоса, но слов было не разобрать. Иногда ее ухо горело, как будто кто-то прижимался к нему губами и пытался что-то прошептать. Перед ней

возник каменный уступ, теперь весь покрытый черными усиками растения. На нем в тусклом свете слабо мерцала темная паукообразная масса. Фейт прошлась пальцами по листве, пока не нащупала что-то маленькое, круглое и твердое, свисавшее с ветки, словно новогодний шарик. Оно осталось в ее руке — безупречный миниатюрный плод.

Кладя его в карман, краем глаза Фейт заметила какое-то движение. Она резко повернулась, подняв фонарь и осматриваясь. Со всех сторон видимость была ограничена извивающимися сплетениями веток. Фонарь почти не рассеивал мрак. На фоне рева моря и отдававшегося эхом шепота в пещере невозможно было расслышать шорох шагов. Фейт засунула руку в ридикюль, лежавший в кармане, и достала отцовский пистолет, потом сняла его с предохранителя, готовая выстрелить в любую секунду. Выдохнула и крепко сжала фонарь другой рукой.

Примерно в десяти футах от нее листва снова дрогнула. На этот раз Фейт точно знала, что ей не померещилось, в переплетении веток она заметила черное пятно. Оно было выше нее и напоминало человеческую фигуру. Бежать было некуда. Она стояла здесь с фонарем на виду. Кто бы он ни был, он уже увидел ее, и если он не шевельнется, она потеряет его след. Фейт направила пистолет прямо на пятно, ее сердце металось в груди, как птица.

— Я тебя вижу! И знаю, что ты видишь меня! Выходи вперед, медленно, или я буду стрелять! — Она понятия не имела, хватит ли ей мужества нажать на курок, даже если на нее нападут, но каким-то образом не позволила ужасу просочиться в свой голос.

Темный силуэт шевельнулся и медленно покачнулся. Секунду она думала, что он сейчас нырнет обратно в тень и скроется от нее. Потом он начал приближаться, подняв руку и раздвигая лианы. Наконец он приблизился достаточно, чтобы слабый золотистый свет упал на его лицо. Незванным гостем оказался Пол Клэй.

Глава 31

Уинтербурн

Пол Клэй, союзник и враг Фейт. Ее охватили страх и недоверие. Он обнаружил ее логово и видел больше, чем она могла позволить кому бы то ни было.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она, продолжая целиться в него из пистолета.

— Убери пистолет! — потребовал он, моргая в слабом свете лампы. — Это ты что здесь делаешь? Что это такое? — Он окинул взглядом чернильные джунгли.

— Как ты нас нашел?

— Нас? — Пол пришел в замешательство.

— Меня и дерево.

— Оно твое? — Он уставился на лианы. — Что *это*? Откуда оно взялось? Ты убереешь пистолет или нет?

Фейт ничего не ответила, ее рука с пистолетом не сдвинулась с места.

— Ну и оставайся тут со своим смертоносным плющом, — проворчал Пол, отступая на шаг. — Надеюсь, вас ждет приятный вечер.

— Я не могу тебя отпустить. — Фейт знала, что ее рука дрожит, несмотря на то что пистолет легкий.

— Что? — Сердитое выражение на лице Пола сменилось тревогой.

— Кто-то ищет это дерево, — сказала Фейт. — И он убьет того, кому оно принадлежит. Этим убийцей можешь оказаться ты.

— Это что, шутка? — У Пола отвисла челюсть. — Ты сама просила меня о помощи!

— Хоть кому-то я должна была довериться! — Фейт видела, что он стоит с согнутой рукой, как будто что-то прячет. — Может, я выбрала не того человека. Убийц было двое. Они могут быть любовниками или сообщниками... или отцом и сыном.

— Эй! — крикнул Пол. — Мой отец мухи не обидел за всю свою жизнь!

— Откуда мне знать? Что я вообще знаю о любом из вас? Твой отец свободно посещал раскопки, он вполне мог перепилить звено цепи, опускающей корзину в шахту. — Тут Фейт вспомнила кое-что еще. — А в день нашего приезда он встретил нас, но повозка была слишком тяжелой, и он предложил выгрузить коробку с этим растением, чтобы посторожить ее. Он бы остался один на один с коробкой, если бы мой отец не воспротивился. Кто-то заходил в нашу оранжерею и сад в поисках растения. Его видели, только приняли за призрака. И я *знаю*, что ты рыскал в нашем доме, я тебя застукала! Ты ответил, что ищешь прядь волос моего отца, но откуда мне знать, что это правда? А теперь... теперь ты здесь. В том самом месте, которое пытается найти убийца.

Повисла пауза.

— Я был на вершине утеса, — наконец сказал Пол, — и видел, как ты гребешь...

— Что ты там делал так поздно? — перебила его Фейт.

— Фотографировал. — Пол осторожно повернулся и показал камеру, которую держал на сгибе локтя.

— Ночью? — спросила Фейт. — Это невозможно!

— Я фотографировал луну! — заявил Пол. — Я слышал, что можно сделать четкие снимки, на которых будут видны тени и вершины утесов. Каждый раз в полнолуние, когда небо чистое... я выхожу, чтобы попытаться счастья. — Он выглядел сердитым, и Фейт поняла,

что он в замешательстве. — Когда я увидел лодку, то предположил, что это ты. После того как мои друзья рассказали, что прошлой ночью ты будто растворилась на мысу, я подумал, что ты могла упасть в какую-нибудь пещеру. А когда я увидел, что ты скрылась в скале, я понял, в какую.

Фейт сильно закусила губу. Как ни странно, смущение Пола убедило ее сильнее, чем его камера.

— Так вот как ты нашел меня, — тихо произнесла она. — Но зачем? Зачем ты пошел за мной в пещеру?

«Зачем ты явился сюда и все увидел? Разве я могу теперь отпустить тебя?»

— Мне было интересно, — тотчас ответил Пол. Повисла долгая пауза, во время которой он опустил взгляд и слегка нахмурился. — Хотя нет... — произнес он. — Я не знаю, зачем я полез в яму за сумасшедшей. В этом не было никакого смысла. Каждый раз, когда я с тобой разговариваю, я и сам будто схожу с ума. С тех пор как ты и твоя семья приехали сюда, тут царит сплошное безумие. На Вейне никогда не было беспорядков, никто не поджигал дома! И прямо в середине всего этого ты! Ты зачем-то приходишь ко мне со своими дикими историями об убийствах, тачках и падающих корзинах... и я не могу не слушать тебя. «Бедлам»^[22] по тебе плачет, но почему-то я верю тому, что ты говоришь.

— Мне нельзя верить! — Мрак снова окружил Фейт. — Ты меня не знаешь! Я... я — чистый яд. Каждая ложь на Вейне — моих рук дело!

— Ты лгала мне?

Фейт подумала и поняла, что нет. Она сглотнула и ничего не ответила.

— Значит, твоего отца убили, — резко сказал Пол. — И никакая фотография его не вернет. А если ты так и не найдешь убийцу, тебя всю жизнь будет преследовать призрак. Я знаю, как это бывает. Моя мать утонула — ни тела, ни похорон, ни памятника на кладбище. Единственная фотография, которая у нас осталась, — это снимок, где она прячется под тканью. Ты ее видела, та, у нас на полке. Маленький мальчик на снимке — это я. Мой отец, он хорошо ко мне относится, но улыбается мне с таким видом, словно я — ее фотография. Иногда мне кажется, он ждет, когда я выйду из комнаты, чтобы продолжить разговаривать с ней у себя в голове.

Фейт поморщилась. Она чувствовала, как в ней прорастают побеги сочувствия. Она хотела уничтожить их, застрелить, сжечь.

— Ты хочешь, чтобы я пустила слезу? — произнесла она как могла холодно.

— Я хочу, чтобы ты определилась! — взорвался Пол. — То ты просишь моей помощи, то хочешь нас разорить, то делишься со мной секретами, то что-то скрываешь, то ищешь меня, то сбегает, то просишь об услуге, то целишься из пистолета... — Он скептически покачал головой. — Выбирай! Или ты мне доверяешь, или нет!

«Застрели его». Голоса в пещере твердили это в унисон. Пол слишком много знает. Пол слишком много хочет. Пол пробурил отверстие в ее голове и мешает ей думать здраво. Фейт с болью опустила пистолет. Когда она возвращала на место предохранитель, ей померещилось шипение дерева и показалось, что она предает отца и его секреты. Пол перевел дыхание и расслабленно опустил плечи.

— Что ж... уже слишком поздно мешать тебе глядеть на дерево, — произнесла Фейт, пытаясь унять дрожь в голосе. — Сейчас, полагаю, мне надо либо довериться тебе, либо застрелить. Но перезаряжать пистолет так утомительно. — Она с недовольством подумала, что ее слова звучат как извинение.

Пол сделал несколько осторожных шагов вперед.

— Я думала, ты уходишь, — коротко сказала Фейт.

— Я уйду только вместе с тобой. — Пол осмотрелся и с подозрительным видом отмахнулся от веток, свисавших ему прямо на лицо. — Это нехорошее место. Деревья не могут расти так быстро. То, что две недели назад умещалось в коробку, не может стать настолько большим. И я все время слышу... — Он смолк и покачал головой. — С этим растением творится что-то очень странное.

— Я сама не все понимаю, — призналась Фейт, словно оправдываясь. — Я понимаю откуда оно берет влагу, и наверное, оно добывает минералы и питательные вещества из скалы, но его стремительный рост... — Она пожала плечами. — Может быть, оно плотоядное.

— Оно ест людей? — недоверчиво спросил Пол.

— Не совсем. — Фейт протянула руку, поглаживая ближайшую ветку. Она чувствовала себя ревнивой собственницей. Это *ее* дерево, секреты *ее* отца. Но только, опустив пистолет, она совершила что-то непоправимое. Она доверилась Полу и этим проделала огромную уродливую дыру в своей броне. — Оно питается человеческой ложью, — продолжила она. — Ложью, в которую верят. Это симбионт — вид, который существует, взаимодействуя с другим видом. Люди кормят дерево ложью, а оно взамен дает плоды, которые вызывают галлюцинации, открывающие разные тайны. По крайней мере, так считал мой отец.

— Он не ошибся? — прямо спросил Пол.

«Разумеется, он не ошибся! — хотелось крикнуть Фейт. — Мой отец был гением, и, разумеется, он знал, что творил! Конечно же, он не стал бы губить свою карьеру и семейное состояние просто так!» Но вместо этого она поймала себя на том, что холодно анализирует то, что случилось с деревом. Вдруг созревание плода было лишь совпадением? Что ценного она узнала из этих видений?

— Не могу сказать наверняка, — неохотно призналась она. — Фрукт как будто раскрывает третий глаз и показывает мне вещи, о которых я не знала... но я не готова поклясться, что они отвечают реальности. — Фейт прищурилась. — Я буду знать наверняка, когда мы поймем убийцу.

— Ты ела плоды этой штуки? — Это явно пугало Пола больше, чем пистолет.

— Да, и я пришла сюда снова именно с этой целью. — Фейт сердито уставилась на него. — Я должна! Если тебе это не нравится, я никого не держу. Или можешь помочь мне. Фрукт вводит меня в транс. Я пыталась привязывать себя, чтобы не бродить, как лунатик, но... у меня получилось не очень хорошо. Если бы кто-то присмотрел за мной, было бы здорово. И ты сможешь делать наблюдения.

Пол подошел ближе, глядя на веревку, висевшую у нее на плече. Это предложение совсем его не обрадовало.

— Пять минут назад ты мне шагу ступить не давала. А теперь хочешь, чтобы я охранял тебя, пока ты будешь без сознания?

— Ты сам сказал, чтобы я сделала выбор, — язвительно заметила Фейт.

Плод был горьким, как всегда, и она снова понеслась вниз по темной извилистой дороге под аккомпанемент ударов своего сердца. Потом стало слишком темно, чтобы что-то видеть, но она знала, что пробирается сквозь джунгли. Каменный пол под ногами исчез. Она карабкалась и взбиралась на сплетения лиан, похожие на висячие мосты, шла мимо мощных

узловатых деревьев, поднималась по огромным изгибающимся веткам, как по веревочным лестницам. И все это время воздух вокруг нее гудел от лживых историй. Любезная ложь. «Ты все еще прекрасна. Я тебя люблю. Я тебя прощаю». Ложь испуганная. «Наверное, кто-то взял это. Конечно, я англиканец. Я никогда раньше не видел этого ребенка». Предательская ложь. «Купите этот тоник, если хотите, чтобы ваш ребенок выздоровел. Я присмотрю за вами. Я не выдам ваш секрет». Полуложь и напряженное молчание вместо того, чтобы сказать правду. Ложь как нож, ложь как лекарство. Полоски тигра и темные пятна леопарда. И повсюду, повсюду ложь, которой люди обманывают себя сами. Мечты, будто срезанные цветы без питающего корня. Блуждающие огоньки, чтобы людям не было так одиноко в темноте. Пустая решимость и бессмысленные оправдания.

Ни одна ложь не подействовала на Фейт, она продолжала карабкаться, потому что почувствовала запах отцовской трубки. Огромное сплетение лиан шириной в десять футов, подвешенное, словно кокон, преградило ей дорогу. Из щелей поднимался тусклый голубой дым, и сердце Фейт болезненно сжалось от знакомого запаха. Она разорвала лианы, сделав дыру, а потом пролезла внутрь. Мрачный жаркий подвал. Темные следы от раздавленных комаров на беленых стенах. Единственное окно, крошечное и высоко расположенное, в нем отражалось тревожное пурпурно-серое небо. Снаружи долетали шум дождя и запах влажной земли.

На полу, застеленном соломой, лежал закованный в ножные кандалы мужчина в одежде джентльмена. Его темные усы и борода когда-то были аккуратно подстрижены, но теперь выглядели неухоженно, подбородок и щеки заросли щетиной. Волосы пропитались потом и грязью, под глазами были темные круги.

— Вы должны помочь мне, — сказал он. — Вы должны поговорить с ними, Сандерли. Скажите им, кто я и почему здесь. У вас есть бумаги от консула, они вас послушают. Вы можете поручиться за меня.

Сначала Фейт подумала, что он обращается к ней. Потом рядом с ней кто-то выпустил струйку синего дыма. Она повернула голову. Рядом стоял ее отец, преподобный Эразмус Сандерли, с капельками пота из-за жары, но безупречный, как всегда. Фейт хотела обнять его, но строгий вид отца остановил девочку. Она забыла, каким он бывает недоступным. Этот холодный отстраненный взгляд делал его бесконечно далеким.

— Уинтербурн, сэр, — произнес он бесстрастно, — вы просите меня дать о вас показания, поручиться за вас честью джентльмена. Но я едва вас знаю. Мы познакомились менее двух недель назад. Я знаю лишь то, что вы и ваши спутники сообщили мне, и все сказанное показалось мне фантастичным и неправдоподобным.

— Пожалуйста! — отчаянно взмолился Уинтербурн. — Подумайте о том, что я здесь не один! Не только я пострадаю! Проявите сочувствие!

— Если вы докажете правдивость ваших слов, — продолжил преподобный, — то я вам поверю и смогу убедить власти. Скажите, где вы прячете дерево лжи. Если оно будет соответствовать вашему описанию, я поверю вам.

Мужчина в кандалах пораженно уставился на Эразмуса, потом рассердился и заупрямился. Несколько секунд Уинтербурн оценивающе смотрел на преподобного, и его лицо сделалось несчастным.

— У меня нет выбора, кроме как довериться вам, — горько произнес он. — Перед тем как меня схватили, я обнаружил кое-какие записи Киккерта. Если я правильно понял его карту, в трех милях к северу от его дома, на берегу реки, протекающей через бамбуковый лес,

есть одинокое строение. Думаю, растение спрятано именно там. Но поспешите, Сандерли!

Преподобный коротко кивнул, потом развернулся и, подойдя к двери, резко стукнул. Дверь открылась, и он вышел, бросив последний взгляд на заключенного. Секунду казалось, что он смотрит Фейт прямо в глаза с совершенно непроницаемым видом. Потом дверь захлопнулась. Фейт подбежала к ней, коснувшись грубой поверхности, и услышала скрежет тяжелого засова с той стороны. Прижав ухо к дереву, девочка услышала голос отца.

— Нет. — Его ледяной голос резал скальпелем. — Этот джентльмен утверждает, что мы знакомы, но он ошибается либо в бреду. Я никогда прежде его не видел.

Грохот дождя стал оглушающим. Мрак сомкнулся вокруг нее, словно кулак.

Фейт очнулась, промерзнув изнутри и снаружи. Ей никогда в жизни не было так холодно. Она вспомнила записи отца о встрече с Уинтербурном.

Я пообещал сделать все возможное, чтобы вызволить его, и он поделился со мной последними сведениями о местонахождении дерева лжи, умоляя меня найти его, если он сам не сможет. Я не сумел спасти Уинтербурна. Лихорадка погубила его, до того как я смог добиться его освобождения.

Значит, неспроста она почувствовала фальшь в этих словах, второе дно. Уинтербурн не просто так выдал местонахождение драгоценного дерева Киккерта — отец Фейт вынудил его. Преподобный вовсе не собирался спасать Уинтербурна. Он солгал, чтобы того не выпускали из сырой камеры, и отправился искать дерево. А Уинтербурн умер. Она слегка пошевелилась. На этот раз веревка, которой она обмотала себя за талию, не развязалась. Открыв глаза, невдалеке Фейт увидела Пола, сидевшего к ней спиной. Его очевидное безразличие заставило ее почувствовать себя еще более одинокой, но потом она заметила незнакомый носовой платок у себя в ладони.

Фейт коснулась руками лица и обнаружила, что щеки мокрые. Она плакала и не знала, как долго. Быстро промокнув слезы и придя в себя, она прокашлялась. Пол догадался, что можно оглянуться, тут же подошел к ней и подал бутылку с водой. Как обычно, его лицо ничего не выражало.

— Сколько времени все длилось? — скрипучим голосом спросила она.

— Час или около того, — ответил Пол. — Ты меня видишь?

Фейт кивнула.

— Видение закончилось. Какие у меня глаза?

Пол приподнял лампу и всмотрелся ей в лицо, а потом отдернулся, как ужаленный.

— Как расплавленное масло на сковороде, — ответил он. — Никогда не видел ничего подобного. Что это значит?

— Это значит, что я еще нахожусь под воздействием фрукта. — Онемевшими пальцами Фейт начала развязывать веревку. — Я... чувствую себя немного не в себе, впрочем, как и в прошлый раз. Не позволяй мне хватать крыс.

Пол кивнул, явно складывая кусочки головоломки воедино.

— На этот раз ты узнала, что хотела?

— Думаю, да. — Фейт с трудом ослабила веревку и, пошатываясь, поднялась на ноги. — Но мне надо заглянуть в приходскую книгу, чтобы знать наверняка. Где она хранится?

— В ризнице. Тебе лучше пойти отдохнуть.

— Нет. — Фейт покачала головой, прислоняясь к каменному столбу. — Слушание состоится завтра. К утру мне нужно разработать план. Но сначала я должна увидеть книгу не позднее, чем сегодня вечером.

— Тебе всегда так мало надо, да? — мрачно заметил Пол.

К удивлению Фейт, он не отказался.

Глава 32

Изгнание дьявола

Пока они шли, Фейт заметила, что Пол норовит держаться с краю, ближе к обрыву, видимо, опасаясь, что под влиянием фрукта Фейт может спрыгнуть со скалы. Они почти не разговаривали, пока не дошли до церкви.

— Старайся все делать как можно тише, — прошептал Пол, когда они приблизились к окованным медью дверям. — На одной из скамеек спит Жанна Биссет. Жди здесь, пока я принесу ключи от сундука. — И он побежал в сторону дома священника.

Фейт в одиночестве осталась стоять посреди церковного двора, дрожа от холода. В ярком лунном свете частицы витражей поблескивали, как чешуйки ящерицы. Сбоку от нее на небольшом расстоянии темнела могила, выкопанная для ее отца, с одной стороны которой возвышалась горка земли. Сама яма была предусмотрительно завалена наполненными чем-то мешками, чтобы помешать людям упасть в нее. Если бы не Жанна со своими злобными сплетнями, отец Фейт покоился бы в этой могиле под слоем земли, а не лежал бы в церковной крипте в ожидании неизвестного.

Фейт протянула руку и взялась за огромное металлическое кольцо в двери церкви. Оно повернулось, и, к ее удивлению, дверь открылась. По секундном размышлении она пришла к выводу, что Клэй, вероятно, решил не запирасть незащищенную девушку в здании. Она вошла. Без освещения и людей церковь казалась намного больше. Сквозь витражные окна проникали лунные лучи, проливая бледный свет на ближайшую скамью. Внутри было холодно, и от дыхания Фейт шел пар. Она нашла Жанну Биссет недалеко от нефа, та свернулась калачиком на одной из огороженных скамеек, укрывшись одеялом. Девушка дышала с тревожным присвистом. Ее бледная восковая кожа напомнила Фейт тусклые чешуйки ее змеи. «Я ничем не могу ей помочь, — сказала себе Фейт. — Все, что мне нужно, — это один день. А потом уже не важно, раскроют мою ложь или нет». Но темно-фиолетовые тени под глазами Жанны напомнили ей о Уинтербурне из ее галлюцинации. Может быть, отец твердил себе то же самое: «Все, что мне нужно, — еще один день, чтобы найти дерево. Уинтербурн протянет в тюрьме еще какое-то время. Как только я заполучу растение, я его освобожу».

Фейт подумала, что сделают люди, если однажды утром обнаружат на скамейке холодное посиневшее тело Жанны. Можно вытащить мешки из могилы отца и похоронить ее. Была в этой мысли какая-то мрачная поэзия. Фейт почувствовала прежнюю дрожь, как в тот день, когда она стояла у дверей отцовской библиотеки, собираясь с мужеством, чтобы постучать и признаться.

— Ох, ну почему я должна все время делать это ради *тебя*? — прошипела она. — Ты мне даже не нравишься!

В тишине ее слова прозвучали удивительно громко. Веки Жанны шевельнулись, и она очнулась. С ужасом в глазах уставилась на склонившуюся над ней фигуру в черном плаще, но потом моргнула и сфокусировала взгляд.

— Мисс Сандерли? — недоверчиво произнесла она.

— Тебе есть куда идти? — шепотом спросила Фейт.

— Куда идти? — Жанна с трудом села, и волосы упали ей на лицо. — Я не могу! Я не могу отсюда уйти!

— Но... если бы могла? У тебя есть на острове семья или друзья?

— Дядя... — Девушка еще не пришла в себя и явно пыталась понять, не снится ли ей Фейт. — Но...

— Нет никакого призрака! — выпалила Фейт, словно хотела оскорбить Жанну или обвинить ее в чем-то.

Жанна безмолвно покачала головой, на лице отразились страдание и измождение.

— Нет никакого призрака, — повторила Фейт. — Есть только... я. Призрак — это я. Я поменяла звонки. Я остановила часы. Я жгла отцовский табак в библиотеке и передвигала в доме вещи. Я подложила кошачий череп тебе в кровать.

По мере того как Фейт говорила, к Жанне возвращалась прежняя уверенность. Под конец глаза широко распахнулись, становясь все более темными и яростными.

— Ты? Почему?

— Потому что я тебя ненавидела, — просто ответила Фейт. — Ты всем наговорила, что мой отец самоубийца. Из-за тебя он остался без могилы.

Жанна вскочила на ноги, глядя на Фейт с таким видом, словно у той изо рта выползали змеи. У нее отвисла челюсть, она отрывисто и гневно задышала, в глазах от возмущения выступили слезы.

— Ты... ты *ведьма*! — Голос Жанны надломился. — Я надеюсь, что твоему ненаглядному папочке воткнут кол в сердце! Я надеюсь, это сделают прямо на твоих глазах! Я надеюсь, вся твоя семья окончит дни в работном доме!^[23]

Она была выше и сильнее, чем Фейт, и легко одолела бы ее в честной драке. Но, разумеется, эта драка не могла быть честной: Жанна Биссет понесет серьезное наказание, если ударит Фейт Сандерли, в отличие от Фейт Сандерли, которой ничего не будет за то, что она ударит Жанну Биссет. Бросать возмездие сверху всегда легче, чем подкидывать его снизу, и Фейт ощутила укол стыда при мысли об этом.

— Я всем расскажу! Всем! Ты и носа на улицу не посмеешь высунуть! — Жанна развернулась и, спотыкаясь, выбежала из церкви.

Через несколько секунд в дверях появился Пол со связкой ключей в руке. Он многозначительно оглянулся на церковный двор, а потом с любопытством перевел взгляд на Фейт.

— Она ушла, — сказала Фейт.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он.

— Зачем-то стираю в пыль все свои планы. — Некоторое время Фейт никак не могла ухватить ускользающую мысль, а сейчас она поймала ее. Правда, от нее она почувствовала себя только хуже, но все равно продолжала цепляться. — Думаю, ты скоро все узнаешь. Все узнают.

— Что ты имеешь в виду, говоря, что стираешь в пыль свои планы? — резко спросил Пол. — Только не вздумай сказать, что тебе больше не нужна та фотография!

— Нужна, конечно, — быстро ответила Фейт. — Ты сделал ее? Она готова?

— Это было нелегко, — проворчал он и, продолжая хмуриться, протянул ей снимок. — Это лучшее, что я смог сделать.

Фейт нервно задрожала, рассматривая фотографию. Пол взял снимок, который был сделан на раскопках в тот день, когда Фейт приступила к обязанностям рисовальщицы. На переднем плане, внимательно разглядывая рог тура, стояли доктор Джеклерс и Ламбент. Сзади и чуть сбоку располагались миссис Ламбент и Фейт, последняя была спрятана в тени

и попала в кадр лишь частично. А из-за бедуинской палатки высывался наполовину скрытый человек с очень знакомыми орлиными чертами лица, высоким лбом и холодными отстраненными глазами... Секунду Фейт не могла понять, как ее отца смогли поместить на фотографию почти целиком. Мгновенно она вспомнила дядюшку Майлза. Ему велели встать за палаткой и держать ткань, чтобы та не трепыхалась. Но он был в своем репертуаре и нашел способ наклониться вперед, чтобы попасть в кадр. Пол очень аккуратно вырезал лицо преподобного и приклеил его поверх дядиного. Жуткое впечатление.

— Это... — Фейт прикусила язык. Compliments были не приняты в их беседах с Полом, но в этом случае было трудно сдержаться. — У тебя здорово получилось, — угрюмо признала она.

Фейт бережно положила фотографию между страниц записной книжки и спрятала ее. Она и не надеялась, что Пол примет всерьез ее безумный вызов и сделает эту фотографию. Ее импульсивная выходка — одно, но это дело потребовало от него времени, усилий и аккуратности.

— Спасибо, — тихо добавила она, не уверенная, расслышал ли он.

Держа фонарь в руке, Пол довел ее до небольшой ризницы. Согнувшись, он отпер три замка на обшарпанном старомодном сундуке, откинул крышку и извлек огромную переплетенную в кожу книгу. Пол подал ее Фейт, и та начала ее перелистывать, сосредоточившись на записях о свадьбах. Дойдя до страницы со свадьбами «в год одна тысяча восемьсот шестидесятый», она остановилась.

— Нашла, — выдохнула она и постучала пальцем по аккуратно написанному имени.

— Это имя что-то значит для тебя? — спросил Пол, заглядывая через плечо.

Фейт кивнула.

— Теперь я знаю, кто убийцы, откуда они узнали о дереве и почему ненавидели моего отца, — прошептала она.

В дневнике ее отца ключ был с самого начала, но Фейт его не заметила. Ее глаза просмотрели одно маленькое предложение.

...обнаружил, что Уинтербурны остановились во второсортной гостинице...

Не Уинтербурн, а *Уинтербурны*. Гектор Уинтербурн путешествовал по Китаю вместе с женой. Преподобному было незачем упоминать о его спутнице, он не придавал значения ее существованию. В свете фонаря Фейт разглядела мраморные таблички на стенах. Ее взгляд цеплялся за женские имена.

Анна, возлюбленная мать...

В память дорогой сестры Элизабет...

Здесь покоится Амелия, любящая жена...

Кем они были, эти матери, сестры и жены? Что с ними стало? Пустые, безликие, как луна, отражающие чужой свет и преданно вращающиеся вокруг более крупного небесного тела...

— Незримые, — тихо молвила Фейт.

Женщины и девушки так часто остаются незамеченными, всеми забытыми, второстепенными. Фейт все время этим пользовалась, прячась у всех под носом и ведя

двойную жизнь. Но она не подумала, что кто-то может вести себя точно так же, осознав это лишь сейчас. В приходской книге была сделана запись о свадьбе Энтони Ламбента, эсквайра, и миссис Агаты Уинтербурн (вдовы).

Глава 33

Порох и искра

Наступил следующий день, бессердечно ясный и солнечный. Фейт разбудило немилосердно громкое пение птиц. Она снова проснулась с болью в глазах и ощущением, будто ее всю ночь колотили скалкой. Торопливо напившись, она вспомнила свои вчерашние приключения. Визит к дереву лжи, столкновение с Полом, посещение церкви, разговор с Жанной, открытие, сделанное ею благодаря приходской книге... а потом вынашивание плана и обсуждение его с Полом, возвращение домой через грот и затем по морю. Ей надо действовать быстро, пока Жанна не рассказала всему острову правду о ведьме Фейт. Хотя разоблачение больше не пугало ее. При мысли об этом она ощущала лишь безразличие и покорность. Она надеялась только на одно — что успеет разыграть свою последнюю карту, пока люди на раскопках не узнали все о Фейт.

Поскольку никто не собирался присылать за ней коляску, она накинула верхнюю одежду, взяла альбом и отправилась на место раскопок пешком.

— Мисс Сандерли! — Бен Крок изумленно уставился на Фейт, когда она появилась на раскопках в пыльной юбке и с блестящим от жары лицом. Он бросил взгляд на дорогу за ее спиной. — Вы пришли пешком, мисс?

— Сегодня днем будет слушание по делу моего отца, — ответила Фейт, немного запыхавшись после преодоления всех спусков и подъемов. — Вряд ли после всего этого моя семья останется на Вейне. Так что, возможно, это мой последний шанс побывать на раскопках. — Подумав о Миртл, она с беспомощным и неуверенным видом округлила глаза. — Думаете, джентльмены не разрешат мне побывать тут?

На секунду Крок растерялся, словно прикидывал, не отправить ли ему Фейт домой самому. Но экипажа под рукой не было, и Фейт рассчитывала, что он не заставит ее проделывать весь путь обратно пешком.

— Не думаю, что они станут противиться, мисс, — сказал он, бросив взгляд на узкое ущелье. — Сегодня джентльмены все равно заняты своим. Вчера туннель дотянули до пещеры. Теперь расчищаем путь, чтобы рассмотреть все получше.

— Что-нибудь нашли? — вежливо поинтересовалась Фейт.

— Немного гравия просыпалось в трещины, значит, под шахтой есть еще одна пещера, как мы и предполагали. Но нам преграждает путь толстый слой плотных пород, так что придется воспользоваться порохом.

— Полагаю, все джентльмены придут посмотреть на взрыв?

— Наверняка, мисс. — Рот Крока дрогнул, едва сдержав улыбку. — Не думаю, что кто-то пропустит такое.

Фейт подумала о том же самом. Если есть возможность проникнуть в волнующую новую пещеру, все ученые джентльмены захотят присутствовать при этом. Поскольку они не доверяют друг другу, то будут опасаться, не начнет ли кто-нибудь воровать кости для личной коллекции или называть окаменелости в свою честь. Все важные люди сегодня будут здесь. Она на это рассчитывала. Входя в ущелье, Фейт поймала на себе несколько любопытных взглядов, как и в день первого ее здесь появления, но все были слишком заняты, чтобы спрашивать, зачем она пришла. Дядюшка Майлз, как школьник, бесцельно слонявшийся

около входа в туннель, побледнел, увидев ее. Фейт одарила его едва заметной улыбкой, плоской, как у дохлой рыбы. Синяки от его пальцев до сих пор давали о себе знать. Он сразу же отвел глаза.

Она подошла к доктору Джеклерсу. Тот явно почувствовал себя неловко, хотя ему хватило самообладания, чтобы поклониться.

— Доброе утро, доктор Джеклерс, — мягко произнесла Фейт. — Как дела у мисс Хантер?

Достаточно хорошо, чтобы не прислушиваться к советам своего доктора. — Он нахмурил лоб.

Явно это было его больное место. Но Фейт испытала облегчение. Если мисс Хантер снова начала донимать доктора Джеклерса, значит, есть надежда, что она выздоравливает. Ламбент расхаживал по ущелью туда-сюда с веничком в руке. Присутствовали оба Клэя — отец и сын, Пол перетаскивал треножник и футляр. Землекопов на этот раз было больше, чем прежде, и все они были заняты тем, что сгружали мешки с гравием и песком возле входа в туннель, складывая из них низкую стену в форме подковы. Бедуинскую палатку, видимо, перенесли подальше от туннеля, но, бросив взгляд в сторону хребта, Фейт заметила ее раздувающуюся крышу. По всей видимости, ее поставили рядом с той шахтой, в которую спускали корзину-клетку.

Фейт примостилась в стороне на камне и открыла альбом. Вскоре к ней приблизился Пол Клэй и начал устанавливать треножник на неровной земле. Они даже не взглянули друг на друга. Ни один посторонний не заподозрил бы, что невозмутимый сын викария и застенчивая дочь священника находятся в сговоре.

— Она здесь? — прошептала Фейт, не двигая губами.

— Да, — пробормотал Пол, не отводя взгляда от основания треножника. — Палатку поставили повыше, чтобы ее не задело взрывом и она могла наблюдать, когда люди начнут опускаться в корзине. Ты уверена, что прием с призраком сработает?

Если Фейт права, убийц было двое, и они обладали разными темпераментами. Один отвлек ее отца, второй нанес смертельный удар. Один дрожал при мысли о призраке, второй отважился бродить там, где, по слухам, призрак являлся, и его самого приняли за привидение. Значит, лидер и ведомый. Слабое звено и сильное.

— Готова поспорить, что да. — Фейт вспомнила о памятных вещах в гостинной миссис Ламбент. — Она думает, что находится на грани смерти, поэтому проводит большую часть жизни, всматриваясь во мрак. Она вся обложилась молитвенниками и памятными венками.

— Скоро мы все узнаем. Когда закрутим гайки. — Пол перешел от слов к делу и быстро затянул винты на треножнике. — А насчет него ты уверена?

Фейт еле сдержалась, чтобы не посмотреть на Энтони Ламбента.

— Агата — преданная жена, — тихо сказала Фейт.

«Жена не всегда может сдержать порывы мужа, — сказала Агата Ламбент, — но она всегда должна стремиться защищать его от последствий».

— У нее есть причина, чтобы ненавидеть моего отца, но нет причин завладеть деревом, — продолжила она. — А у него есть. Он коллекционер, естествоиспытатель... и будет баллотироваться в парламент. Ни у кого нет таких возможностей распространять ложь, как у политика.

— Значит, нужно убрать его с дороги.

План Фейт заключался в том, чтобы давить на «слабое звено», пока оно не сломается.

Но план не сработает в присутствии «сильного звена».

— Когда они откроют вход в новую пещеру, все джентльмены захотят спуститься туда первыми. — Фейт прищурилась. — Надо убедиться, что у мистера Ламбента это получится.

Наконец баррикада из мешков с песком стала достаточно надежной. В туннель осторожно вкатили бочонок с порохом, а потом все вышли оттуда, кроме Крока. Джентльмены и землекопы присели в канаве за баррикадой, сосредоточив внимание на входе в туннель. Фейт усадили на безопасном расстоянии за большим камнем, а Пола, хранителя драгоценной камеры, попросили встать за другим камнем. Но они там не задержались надолго. Через некоторое время они встретились за скоплением палаток. Фейт быстро вытащила большую сумку из тайника между двумя камнями и протянула ее сообщнику. Пол без единого слова взял ее и начал карабкаться вверх, к дороге.

Осторожно выглянув из-за ближайшей палатки, Фейт увидела, как Крок выбегает из туннеля. На ее глазах он перепрыгнул баррикаду из мешков с песком и бросился ничком на землю.

— Горит! — крикнул он. — Пригнитесь!

Фейт нырнула обратно. Послышался сильный грохот, испугавший ее, хотя она была к нему готова. По крыше палатки что-то забарабанило. Она почувствовала во рту песок. Рискнув снова выглянуть, она увидела, что вход в туннель закрыло облаком дыма и пыли. Те, кто лежал за баррикадой, прижимали ко ртам носовые платки и сильно кашляли. Все были настолько заняты взрывом, что не заметили, как Фейт просочилась обратно на свое «безопасное место» и затем появилась оттуда как ни в чем не бывало.

Землекопы вошли в туннель, чтобы расчистить его от камней. После того как они вывезли несколько тачек с булыжниками, Крок доложил, что образовавшаяся дыра действительно ведет в еще одну пещеру.

— Думаю, отверстие достаточно большое, чтобы в него прошла корзина, сэр, — сказал он Ламбенту. — Мы можем опустить ее на лебедке вниз, в шахту, и дальше прямо в пещеру.

— Отличные новости! — Ламбент потер руки. — Крок, готовь корзину. Мы с тобой нырнем в глубины и увидим, какие сокровища явил нам этот взрыв!

— Э-э... — Клэй прокашлялся и неуверенно поднял руку, чтобы привлечь внимание собеседников. — Разве Кроку не следует остаться наверху, чтобы присматривать за лебедкой? Я бы с удовольствием присоединился к вам, мистер Ламбент.

— Или я! — вставил дядюшка Майлз.

— Сэр... — Крок прикрыл глаза ладонью, взгляд его был прикован к дороге.

По склону, постукивая копытами, медленно спускалась одинокая лошадь. Поводья волочились по земле.

— Это мой гнедой жеребец? — Ламбент уставился на коня. — Как он смог отвязаться?

Конь встряхнул светлой гривой и неторопливо продолжил брести по горе в сторону бедуинской палатки. Фейт не видела миссис Ламбент и не могла догадаться, как та к этому отнесется. Крок поднялся и побежал к лошади, при его приближении та нервно зафыркала, но в итоге позволила схватил себя за поводья.

— В стремях застряли ботинки! — крикнул бригадир. — Задом наперед!

Крок вынул один ботинок, внимательно рассмотрел его и замер. Бросил взгляд на Фейт, но с тревогой, а не подозрением. Потом Крок спустился в ущелье и продемонстрировал ботинок Ламбенту, что-то прошептав ему на ухо. Фейт знала, что они, должно быть,

рассматривают монограмму. «Э. Дж. С.».

— Лошадь без всадника с ботинками задом наперед в стремях? — тихо произнес Клэй. — Я слышал, так делают на военных похоронах.

Ламбент несколько секунд не двигаясь смотрел на ботинок. Потом размашистым шагом подошел к дядюшке Майлзу и сунул ботинок прямо ему в лицо.

— Ваших рук дело, Каттисток? — резко спросил он.

— Прощу прощения? — От замешательства лицо дядюшки Майлза стало казаться еще более круглым.

— Зачем вы играете с нами? — Ламбент навис над собеседником и словно стал выше и крупнее. Едва сдерживая чувства, он потряс ботинком. — Это ботинок, сэр. Вещь из кожи и гвоздей. Она не исчезает в моей руке, как дым. Это не привидение и не эфир. Это такой же твердый предмет, как вы или я, и полагаю, если бы я дал вам затрещину, остались бы следы.

Дядюшка Майлз торопливо отступил на шаг назад.

— Я вас не понимаю, Ламбент, — заявил он.

— Этот ботинок, — продолжил мистер Ламбент тихим, напряженным голосом, — явился сюда, как я подозреваю, из вашего дома.

Фейт никогда раньше не видела, чтобы Ламбент злился. После происшествия с корзиной он был вне себя от возмущения, но сейчас его злость была совсем другой. Когда он сжал кулаки, Фейт обратила внимание, насколько они большие. Секунду она чувствовала силу, едва сдерживаемую силу, словно реку, бьющуюся о препятствие и угрожающую выйти из берегов. Дядюшка Майлз повел себя так, как обычно делают загнанные в угол создания, — осмотрелся вокруг в поисках союзников, но никого не обнаружил. Когда его взгляд упал на Фейт, в его глазах что-то шевельнулось — возможно, он догадался, что ботинки преподобного на место раскопок могла принести она...

— Убирайтесь! — проревел Ламбент.

— Но мне обещали...

— Нет, не желаю ничего слышать! Прочь!

Бросив еще один подозрительный взгляд на Фейт, дядюшка Майлз покинул раскопки, стараясь не подать виду, что уязвлен.

— Мы и так потеряли много времени, — расстроено прорычал Ламбент. — Крок, готовьте корзину. Я спущусь вместе с Клэем.

— Пойдите! — Доктор Джеклерс не побоялся плохого настроения магистрата — его душила обида. — Мы не обсудили, кто спускается первым! Не слишком ли вы своевольничаете, Ламбент?

— Своевольничаю? Доктор, эти раскопки ведутся на *моей* земле и оплачиваются из *моего* кошелька!

— И вы вознаградили себя за это! — сквозь зубы ответил доктор.

— Прощу прощения? — холодно, тихим голосом произнес Ламбент.

— Сэр, маленькие птички напели мне, что не все наши находки попадают на сортировочный стол и не все они возвращаются из вашего дома, после того как их покроют защитным лаком.

Фейт не поняла, какие именно слухи из пущенных ею донеслись до него и в какой форме.

— Как вы смеете! — прогремел магистрат.

Фейт поняла, что доктора Джеклерса вот-вот вышвырнут с раскопок следом за

дядюшкой Майлзом. Это не входило в ее планы. Она согнула колени и мешком сползла на землю.

— Мисс Сандерли упала в обморок! — По пыльной земле застучали ноги.

Ее усадили и дали воды. Доктор забыл про свой гнев и начал щупать ей пульс. Фейт слабо махнула в сторону бедуинской палатки.

— Тень, — жалобно прошептала она.

Ей помогли подняться по склону и усадили рядом с миссис Ламбент. Жена магистрата даже не взглянула на нее. Как обычно, она по уши закуталась в шаль, но сегодня ее глаза были необыкновенно яркими и полными тревоги. Руками она машинально перебирала лежавшие перед ней карточки, словно слепая гадалка карты Таро. Но это, конечно, были не карты. Это были фотографии, сделанные во время раскопок и доставленные утром Полом Клэем. Они слегка подрагивали на ветру.

— Миссис Ламбент. — К ней подошел Пол и слегка поклонился с торжественным видом наемного участника похоронной процессии. — Мой отец посылает меня домой за химикатами и спрашивает, не хотите ли вы, чтобы я что-нибудь принес вам из города?

— Нет, спасибо, мастер Клэй.

Пол снова поклонился, повернулся, готовый уйти, еще раз наклонился, потом выпрямился, держа в руке фотографию, и не глядя положил ее в стопку изображением вниз. Это было сделано так ловко и естественно, как будто он просто поднял ее с земли. Парень бросил мгновенный взгляд на Фейт. Никто из них не улыбнулся, но она медленно прикрыла глаза: «Спасибо».

Тем временем лебедку подготовили к работе, и магистрат с викарием постепенно погружались во мрак. Доктор Джеклерс то и дело бросал на них возмущенные взгляды, но не покидал свою пациентку. Поблизости с удивительным спокойствием щипал траву конь магистрата, привязанный к лебедке скользящим узлом. Некоторое время спустя к бедуинской палатке подошел Крок, приветственно поднеся руку ко лбу.

— Они добрались до низа и сейчас в полной безопасности, мэм, — доложил он. — Говорят, внизу огромная пещера и они проведут там как минимум полчаса.

— Ему не стоило спускаться, — тихо проговорила миссис Ламбент. — Сегодня дурной день, несчастливый...

Отсутствующим взглядом она скользнула по фотографиям. Вдруг лицо ее застыло. С отвисшей челюстью она издала задыхающийся хрип, похожий на предсмертный.

— Миссис Ламбент! — Доктор Джеклерс вскочил на ноги, Крок бросился к ней.

Жена магистрата безотрывно смотрела на самую верхнюю фотографию, часто и прерывисто дыша.

— Этот силуэт, выглядывающий из-за палатки!

— Все в порядке, — мягко сказал доктор, — я видел этот негатив, это просто мистер Каттисток сражается с брезентом.

— Нет! — Миссис Ламбент выпрямилась в кресле и поднесла фотографию к лицу доктора. — Взгляните! Посмотрите на это лицо! Разве вы не видите, кто это? Это Эразмус Сандерли! Я узнаю его лицо где угодно!

— Откуда? — негромко, но ясно спросила Фейт. — Откуда вы его знаете? — Ее голос прорезал разговор, словно лезвие.

Доктор, уставившись на фотографию, в замешательстве поднял глаза.

— Мм... хороший вопрос. Откуда вы его знаете? Я думал, вы никогда не встречались.

— Он приходил к нам в гости, — просипела миссис Ламбент.

— Но вы там не виделись, — сказала Фейт. — Вы не вышли к ужину, потому что иначе *он узнал бы вас*. Вы пересекались в Китае, где вы путешествовали вместе с мужем — мистером Гектором Уинтербурном, умершим от малярии. Люди думают, что вы питаете слабость к джину, миссис Ламбент, но я уверена, что доктор Джеклерс знает правду. Ведь он ваш доктор, и он точно знает, откуда у вас эти приступы лихорадки из года в год. Может быть, именно доктор Джеклерс сказал вам, что джин с тоником помогает излечиться от малярии.

Дыхание миссис Ламбент стало свистящим, а ее глаза нервно моргали каждый раз, когда она делала вдох.

— Доктор, миссис Ламбент нехорошо! — нахмурившись, Крок внимательно смотрел на жену своего нанимателя.

— Пожалуйста, доктор, дайте мне договорить! — настойчиво сказала Фейт. — Дело касается смерти моего отца, и у меня есть доказательство, письменное доказательство!

Она видела, как в голове доктора Джеклерса сражаются врач и коронер.

— Продолжайте, — кивнул он Фейт. Впервые его взгляд, направленный на нее, не был ни снисходительным, ни полным досады.

— Миссис Ламбент раньше носила фамилию Уинтербурн, — сказала Фейт. — Подтверждение вы можете найти в приходской книге. Мой отец оставил дневник, где написал о встрече с Уинтербурнами, когда они путешествовали вверх по реке в поисках некоего ботанического образца. Когда мистера Уинтербурна арестовали, мой отец не смог добиться его освобождения...

— Не смог! — гневно выкрикнула миссис Ламбент. — Он подговорил их оставить Гектора в этой вонючей дыре! С тем же успехом он мог заколоть его!

Фейт почувствовала облегчение. Вспышка миссис Ламбент подтвердила ее догадки. Слабое звено ломалось, в точности как Фейт и надеялась. Теперь ей надо еще поднажать и выбить от нее признание.

— Утром в день гибели мой отец получил анонимное письмо, в котором ему угрожали раскрыть его прошлое и требовали встретиться в лощине Булл-Коув в полночь. — Фейт поколебалась, но рискнула. — Мне потребовалось много времени, чтобы найти это письмо. Но теперь, когда оно у нас есть, определить почерк будет легко.

Почему-то мысль о почерке на секунду встревожила Фейт. В мозгу, словно муха о стекло, билось какое-то воспоминание, но это было просто жужжание и не более того.

— Нет... — прошептала миссис Ламбент. — Он сказал, что сжег письмо... — Она дышала с трудом, выкатывая белки глаз.

— Я знаю, что эта ловушка была идеей вашего мужа, — продолжила Фейт. Она встала и подошла к Агате. — Вы никогда не стали бы рисковать своим честным именем. Вы же хорошая жена.

— Миссис Ламбент, пожалуйста, расскажите нам все, что знаете. — Наконец в докторе Джеклерсе победил коронер. Он наклонился, серьезно и торжественно глядя прямо в глаза жене магистрата. — Закон уважает честность. Если вы заговорите сейчас, это может спасти вас в будущем.

Миссис Ламбент открыла рот, но из него вырвались только сипение и хрип. Наконец с видимым усилием она набрала воздух в легкие и выкрикнула одно короткое слово:

— *Бен!*

Перед глазами Фейт пронеслась какая-то тень. Бен Крок резко подскочил и схватил доктора Джеклерса за шею, с силой отклонив его назад. Одновременно миссис Ламбент вскочила на ноги и словно клещами сжала запястья Фейт.

— Крок, что, черт возьми...

— Разберись с ним, Бен! — выкрикнула миссис Ламбент.

Даже не поведя бровью, Крок оттащил доктора от палатки, развернул его и сбросил в шахту. Падая, доктор махал руками. Когда он скрылся из виду, страховочные канаты задрожали, словно струны арфы. Фейт оставалось только надеяться, что они замедлят его падение.

— Ты что, только что уничтожил моего мужа, Бен? — в ужасе спросила Агата Ламбент, продолжая сжимать руки Фейт.

Крок наклонился и прислушался.

— Думаю, нет, мэм. Он кричит. Как вполне здоровый человек.

Землекопы невозмутимо наблюдали за происходящим. Не возмутились, не побежали, чтобы схватить Крока. Они просто смотрели на него... нет, они ждали от него приказов. Все они были его землекопами, если они вообще были землекопами. Их всех нанял Крок.

— Теперь ты, маленькая гадюка, — сказала Агата, переключая внимание на Фейт. — У тебя дневники твоего отца. Ты знаешь его секреты. *Где мое дерево?*

В голову Фейт закралось подозрение, что ее выводы были правильными лишь частично.

— *Ваше* дерево?

Наконец Фейт все поняла. Слишком поздно до нее дошло, что именно вызывало в ней беспокойство. Почерк. Почерк Ламбента на предписании коронеру, размашистый, с завитушками и крупными буквами. Короткое письмо Миртл от миссис Ламбент в день похорон — маленькие аккуратные строчки. Скрупулезные подписи на этикетках в кунсткамере...

— Тот кабинет! Это *ваши* почерк на этикетках. Все эти образцы никогда не принадлежали вашему мужу. Они *ваши*.

Разгадка все время была у нее под носом, поняла Фейт. Она вспомнила чучело змеи, душившей мангуста. Неудивительно, что оно было так похоже на ее питомца. Это тоже цейлонский лазающий полоз. Должно быть, Агата приобрела его во время поездки в Китай.

— У меня прекрасный вкус по части мужей, — сказала Агата, — но они, к сожалению, дилетанты.

Ее дыхание понемногу успокоилось, глаза взирали твердо. Как только ей пришло в голову, что слабое звено — это Агата, подумала Фейт.

— Я сделала ту же самую ошибку, что и все остальные, — задумчиво произнесла Фейт. — Все это время настоящим естествоиспытателем были вы. Это не Уинтербурн повез вас на поиски дерева, наоборот. И мистер Ламбент...

— ...Прекрасная благородная душа, — благочестивым тоном договорила Агата, — прислушивающаяся к мудрым советам.

Картинка, изображавшая властного мужа и его преданную болезненную жену, рассыпалась у Фейт в голове. Теперь она видела импульсивного, увлеченного мужчину, направляемого умной и мстительной женщиной.

— Вы убедили мужа пригласить моего отца на Вейн. — Фейт представила, как Ламбент схватился за эту мысль, словно щенок за мячик, и поверил, что это была его идея. — Вы велели ему нанять Бена Крока.

Наконец Фейт поняла, почему Агата столько времени проводила на раскопках и почему Крок то и дело подходил к ней. Пока Ламбент разгуливал с важным видом и позировал в панталонах, его жена исподтишка руководила раскопками. И, поняв это, Фейт почувствовала странную смесь ликования, разочарования и печали. Перед ней был мифический зверь, в существование которого никто не верил: женщина-ученый.

— Мы могли бы стать друзьями, — сказала Фейт.

— Как видишь, у меня есть друзья, — холодно ответила Агата, указывая на молчаливых землекопов. — Наша дружба родилась в Китае, где мы все чуть не сгнили заживо в той тюрьме из-за козней твоего отца.

— Но это безумие! — Фейт все еще пыталась осознать свое положение. — Что вы будете делать? Людей в пещере будут искать! Меня будут искать! Сюда приедут проводить расследование. — Ее взгляд упал на шахту. — Если вы поднимете доктора Джеклерса наверх, может быть, он не умрет. Иначе это будет убийство, и все будут знать, что виноваты вы!

— На нас напали, — возразила Агата, не моргнув глазом, — те же самые негодяи из

города, которые бросались камнями пару дней назад. Они застали нас врасплох, сбросили бедного доктора в шахту и некоторое время бушевали, пользуясь внезапностью, пока мы не отогнали их и не подняли наших друзей наверх. В зависимости от того, насколько ты будешь упряма, ты можешь в панике сбежать или упасть, сломав шею.

Фейт взглянула на Крока. «Я же вам нравилась, — подумала она. — Вы меня жалели». Но с оглушающей ясностью она поняла правду. «Вы были добры ко мне только из чувства вины. Вы убили моего отца».

— Простите, мисс, — сказал Крок. — Я делал все что мог, чтобы вы были в безопасности.

Мысленно Фейт видела, как Крок подпиливает звено на лебедке, а потом в панике прикрепляет страховочные канаты, когда в корзину вместо преподобного садятся двое детей.

— Но я обязан миссис Ламбент жизнью, — продолжил он. — Я был бригадиром мистера Уинтербурна, и меня тоже отправили в тюрьму. Я бы умер там, но миссис Ламбент не бросила меня. Она оставалась в этом гнилом городе, пока не убедила их выпустить меня... но к тому времени заболела малярией. — Его глаза все еще напоминали небо, но сегодня оно было по-зимнему морозным.

— Дерево, мисс Сандерли, — сказала Агата. — Мы все заслужили этот приз. Это ключ к процветанию, которого мы так долго были лишены. Это наше право.

Хотя Фейт было больно это признавать, слова Агаты были справедливы. Уинтербурны никогда не владели деревом, но они потратили годы на изучение слухов, только чтобы его похитили у них из-под носа. «Они убийцы», — шептало Фейт горе. Но преподобный стал причиной смерти мужа Агаты. Фейт оценила эту холодную расчетливую месть. Она могла бы посочувствовать своим врагам, если бы не присутствовала при том, как доктора Джеклерса швырнули в шахту.

— Прошу вас, мисс. — Улыбка Крока была дружелюбной, но таила в себе угрозу.

— Я... — Фейт поникла. — Я спрятала растение. Я... я могу показать вам листья, и вы скажете мне, оно это или нет.

Агата отпустила руки Фейт, а Крок встал рядом, следя, чтобы Фейт не бросилась бежать. Фейт сунула руку в карман. Ее пальцы скользнули по ридикюлю с пистолетом и на секунду замерли на нем. Но если она вытащит пистолет, не снятый с предохранителя, Крок выхватит его. А если она взведет курок в кармане, все услышат щелчок. Поэтому она достала отцовскую табакерку. Протянула ее, но не осталась стоять на месте.

— Листья там? — Агата жадно дернулась к табакерке.

Как Фейт и надеялась, при этом миссис Ламбент оказалась под лучами солнца.

— Смотрите сами. — Фейт открыла коробочку и резко высыпала ее содержимое на Агату.

Фрагменты листьев вспыхнули на солнце, платье миссис Ламбент тотчас загорелось. Крошечные язычки пламени с шипением прожгли хлопок и тафту. Крок схватил какую-то тряпку и набросил ее на платье Агаты, чтобы сбить огонь. Фейт бросилась бежать. До того как землекопы очнулись, она успела подбежать к пасущейся лошади, отвязать узел и вставить ногу в стремя. Потом послышались крики и хруст камней под торопливыми шагами. Лошадь вздрогнула и нервно попятилась. Фейт подпрыгнула что было сил, надеясь оседлать ее. Но вместо этого повисла на седле, как мешок картошки, и тут лошадь понеслась вскачь.

Фейт отчаянно вцепилась в противоположный край седла, потому что испуганная

лошадь перешла на быстрый галоп, и с каждым движением седло ударило девочку в грудь. При каждом толчке пальцы ее готовы были сорваться, и она вот-вот должна была упасть на землю. Фейт чувствовала, как на ее рукавах трещат швы. «Как хорошо, что мать никогда не надевала на меня взрослый корсет», — подумала она.

Теперь копыта лошади стучали по дороге, а не по траве. За спиной еще раздавались крики, но голоса становились все тише. Несколько минут она неуклюже болталась на лошади, а потом разжала пальцы и с болезненным ударом приземлилась на пыльную дорогу. Лошадь замедлила бег и остановилась. Пошатываясь, Фейт встала на ноги, колени были разодраны. Прихрамывая, девочка подошла к лошади и сделала несколько попыток сесть на нее, но лошадь была оседлана для мужчины. На Фейт слишком много юбок, чтобы сидеть верхом, а сидя боком, она соскальзывала. Ей оставалось только идти пешком. Нельзя было терять ни минуты. Единственным преимуществом Фейт были быстрые действия. Но, с другой стороны, ее преследователи не имели ссадин, не были измучены, не испытывали на себе действие галлюциногенного фрукта и им не нужно было сражаться с тремя слоями юбок. Более того, эти люди знали, куда она направится. Они знали, где она живет.

К тому времени как Фейт добралась до тропинки, ведущей в Булл-Коув, нижняя юбка приклеилась к коже из-за крови, сочившейся из ее колена. Миссис Веллет открыла дверь и с ужасом уставилась на растрепанную запыленную Фейт. Миртл возникла рядом с экономкой секунду спустя.

— Фейт, где ты была? Где... О господи, что случилось?

Она затащила Фейт в столовую. Пока миссис Веллет ходила за аптечкой, Миртл рассматривала дочь, робко трогая кончиками пальцев ее свалевшиеся волосы, царапину на ухе, прорехи в платье.

— Милая, ах, милая, что с тобой произошло? Кто-то... кто-то...

Фейт не сразу уловила направление мысли Миртл.

— Нет. — Фейт всплеснула руками и попыталась успокоиться. — Нет, меня не ограбили. Я просто упала... ударилась... и бежала. Сюда направляется банда убийц, мама! Нам нужно уходить немедленно, или они нас убьют!

— Убийц? Что ты несешь, Фейт?

— Отец занимался в Китае ужасными вещами, — выпалила Фейт. — Он стал причиной смерти одного человека и украл уникальный ботанический образец, а теперь люди, которых он обидел, хотят отомстить. Миссис Ламбент, Бен Крок, землекопы... мама, нет времени объяснять, нам нужно уходить! Пожалуйста, пожалуйста, поверь мне хоть один раз!

В этот момент вернулась экономка с бутылочкой целебного бренди. Секунду Миртл колебалась, высунув кончик языка и хмурясь.

— Миссис Веллет, пожалуйста, приведите Говарда. Мы должны уйти немедленно, пешком. На нас собираются напасть какие-то преступники.

— У Прайта есть дробовик? — с надеждой спросила Фейт.

— Прайт уволился вчера днем, — рассеянно ответила Миртл.

— Но... — Фейт вспомнила, как вчера вечером Миртл угрожала дядюшке Майлзу, что слуги вышвырнут его из дома.

Мать поймала ее взгляд и грустно улыбнулась.

— Да, милая, — ответила Миртл. — Я блефовала.

Миссис Веллет вернулась вместе с Говардом.

— По нижней дороге или по верхней? — прошептала Миртл себе под нос. — Если пойдем по нижней, спрятаться или бежать будет некуда. Если по верхней, можем сократить путь через луга или спрятаться в кустах...

— Мэм... — Миссис Веллет прокашлялась. — Надо... пойти по нижней дороге.

— Почему? — Миртл удивилась непрошеному совету.

Миссис Веллет с неловким видом поджала губы и втянула подбородок. Если бы она могла спрятать голову в воротник, как черепаха, она бы наверняка это сделала, подумала Фейт.

— Если мы пойдем по нижней дороге, мы встретим экипаж, — наконец произнесла миссис Веллет. — Кое-кто едет... повидаться со мной.

Нижняя дорога и море только и делали, что заигрывали друг с другом, но сегодня они были особенно увлечены. Прилив набирал силу, заставляя огромные волны с шумом разбиваться о берег. Посвежевший ветер приносил с моря брызги и наполнял воздух маленькими радугами. Миссис Веллет терпеливо вела Говарда за руку, в то время как Миртл в своем безупречном черном платье сражалась с порывами ветра, и ее плотная вуаль колыбалась от шумного дыхания. Никто из них не взял с собой багаж или хотя бы веер. Руки и ноги Фейт болели после падения с лошади, колено ныло, и начинал сказываться недосып. Время от времени ее голова будто наполнялась ватой. Она постоянно оглядывалась, боясь преследования.

Грохот застал Фейт врасплох. Она слишком устала, ослепла от солнца и не могла понять, откуда он доносится. Потом что-то хрустнуло на дороге в нескольких футах, и она обернулась, увидев, что позади нее упал и раскололся на части красновато-коричневый камень.

— Они над нами, на утесе, бросают камни! — Фейт придвинулась ближе к удаленной от моря стороне дороги. — Сюда, быстрее! Под выступ!

Остальные последовали ее примеру и тесно сгруппировались под крошечным каменным навесом.

— Должно быть... уфф... они думали, что мы пойдем... уфф... по верхней дороге, — задыхаясь, сказала Миртл.

— Теперь они знают, где мы, — пробормотала Фейт. — Кто-нибудь из них вернется и перекроет нам дорогу назад.

Еще один, более крупный, камень рухнул совсем рядом с беглецами. Осколок отскочил и задел Говарда, который заплакал от боли и смутения. Этот плач пронзил Фейт в самое сердце, вызвав у нее приступ ярости. Чуть дальше впереди дорога резко шла под уклон и потом снова выравнивалась. И там единственной защитой от яростного капризного моря был волнорез. Шум воды оглушал. Каждая волна поднималась сверкающей шапкой белой пены над краем волнореза и с плеском обрушивалась на дорогу, окатывая утес. Один бурлящий всплеск промочил их всех до нитки. Дорога размокла от соленых луж. С дрожью Фейт вспомнила, что в день их приезда эта дорога была затоплена. Она не помнила время приливов и вполне допускала мысль, что волны поднимутся еще выше. Хуже всего было то, что, когда Фейт оглянулась, сквозь искрившиеся на солнце брызги воды в отдалении она заметила силуэты людей.

— Они идут! — крикнула она.

— Где карета? — воскликнула Миртл.

— Послушайте! — завопила миссис Веллет.

Донесся стук копыт, настолько слабый, что его почти не было слышно. Потом он усилился, и наконец из-за поворота вдалеке показалась двуколка, запряженная низкорослой лошадкой. Копыта цокали, колокольчик звенел. Двуколкой на большой скорости управлял наездник в красно-коричневом жакете для верховой езды и шляпе. Когда экипаж приблизился, Фейт рассмотрела черные волосы и широкую повязку на лбу. Это была мисс Хантер.

Мисс Хантер увидела, как к ней бегут несколько человек, и выражение ее лица сменилось с радостного на удивленное.

— Джейн! — окликнула она. — Ты привела с собой семью?

— Трудные времена, Леда, — крикнула миссис Веллет, зашпешив к ней с Говардом на руках. — На них напали, пришлось помочь им бежать. — Ее глаза ярко сверкали, и она казалась моложе, чем обычно.

— Ясно. — В улыбке Леды Хантер угадывалась легкая печаль, которая нередко сопутствует искренней привязанности.

— Вы сможете развернуть двуколку на этой дороге? — Когда Фейт произносила эти слова, сверху опять упал камень, осыпав карету гравием.

Ширины дороги вполне хватало, и мисс Хантер начала разворачивать двуколку. Из ее аккуратных кос выбилось несколько прядей, и от этого она казалась шаловливой и безрассудной.

— Не стоило тебе никуда ехать с такой раной, — с упреком прошептала мисс Веллет, усаживая Говарда в карету.

Женщины обменялись едва заметными торопливыми улыбками. Но этого было достаточно, чтобы Фейт поняла, что миссис Веллет вовсе не была чересчур сдержанной, а мисс Хантер такой уж холодной. Девочка на миг ощутила некую высшую гармонию, как будто какая-то мелодия наконец сложилась.

— Быстрее! — крикнула Миртл.

Мужчины приближались. Они уже добрались до покатого отрезка дороги и бежали так быстро, как только могли по скользкой дороге. Один из них нес бочонок размером с большую шляпную коробку.

Мисс Хантер закончила маневр. Миртл помогли сесть в двуколку рядом с Говардом. Миссис Веллет тоже втиснулась в карету, протестуяще заскрипевшую от непривычной ноши.

— Фейт! Поднимайся!

Фейт в последний раз оглянулась и остановилась. Мужчины прекратили преследование. Они что-то делали у подножия скалы. Бочонок поставили рядом с волнорезом, сверху навалили кучу камней. А потом изо всех сил рванули прочь... Бочонок находился в двадцати футах от Фейт. Она бросилась к нему, несмотря на ноющее колено и отяжелевшие мокрые юбки. Она неслась что есть сил к зловещей каменной горке, зная, что, если она права, эта штука может взорваться в любую секунду.

Скорее всего, это была затея Крока, жестокая и вполне разумная. Нет смысла гнаться за беглецами в карете, если можно просто проделать дырку в волнорезе и позволить морю сделать всю грязную работу. Она добежала до кучи камней с колотящимся сердцем, в любую секунду ожидая, что разлетится на части. Сквозь камни едва виднелись деревянные доски и железные обручи погребенного под ними бочонка с порохом. До ее слуха донеслось слабое шипение. Из камней торчала толстая промасленная веревка длиной в фут, которую

пожирали оранжевые языки пламени. Фейт схватила веревку чуть выше места горения и дернула. Вережка легко отошла, и Фейт швырнула ее на дорогу прямо в лужу, где та с шипением и искрами погасла. Фейт раскидывала камни, пока не добралась до бочонка. Он был довольно увесистым, но девочка подняла его и швырнула за волнорез.

— Фейт! — завопила Миртл.

По склону дороги стучали шаги, неумолимо приближаясь к Фейт. Она повернулась было, чтобы броситься к двуколке, но знала, что уже слишком поздно. Она знала это уже тогда, когда бросилась к бочонку. Кто-то вцепился в ее воротник, потом перехватил ее за талию, причинив ей боль, и оторвал от земли. Миртл продолжала выкрикивать ее имя, когда второй мужчина пронесся мимо Фейт к двуколке. Послышались еще возгласы, снова начали падать камни, а потом раздалось ржание испуганной лошади. Когда лошадь понесла, двуколка дернулась, дико раскачиваясь, но быстро набрала скорость и скрылась за поворотом.

— Идите назад! — послышался знакомый голос.

Бежавшие за тележкой землекопы остановились и медленно стали возвращаться.

— Мы схватили ее, — сказал Бен Крок, поставив Фейт на землю.

Глава 35

Выжившая

Под сияющим голубым небом Фейт шла по тропинке на пляж, позади похрустывала галька под сапогами ее врагов. Затылок горел от предчувствия опасности. «Последний раз я иду по этой тропинке», — со странной невозмутимостью подумала Фейт. Она уже прикинула свои шансы на выживание. Агата Ламбент и Бен Крок не могут оставить ее в живых. Они убьют ее, как только получают желаемое. А кроме Фейт, вряд ли кто-то сможет доказать преступления Агаты и ее сообщника. Доктор Джеклерс мог бы свидетельствовать против них, но вряд ли он выжил. Улизнувшие от погони знали только то, что успела сказать им Фейт. Они мало что видели — группу мужчин, неразличимых на расстоянии, и падающие камни. Пол владел кое-какими сведениями из того, что удалось выяснить Фейт, но Агата и Бен были не в курсе этого, а Фейт не спешила уведомлять их.

Она почти ощущала присутствие других Фейт. Фейт, виновато идущей на пляж, чтобы спрятать перчатки среди камней. Фейт, крадущейся во мраке вместе с отцом. Фейт, обнаружившей человека на дереве. Фейт, одетой в траурные лохмотья и пробирающейся к лодке, обезумевшей от горя и жажды мести. Может быть, даже совсем маленькой Фейт на другом пляже, нашедшей первую в своей жизни окаменелость и жаждавшей заслужить одобрение отца. Все эти Фейт были далеко-далеко от нее. Фейт даже не знала, что она сейчас сказала бы им.

— Это лодка впереди? — глубоким контральто спросила шагавшая за ней Агата Ламбент.

— Да, — ответила Фейт. Откинув голову, она наблюдала за танцем крошечных белых чаек высоко в потоках сильного ветра.

Она больше не разделяла мысли Фейт, рожденные той ночью, когда она побывала на крысиных боях, что мир — это только зубы и голод, не более чем убийства и мертвые кости в пыли. «Голод не может объяснить, почему я так люблю синеву этого неба», — подумала она. Кто-то взял ее за руку и решительно повел на берег. Фейт продолжала прихрамывать: каждый раз, сгибая ушибленное колено, она чувствовала боль.

— Покажи нам пещеру, — сказал Крок.

Фейт махнула рукой в нужном направлении.

— Отсюда ее не видно.

— И другого пути нет? — спросил бригадир.

Фейт повернулась и уставилась в ясные, небесно-голубые глаза Крока.

— Вы *правда* думаете, что я снова и снова плыла бы на лодке по этим течениям, если бы был другой путь?

Секунду Крок изучающе рассматривал ее, потом коротко кивнул, признавая ее правоту. Это позабавило Фейт. Даже сейчас, на краю смерти, она все еще может лгать.

Для такого количества человек лодка оказалась слишком маленькой.

— Садись на корме, будешь указывать путь, — сказала Агата девочке. — Я сяду на носу, а мистер Крок будет грести.

Они втроем устроились в лодке, и землекопы столкнули судно в воду. Ночные прогулки давались бы Фейт куда легче, если бы ей помогала группа смертельных врагов. Прозрачные зеленые волны и бурлящая пена фальшиво блестели, словно бессмысленная улыбка. Лодка

поднималась на волнах вверх-вниз, оставляя в кильватере игривый жемчужный след, Крок управлялся с веслами намного проворнее, чем Фейт. Солнечные лучи проникали сквозь ткань шляпки Агаты, отбрасывая тень на ее лицо. Они вполне могли быть семьей путешественников. Фейт продолжала плясать под дудку своих тюремщиков, делая то, что они от нее хотели и что в итоге приведет ее к печальному концу. Но в результате она оказалась в обществе двоих врагов, а не семи.

— Что вы сделаете с деревом? — спросила она.

— Стану ли я публиковать статьи, потрясать научный мир и захочу ли стать объектом поклонения Королевского научного сообщества? — Низкий голос Агаты был полон цинизма и горечи. — Думаю, нет. Когда-то у меня были такие мысли. Но сейчас я лучше знаю мир.

— Вы думаете, что вам никто не поверит? — предположила Фейт.

— Уверена в этом. Это слишком в диговинку, слишком странно, и это открытие столкнет слишком большое количество ученых с насиженных мест. Может быть, это открытие звучало бы по-другому, исходи оно от джентльмена из хорошего рода... но от *меня*? Скорее всего, меня просто запрут в психиатрической лечебнице.

— Значит, вы собираетесь держать его в тайне и кормить ложью. — Фейт поймала себя на том, что злится. Если ей и придется умереть из-за растения, то убийцы, по крайней мере, должны воспользоваться им наилучшим образом.

— Скоро, с божьей помощью, мой муж станет членом парламента, — спокойно сказала Агата. — Хорошее место — появится чем кормить дерево, а он будет говорить то, что я ему скажу.

При мысли об этом Фейт стало плохо. В качестве члена парламента Энтони Ламбент сможет распространять масштабную всепроникающую ложь через палату общин по всей Англии.

— Секреты — это власть, — продолжила Агата, — и деньги, если использовать их правильно. Пусть я не могу прославиться, зато благодаря дереву могу разбогатеть.

— Но вы наверняка хотите изучить его! — воскликнула Фейт. — Наверняка это было в ваших планах! Вы не можете просто использовать его, не попытавшись объяснить!

— Есть вещи, которые наука не может объяснить, — нахмурившись, заметил Крок, сидевший на веслах.

Фейт и Агата хором начали возражать ему.

— Что за чепуха! — воскликнула Фейт. — Если какие-то вещи не нашли своего объяснения, это не значит, что объяснения вообще не существует! Когда-то считалось, что кремниевые наконечники изготавливались из белемнита. А англы верили, что римские руины построены великанами!

— На свете есть множество неотвеченных вопросов, но это значит лишь то, что мы нуждаемся в науке, а не то, что от науки нет прока, — резко возразила Агата. — В море плавает тьма непойманной рыбы, но это не признак того, что от рыболовных сетей нет пользы и их надо выбросить.

Фейт поймала себя на том, что согласно кивает.

— Но мы все знаем, что это за дерево! — возразил Крок, взглянув на Фейт. — Вы же дочь священника, вы знаете Библию от корки до корки, вы *должны* понимать, что я имею в виду!

Фейт потребовалась секунда, чтобы сообразить. Наконец она вспомнила загадочные отрывки из дневника отца и поняла их значение. «Я думал, может быть, дерево существует с

начала времен...»

— Дерево познания, — выдохнула Фейт, и внезапно ее охватила глубокая печаль. — Отец так думал. Нет... он надеялся, что это оно. Он хотел подтвердить слова из Библии.

— Надежда — опасная вещь для ученого, — холодным тоном произнесла Агата.

— Я не думаю, что это и правда дерево познания, — сказала Фейт. Ей было больно опровергать догадки отца и странно обсуждать этот вопрос со своим заклятым врагом, но она не могла удержаться. — Как это дерево может происходить из Эдема и питаться при этом ложью? Кроме того, плоды не приносят божественных знаний. Иногда мне кажется... — Она умолкла и нахмурилась, охваченная смутными подозрениями. — Может быть, «секреты» — это то, о чем человек уже догадывается, что он знает глубоко внутри.

Крок продолжал грести, но при этом хмурился. Фейт почувствовала, что ей удалось зародить разногласия среди своих противников. Крок, кажется, думал, что дерево — это запретное растение, из-за которого его душа будет проклята. Фейт видела, что он готов последовать за Агатой Ламбент в ад, но, похоже, он считал, что именно туда они и направляются.

Фейт узнала место.

— Вот грот! Пусть волна сама внесет нас внутрь!

Она никогда не приплывала сюда во время высокого прилива — в этот раз вода плескалась у самого устья пещеры. Когда волна с головокружительной силой швырнула их внутрь, им пришлось пригнуться к дну лодки, чтобы не ушибиться. Фейт слышала, как ее спутники издают удивленные возгласы, пока лодку несло и крутило по пещере, ударяя о стены. Наконец она села на мель, но не на покрытый галькой берег, как обычно, а на каменное плато над ним.

— Чем это пахнет? — спросила Агата.

Аромат дерева вонзался иглами в глаза и нос, охлаждал легкие.

— Деревом, — ответила Фейт.

Первым на берег выбрался Крок. Когда Фейт вышла из лодки, он крепко взял ее за руку.

— Не хочу упустить тебя в темноте, — сказал он.

На лодке затрепетал огонек, потом усилился — это Агата зажгла фонарь.

— Нельзя брать с собой фонарь! — тотчас объявила Фейт. — Яркий свет погубит дерево! Вы же видели, что произошло с листьями. Приглушите свет, он должен быть совсем слабым.

Обменявшись подозрительными взглядами, сообщники последовали совету Фейт. Она смутно видела вокруг себя очертания пещеры. Когда они подошли ко входу во вторую пещеру, Фейт не смогла сдержать вздох изумления. Перед ними простиралось черное сплетение лиан, настолько густое, что казалось, будто она стоит у провала в бездну. Огромные мощные ветви, покрытые черными листьями, стояли арками и извивались, словно складываясь в магические символы на непонятном растительном языке. Подняв фонарь вверх, Агата повела их к завесе из черных щупалец. Она протянула затянутую в перчатку руку и нежно погладила ближайшую ветку, потом потерла большой палец об указательный, чтобы почувствовать запах древесного сока. Ее глаза замороженно горели, одновременно в ее улыбке было что-то потерянное. Даже сияние ее глаз казалось пустым, словно отблеск золота в глазах старателя.

— Вот оно, дерево, — с придыханием произнесла она. — Мы нашли его. Спустила столько лет.

Агата отважно вошла в темные шевелящиеся джунгли и исчезла, унеся с собой фонарь и погрузив все во мрак. Впереди двигался и покачивался среди ветвей слабый свет — блуждающий огонек в лишенном солнца лесу.

— Иди сюда, Бен, — приглушенным голосом позвала Агата. — Оно не причинит тебе вреда.

Крок вошел внутрь, таща за собой Фейт сквозь шевелящиеся скользкие щупальца. Фейт пыталась понять, куда они идут, чтобы определить, где расположен выход из пещеры на утес. К несчастью, Крок слишком сильно сжимал ее руку, чтобы она могла вырваться и спрятаться среди лиан. Но даже в этом случае фонарь Агаты обнаружил бы ее, и Фейт не успела бы убежать слишком далеко. Она незаметно сунула руку в карман и нащупала рукоятку отцовского пистолета. Но в нем была лишь одна пуля, а убийц было двое.

— Можно по веткам дойти до сердцевины растения! — сказала Агата, поднимая фонарь и маня их за собой. — Они похожи на планки веера! — Она продвигалась в глубину, и лианы терлись о тафту ее юбок и с нежностью скользили по плечам. Кажется, Агата и дерево понравились друг другу, и Фейт почувствовала приступ нелепой ревности.

Но Крок морщился каждый раз, когда ветка задевала его лицо.

— Не обращайтесь внимания на голоса, — прошептала Фейт. — Вы к ним привыкнете. — Ей доставляло удовольствие видеть, как напрягается Крок, прислушиваясь к шепоту пещеры.

Чем дальше они шли, тем громче становились голоса, и Фейт тоже начала нервничать. Теперь сердцевина растения являла собой огромный клубок из выгибающихся и переплетающихся лоз толщиной со ствол дерева. Глядя на это зрелище, Фейт чувствовала, как стучит у нее в ушах, словно там рвется бумага. Казалось, что извивающиеся ветки пульсируют и мерцают при каждом ударе. Боковым зрением она видела, как крошечные побеги мрака сочатся из сердцевины, делая воздух темнее и плотнее.

Агата рассмеялась и поставила ногу на нижнюю ветку, свернутую в кольцо. Фейт не понимала, то ли она хочет обозначить таким образом, что дерево теперь принадлежит ей, то ли хочет забраться наверх, как ребенок. Крок нахмурившись посмотрел на хозяйку.

— Мы увидели то, что хотели увидеть, — произнес он. — Пойдем?

Он взглянул на Фейт, и его лицо омрачилось. Она поняла, что бригадир уже представляет ее мертвой. Он внутренне готовится убить ее и заранее раскаивается. Его терзает мысль, как сделать это быстро. Если она не подбросит своим преследователям новую тему для размышления, они придут к мысли, что пора избавиться от нее.

— Куда вы так торопитесь, мистер Крок? — спросила Фейт с деланным нахальством. — *Боитесь?* После всего, что вы сделали, после того как убили столько людей? Это просто *растение*. Оно образует связь с одним человеком, а все остальное — лишь потоки в магнетическом поле.

Агата застыла и обернулась:

— Прошу прощения?

— Животный магнетизм, — энергично продолжала Фейт. — Он погружает в транс, вызывает видения, позволяет живым существам воздействовать друг на друга на расстоянии, его физические эффекты...

— Я знаю о теории животного магнетизма! — отрезала Агата. — Это нелепая опровергнутая теория, в которую сейчас никто, будучи в здравом уме, не верит! О ней твердят только шарлатаны-целители! Как ты можешь применять эту старомодную чепуху к моему дереву? — В ее глазах загорелся яростный огонек, в котором угадывалась радость.

— Ну и как вы это объясните? — бросила Фейт, задумавшись, как давно Агата последний раз имела возможность поспорить с кем-то.

— Очевидно, дерево — разновидность плотоядного растения, но духовного плотоядного. — Агата подошла поближе. — Я бы предположила, что оно питается призраками и способно давать ответы благодаря знаниям тех привидений, которых поглотило, — что-то вроде растительного медиума. Моя теория заключается в том, что могущественная ложь начинает жить своей собственной жизнью, становясь практически привидением в миниатюре. Дерево впитывает подобную ложь и использует ее духовную энергию, чтобы поддерживать привидения внутри себя.

Сейчас она стояла вплотную к Фейт, сверкая глазами в слабом свете фонаря. Фейт поняла, что Агата — ровесница Миртл, просто череда разочарований оставила морщины на ее лице. Складки в уголках рта были признаком произнесенных слов.

— Спасибо, — кротко ответила Фейт. — Это... очень познавательно. — И тут она выбила фонарь из руки Агаты, и тот разбился об пол.

Воцарился мрак, в нос проник запах масла и свежего дерева. Фейт попыталась вырвать руку из ладони Крока, но его пальцы вцепились в нее мертвой хваткой. Другой рукой он сдавил ей горло. Фейт вытащила пистолет из кармана, после нескольких попыток на ощупь сняла его с предохранителя и направила куда-то себе за голову. Нажала на курок.

Выстрел отдался толчком в ее голову. Пистолет дернулся и выскочил из ее руки, обжег плечо горячим металлом и упал на пол. Кто-то за ее спиной закричал, и она смогла вырваться. Фейт прыгнула в крошечный мрак, чувствуя, как под ногами крошится стекло. Сзади метались, шуршали и тяжело дышали тени, словно огромные подземные животные. Движения Фейт производили столько же шума. Побег хлестал ее по лицу, цеплялись за шею, скользили под ногами, хватали за рукава, проникали в карманы, невидимыми пальцами лезли в глаза. Ей нужно найти стену. Тогда она сможет пойти вдоль нее и найти выход. Но ее пальцы наткнулись на извивающиеся ветки и липкие листья. Ее охватил жуткий страх, что она и ее преследователи больше не находятся в пещере, что они оказались в бесконечных джунглях, порожденных деревом, где нет стен, в личном аду, где они вечно будут гоняться друг за другом. «Нет, — сказала она себе, — нет. Стена есть. Стена есть».

И вот среди шуршания листьев и переплетения веток ее пальцы коснулись стены. Она пошла вдоль нее, в спешке царапая пальцы об узловатые стволы. Она карабкалась по ступеням и подъемам, находила места, куда поставить ногу, и медленно, но верно взбиралась вверх. Она протискивалась, отыскивая дорогу на ощупь. Усталый извивающимися лозами, проход на этот раз был уже, чем раньше. Она теряла драгоценное время, протискиваясь сквозь петли и освобождая цепляющиеся юбки, а потом снова пробираясь сквозь еще более узкую щель. Но она радовалась мучительно узкому лазу, ведь если ей трудно проникнуть в него, то ее преследователям это будет сделать сложнее вдвойне. Она крыса в норе, бегущая от челюстей терьера.

Над ней что-то заблестело — может быть, солнечные лучи. Она боролась, рвалась и извивалась, как рыба на сковороде, стремясь навстречу слабой надежде. Ее пальцы находили места, за которые можно уцепиться, руки откуда-то черпали силу, и она подтягивалась все выше и выше. Туннель стал светлее, и наконец вверху показался треугольник света. Фейт вдохнула свежий воздух и запах горячей травы, почувствовала под пальцами землю. Но когда она попыталась выбраться на свет, древесные побеги вдруг сомкнулись вокруг нее, не отпуская. Они хватали ее за плечи, талию, руки и шею, кусались и

завязывались узлами. Здесь владения дерева лжи заканчивались, однако Фейт снова заскользила вниз по туннелю.

— Нет! — прошептала Фейт, но ее шепот был не единственным звуком. Вокруг нее шуршали голоса, и теперь она поняла, почему они ее беспокоили. Они разговаривали ее собственным голосом, искаженным и обезумевшим до такой степени, что он превратился в визг.

«Он был гением, — всхлипывали и жаловались голоса. — Его оскорбили и неверно поняли. Он был хорошим человеком. У нас была особая связь...» Слова, которые она никогда не говорила дереву. Мысли, которыми она ни с кем не делилась. И ложь. Дикая удушающая ложь. Фейт сумела высвободить одну руку, сунула ее в карман и достала карманное зеркальце. Изо всех сил вытянувшись вверх, она поймала в зеркало солнечный луч и направила его на себя. Побег, вцепившиеся в нее, зашипели и начали плевать искрами. Она проигнорировала боль от ожога и запах горелых волос. Ее измазанное соком платье затрещало, но оно было все еще влажным от морской воды. Когда ветки ослабили хватку, она выбралась наверх и упала плашмя, как выброшенная на берег рыба. Перекатилась несколько раз, сбивая огонь, и замерла, пытаясь отдышаться.

Несколько секунд она не могла перевести дыхание и ничего не видела, кроме неба над головой. Потом до ее сознания дошло, что из ямы идет дым. Она хотела просто поджечь сковавшие ее побеги, но теперь представила, как пламя спускается вниз по веткам, как огонь бежит будто по запалу пороховой бочки. Облачка серого дыма превратились в огромные черные клубы. Дерево внутри горело. Фейт отодвинула ноги от ямы и прикрыла рот рукой, защищая его от дыма. Она ничего не могла сделать для Бена Крока и Агаты Ламбент, кроме как позвать на помощь. Покачиваясь, Фейт встала на ноги и чуть не упала — мир вокруг нее завертелся, как карусель, в ушах загудело. Вдалеке она увидела шпиль церкви и пошла в этом направлении. Ноги ее не слушались, и она не могла идти прямо. Каким-то образом край обрыва неожиданно подкрадывался к ней справа.

Она оглянулась и увидела, что из тайного входа в пещеру вырывается столб дыма. Он становился все больше и больше — тревожное черное пятно на фоне голубого неба. Но намного ближе она различила силуэт. Почерневший призрачный, покрытый сажей, неотступный, с развевающимися на ветру, словно флаг, волосами. Красные ожоги виднелись на лице и в обугленных прорехах русалочье-зеленого платья. Агата быстро догоняла Фейт, не отрывая от нее взгляда. Ноги девочки подкосились, и она упала на землю. Поискала рукой, чем бы швырнуть в Агату, и ее пальцы сомкнулись на камне. Маленьком, совершенно круглом камне.

— Не подходите! — крикнула Фейт, когда силуэт приблизился. Она вытянула руку с камнем, надеясь, что Агата видит только очертания чего-то круглого и темного. — Этот плод — все, что осталось от дерева! Не приближайтесь... или я брошу его в море!

Агата и не думала замедлить шаг.

— Вы все еще можете сбежать! — крикнула Фейт, отползая по земле и держа руку на весу. — Идите на пристань! Найдите лодку!

Приближаясь, Агата смотрела Фейт прямо в глаза. Отчаяние в ее взгляде было таким же отстраненным и пустым, как и радость перед этим.

— Остановитесь! — завопила Фейт. — Я правда это сделаю!

Агата бросилась вперед, пытаясь схватить «фрукт», и Фейт швырнула камень к обрыву. Это все, что она смогла придумать, — отвлечь внимание преследовательницы и выиграть

несколько минут. Агата повернулась и уставилась на полет шарика, отскочившего от земли и приближавшегося к краю обрыва. Она повернулась и бросилась за ним. «Плод» еще раз отскочил от земли, и от его аспидно-серой поверхности отразилось солнце. Это была галька, просто галька. Камушек подпрыгивал слишком быстро, и все же Агата бежала за ним.

— Остановитесь! — Фейт услышала собственный крик. — Остановитесь! Я солгала!

Но когда камень упал с обрыва, Фейт поняла, что Агата совсем не смотрит на него. У края обрыва женщина ускорила и распростерла руки, словно пытаясь обнять вечность перед последним прыжком. Все исчезло, кроме бездушного голубого неба, пахнувшего дымом ветра и стрекота кузнечиков в траве.

Глава 36

Эволюция

Если бы доктор Джеклерс не выжил, все могло бы быть иначе. Но он выжил, и хотя чувствовал себя плохо, была надежда на то, что его сломанная нога заживет. Он даже председательствовал во время отложенного слушания по делу покойного Эразмуса Сандерли, не желая доверять никому это дело и так сурово попрекая присяжных, что некоторые из них подумали, будто судят их. К Фейт Сандерли он обращался с большей добротой, но поругал ее за то, что она не поделилась с ним своими подозрениями.

Было установлено, что преподобный умер от рук злоумышленников. Бена Крока нашли в пещере, живого, но пострадавшего от огня, из-за выстрела его левый глаз теперь плохо видел. «Землекопы», люди, сотрудничавшие с Кроком, когда он работал на Уинтербурна, были задержаны.

Тело Агаты Ламбент нашли у подножия утеса. Однако ее роль в мошенничестве замаяли. Фейт знала, что эта деликатность призвана была пощадить ее память и чувства ее мужа, который пришел в отчаяние, узнав о преступлениях покойной жены. В то же время из-за ее смерти Фейт чувствовала несправедливость этого мира. Агата исчезала. Ее изобретательность, подлость, научный пыл, блестящий ум и навязчивые идеи — все растворилось в воздухе, как пар. Скоро она будет просто еще одной «возлюбленной женой» на мраморном надгробии.

Роль Фейт в этих событиях тоже со временем станет незаметной. Если газеты вообще о ней напишут, она окажется бесхитростной девушкой, случайно открывшей правду — таким же образом случайно в далеком детстве она наткнулась на любопытную окаменелость. Может быть, они даже поместят ее фотографию в возрасте семи лет, на которой она гордо держит свою находку.

Следов дерева не осталось. Огонь уничтожил его, оставив только сажу на стенах и странный запах. Фейт оплакивала утрату для науки, но, в общем-то, не огорчилась, что оно погибло. «Данные не подтверждены, — нацарапала она в дневнике под описанием своей теории и теории отца. А потом: — Наблюдения ненадежны. Объективность скомпрометирована».

Одним тихим утром могилу преподобного расчистили и опустили гроб на место, где ему было суждено упокоиться навечно. Наблюдая, как комья земли мягко ударяются о дерево и надежным одеялом накрывают гроб, Фейт почувствовала, что ее рана наконец затягивается. «Мой отец никогда не понял бы и не простил меня. Но я понимаю его и со временем прощу. Наверное, этого достаточно».

— В нем было кое-что хорошее, — сказала Миртл Фейт позже, когда они вечером сидели и разговаривали, наслаждаясь тортом, который теперь был для них расточительством. — Во всяком случае, ты и Говард что-то значили для него.

— А ты? — спросила Фейт.

Миртл покачала головой.

— Я твердила себе, что мне повезло, — ответила она. — Твой отец никогда не бил меня, никогда не напивался, и если у него были любовницы, у него хватало такта не подавать виду. Он содержал меня и моих детей, и все же я годами настойчиво пыталась стать его другом. Эта дверь так и не открылась, Фейт. В конце концов я потеряла надежду.

Ах, но мне не на что жаловаться! — Миртл отмахнулась от прошлого изящным движением маленькой руки. — Это сделало меня такой, какая я есть. Когда все двери закрыты, приходится лезть в окно. Полагаю, такова человеческая природа.

Энтони Ламбент принял Миртл и Фейт в кунсткамере своей покойной жены. От прежнего энергичного жизнелюбивого человека осталась лишь тень, его взгляд безутешно скользил с полки на полку.

— Она была моим якорем, — сказал он, — моим прибежищем в бушующем море. Я мог спать, только зная, что она здесь. Как я смогу уснуть теперь?

Он взглянул на Фейт, и она изумилась, как столь большой человек может казаться таким маленьким.

— Я магистрат, — с несчастным видом продолжил он. — Я должен проводить в жизнь закон, и некоторые из них регулируют похороны самоубийц, хотя вам это известно лучше, чем другим. Мисс Сандерли... вы видели ее последней. Она...? — Он не смог закончить предложение.

Фейт вспомнила дерзкий прыжок Агаты в бездну. Потом перевела взгляд на лицо вдовца, взвесила все и решила, что вселенная простит ей еще одну ложь.

— Она потеряла равновесие, — сказала Фейт.

Ламбент закрыл глаза и испустил долгий выдох.

— Ради нее я был готов на все. Это... все это... — Он обходил шкафы и полки. — Раскопки были организованы ради нее. Я просто хотел, чтобы она была счастлива... — В его глазах заблестели слезы, и его потерянный вид напомнил Фейт Говарда.

Настроение Ламбента резко изменилось. Он схватил ближайшую витрину, сорвал ее со стены и швырнул на пол. Она раскололась, стекло, этикетки и фрагменты птичьих яиц разлетелись по полу. Магистрат повернулся к следующей.

— Нет! — Фейт бросилась вперед и закрыла витрину собой. В этот момент она была готова сражаться не на жизнь, а на смерть, чтобы защитить дело всей жизни своего смертельного врага.

— Пожалуйста, мистер Ламбент! — одновременно воскликнула Миртл. — Если вы хотите избавиться от этих вещей... отдайте их нам. Я уверена, что... э-э-э... Говард высоко оценит их, когда вырастет.

Серым утром несколько дней спустя в гавани Вейна пришвартовался невинный почтовый катер, не ведавший, что ему предстоит увезти отъявленных нарушителей. Перевозка в гавань багажа Сандерли и немаленькой коллекции образцов, принадлежавшей Агате, оказалась продолжительным занятием. Без внезапной помощи Клэев и мисс Хантер она вообще могла стать неосуществимой. Фейт подъехала к гавани в двуколке мисс Хантер, прислушиваясь к шорохам, доносившимся из коробки на ее коленях. Ее змея наконец сбросила старую кожу и заблестела новыми красками. Из переулков и дверей на них бросали косые взгляды, и Фейт показалось, что она видела лицо Жанны среди зевак. Семье преподобного уже доводилось быть объектом насмешек, ненависти и подозрений. Теперь по Вейну распространялись правда и полуправда, и враждебность уступила место почти сверхъестественному страху. Одетые в черное женщины Сандерли стали воплощением обмана и соблазна. Смотреть им в глаза было опасно.

Однако мисс Хантер выглядела совершенно невозмутимой. Когда Фейт набралась

смелости и попыталась признаться во всем запинаящимся голосом, почтальонша мягко перебила ее.

— Мы обе занимались сплетнями. — Мисс Хантер орудовала поводами с уверенностью, которая достигается только практикой. — После того как твоя мать расстроила Джейн Веллет, я разозлилась и всем рассказала о статье в «Информере». Ты тоже распространяла слухи, но не ты подожгла мой дом. Женщины вроде меня всегда наживают себе врагов.

Фейт задумалась, что означает «женщины вроде меня». Должно быть, своевольные счастливые старые девы с острым языком и хорошим доходом. В глазах Фейт мисс Хантер всегда выглядела чопорной и неприступной. Теперь от Фейт не скрылись дерзкие искорки в глазах и стремление рисковать. Фейт всегда твердила себе, что она не похожа на других дам. Однако другие дамы тоже бывают разными.

Проезжая мимо дома доктора Джеклерса, мисс Хантер приветственно подняла руку. Из окна ей в ответ коротко махнули.

— Почему вы дразните доктора Джеклерса за то, что он невысок? — У Фейт наконец появился шанс задать этот вопрос.

— Ах, — мисс Хантер ухмыльнулась, — что ж, как-то раз он пришел в настоящую ярость из-за моего отказа выйти за него замуж и начал объяснять мне, что у женщин не хватает ума увидеть собственное благо. Он пытался доказать мне это, демонстрируя измерения черепов своих пациентов. В среднем череп мужчин больше, чем череп женщин. Но, к несчастью для доктора, в его записях были и другие измерения. После чего я сказала, что его доказательства убедили меня и я сделаю все возможное, чтобы выйти замуж за... самого высокого человека, которого смогу найти. Видишь ли, у высоких людей череп обычно крупнее. А доктор не мог признать, что это вовсе не означает, будто они умнее его, поскольку в таком случае его утверждение, что он умнее меня, тоже становилось сомнительным. У крупных людей чаще всего большие головы. Мужчины не умнее женщин, мисс Сандерли. Они просто выше.

На набережной Фейт встала рядом с Полом Клэем, наблюдая, как члены экипажа грузят их коробки. Странно было находиться в его обществе при свете дня и не тайком. Она стеснялась смотреть ему в глаза. Ссориться было легче — это была игра на сцене, в свете рампы. Теперь велика вероятность, что отмеренное им время быстро истечет, а они так и не обменяются ни словом.

— Я буду писать тебе, — молвила она.

— Зачем? — Пол вглядывался в ее лицо, видимо, в поисках подвоха. — Чтобы сказать мне, как ты меня ненавидишь? Ты думаешь, я захочу когда-нибудь услышать о тебе?

— Да, — ответила Фейт.

Дождь начал свою репетицию. Несколько пробных капель заполнили молчание.

— Я должна кое в чем признаться, — сказала Фейт.

— Господи помилуй, еще что-то? — Пол уставился на нее. — Насколько оно хуже?

Наступила самая сложная часть. Ведьмой и гарпией быть легче. Быть человеком опасно.

— Я... иногда я бываю добра, — созналась Фейт. — Я... очень люблю своего младшего брата.

Повисла долгая пауза.

— Когда я первый раз увидел крысиные бои, — сказал Пол, не глядя на нее, — собака

потеряла глаз, и меня затошнило. Я пошел туда снова, чтобы доказать, что могу смотреть на это.

— Когда мне было семь лет, я нашла на пляже окаменелость, — тихо продолжила Фейт, — и мой отец очень мной гордился. По крайней мере... мне так казалось. Но это была одна из его подделок. Он просто думал, что если ее найдет «невинное дитя», она будет выглядеть более убедительно. Он специально спрятал ее там, чтобы я ее нашла.

Тот знаменательный момент на пляже, ее грандиозное воспоминание, когда она наконец ощутила связь с отцом, оказался продуманной ложью и мошенничеством. В глубине души ее уже какое-то время мучили подозрения, но только когда она нашла злосчастный «Информер», ее худшие опасения подтвердились. В середине страницы была фотография ее окаменелости и подробное описание, какими способами она была подделана.

Она сильно закусила губу.

— Я... думаю, что немного свихнулась после его смерти.

— Ты сунула руку в мешок с крысами! — напомнил Пол. — Ты наставила на меня пистолет!

— Оглядываясь назад... сознаю, это было чересчур.

Возникла еще одна пауза, во время которой оказалось, что извиняться никому не надо.

— Я хочу стать фотографом, — сердито сказал Пол, — но не таким, как отец. Я хочу фотографировать далекие места, которые никто не видел. Хочу попробовать новое — выяснить способы, как снимать птиц в полете, делать ночные пейзажи.

Его признание было искренним. Фейт подумала, как он часами стоит на холодном мысу, поминутно настраивая камеру, чтобы сделать контрастный снимок луны.

— Я хочу стать естествоиспытателем, — призналась Фейт. Произнесенные, эти слова показались очень хрупкими.

Она бросила взгляд на Пола, но он вовсе не собирался смеяться. Вместо этого он кивнул, как будто ее откровение ни капли не удивило его.

Палуба покачивалась под ногами Фейт, когда катер отплывал от берега. Люди уменьшались, деревья вытягивались в линию. Скоро все они станут воспоминаниями. Внезапно Фейт занервничала. Недели, проведенные на Вейне, были настолько яркими и живыми, что теперь остров казался единственным реальным местом. Другие ее воспоминания превратились в сон. А теперь она возвращается в Англию, и ей придется смириться с фактом, что Англия действительно существует. Скандал, связанный с ее отцом, достигнет пика. Семья лишится друзей и дома в приходе. Но по сравнению с несчастьями, которые угрожали им не так давно, эти проблемы казались вполне решаемым концом света.

— Почему у порядочных мужчин никогда нет денег? — с тоской сказала Миртл, махая платком Клэю.

— Теперь у него их может стать еще меньше, — заметила Фейт. — Весь остров видел, как он помогает ведьмам Сандерли. Возможно, в воскресенье ему придется проповедовать в пустой церкви.

— Ему нужен хороший приход, бедолаге, и я уверена, что он слишком робок, чтобы попросить о нем. — Миртл сузила глаза, и Фейт поняла, что она что-то прикидывает. — О, я знаю, что мне делать! Я замолвлю за него словечко!

Замолвит словечко? Со смесью ужаса и восхищения Фейт осознала, куда клонит ее мать. Только что освободилось место священника в приходе ее отца, но никто об этом еще

не знает. Нужно быстро найти замену. Миртл была знакома с местным эсквайром, в чьих владениях находился приход, и могла шепнуть ему пару слов... А может быть, Миртл строит еще более далеко идущие планы — о дне, когда ее траур закончится и она будет искать мужа с большим домом и приличным доходом?

— Это было бы идеально! — тихо выдохнула Миртл. — Нам даже не придется менять обстановку!

— Мама! — прошипела Фейт, но обнаружила, что больше не испытывает ярость или отвращение, как раньше. Миртл была отвратительна, но где без этого семья окажется через год?

«Моя мать не злая, — напомнила себе Фейт. — Она просто очень здравомыслящая змея, защищающая свои яйца и прогрызающая себе путь в меру своих способностей».

— Что ж, — продолжила Миртл, парируя невысказанные обвинения Фейт, — если ты собираешься и дальше заниматься своими древностями, это будет недешево. Ты же собираешься, верно?

Фейт кивнула.

— Тогда пусть пошлют тебе небеса мужа терпеливого и богатого. — Миртл обеспокоенно взглянула на Фейт.

Фейт знала, что мать волнуется не из-за того, что у нее занудная чудачка-дочь, синий чулок. Миртл искренне беспокоилась за Фейт, и вполне справедливо. Если Фейт будет заниматься естественными науками, над ней будут насмехаться, преуменьшать ее заслуги, относиться покровительственно и всю жизнь игнорировать. Она вполне может оказаться неподходящей для замужества. На что она будет жить и заниматься своими увлечениями? Может, она поедет за границу на раскопки, и ее репутация пострадает, оттого что она путешествует в одиночестве. Может, она выйдет замуж и все свои заслуги будет приписывать мужу, как Агата. Может, она окончит свои дни нищей старой девой и ее единственной компанией будет коллекция кораллов. И может быть, позже какая-нибудь другая девушка будет пересматривать книги отцовской библиотеки, наткнется на сноску в научном журнале и прочитает имя «Фейт Сандерли». «Фейт? — подумает она. — Женское имя. Это сделала женщина. Если так... значит, я тоже смогу». И крошечный огонек надежды, веры в себя и решимости передастся другой душе.

— Я устала от лжи, — сказала Фейт. — Я не хочу прятаться, как Агата.

— Так чего же ты хочешь? — спросила Миртл.

— Я хочу развивать эволюцию.

Эволюция не наполняла Фейт таким же ужасом, как ее отца. Почему она должна плакать, услышав, что ничто не неизменно? Все может измениться. Все может стать лучше. Все уже становится лучше, дюйм за дюймом, очень медленно и незаметно, но это знание придает ей силы.

— Дорогая моя девочка, я понятия не имею, о чем ты говоришь.

Фейт подумала, как лучше всего переформулировать свои слова.

— Я хочу быть плохим образцом для подражания, — сказала она.

— Ясно, — Миртл шевельнулась, собираясь пойти к носу катера. — Что ж, милая, я думаю, начало положено.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Благодарности

Хочу поблагодарить моего агента Нэнси Майлз; моего редактора Рейчел Петти; Рианнон Ласситер за поддержку и уместную критику; моего бойфренда Мартина за то, что не выходил из себя даже во время моих ночных бдений; доктора Рут Чарльз за завораживающие и увлекательные сведения об археологии и палеонтологии XIX века; Хизер Килгур за то, что познакомила меня с Хрустальным дворцом и парком динозавров; Сандру Лоуренс за то, что привела меня на прекрасный семинар «Бросающие в дрожь викторианцы: посмертная фотография» в Музее старого операционного театра; Сару Блейк за сведения по геологии; а также книги: «Неверные измерения человека» Стивена Джея Гулда; «Религия в викторианскую эпоху: вера и жизнь в Британии» Джули Мельник; «Викторианская похоронная служба» Джеймса Стивенса Керла; «Кринолины и гофрировальные станки. Викторианская одежда: как ее чистили и как за ней ухаживали» Кристины Уокли и Ванды Фостер; «Викторианский гробовщик» Тревора Мэя; «Еда и готовка в викторианской Англии: история» Андреа Брумфилд; «Исследования в пещерах: поиски следов ранних обитателей Европы» Уильяма Бойда Докинса; «Представление о доисторической эпохе» Глина Дэниэла.

Другие книги автора

Фрэнсис Хардинг — известная английская писательница. Она опубликовала семь книг, каждая из которых отмечена престижными наградами и номинациями. Среди них Branford Boase Award, Carnegie Medal, British Fantasy Awards и др. Ее «Дерево лжи» в 2015 году получило знаменитую премию Costa — впервые со времен Филипа Пулмана эта премия досталась книге для детей!

Все романы Фрэнсис очень разные, но есть то, что их объединяет. Это головокружительный детективный сюжет (вы не сможете оторваться до последней страницы и ни за что не догадаетесь, в чем дело). А также удивительные главные героини — юные, умные, предприимчивые, любящие приключения, но при этом способные на искреннюю привязанность и дружбу. Читать о них — одно удовольствие!

Песнь кукушки

Очнувшись после несчастного случая, Трисс понимает, что с ней что-то не так. Ее постоянно мучает голод, младшая сестра ее боится, а родители все время шепчутся за закрытыми дверями, к тому же Трисс почти ничего не помнит — ни о происшествии, ни о своем прошлом. Она хочет перечитать свой дневник, но кто-то вырвал из него страницы.

Вскоре Трисс выяснит, что с ней происходит нечто куда более страшное, чем она могла представить, и что она в буквальном смысле слова сама не своя. В поисках ответов ей предстоит совершить опасное путешествие и столкнуться с Архитектором, который стремится погубить всю ее семью. Но успеет ли она? Время Трисс утекает, словно песок сквозь пальцы...

Хроники Расколотого королевства

Добро пожаловать в мир шпионов и контрабандистов, враждующих гильдий и сумасшедших правителей, в мир головокружительных приключений — в Расколотое королевство!

Fly by Night

Что объединяет 12-летнюю сироту Мошку Май и афериста высокого полета Эпонимия Клента? Любовь к приключениям и к книгам, благодаря которой они оказываются в центре масштабной борьбы за власть в городе Манделионе. По чьей воле распространяют воинственные памфлеты? Где находится нелегальный печатный станок? Кто пытается стравить гильдии Ключников и Книжников? Мошка и Клент ищут ответы на эти вопросы, все время пытаясь обвести друг друга вокруг пальца.

Недобрый час

Что делает девочка в 12 лет? Учится, спорит с родителями, болтает с подружками о мальчишках... Мир 12-летней Мошки Май немного иной. Она всеми способами пытается заработать на жизнь себе и своему питомцу, своенравному гусю Сарацину. Едва выбравшись из одной неприятности, Мошка и ее спутник Эпонимий Клент узнают, что негодяи собираются похитить Лучезару, дочь мэра города Побор. Не раздумывая, они отправляются в путешествие, чтобы выручить девушку и заодно поправить свое материальное положение... Только вот Побор — непростой город. За благополучным фасадом скрывается мрачная жизнь обитателей, выходящих на улицы только ночью.

notes

Примечания

Моцион — ходьба, прогулка для укрепления здоровья или для отдыха.

Колоратка, или римский воротник, — жесткий белый воротничок, элемент облачения западных священнослужителей.

Нефилимы, или исполины (павшие), — персонажи громадного роста, упоминаемые в Библии. По одной из версий, это существа, родившиеся от союзов ангелов со смертными женщинами.

Поссет — напиток из горячего молока, вина, эля или других спиртных напитков, часто с пряностями и сахаром.

Большой черный бык — одно из наскальных изображений (5 метров длиной), обнаруженных в пещере Ласко во Франции. Возраст рисунков — больше 17 тысяч лет.

Краниометрия — измерение черепов с научной целью.

«Происхождение видов» — труд английского естествоиспытателя Чарлза Дарвина, являющийся одним из наиболее знаменитых трудов в истории науки и основополагающим в сфере эволюционного учения.

Конфирмация — в католической церкви таинство миропомазания, совершаемое над детьми в возрасте от семи до 14 лет в торжественной обстановке, как правило епископом. Оно знаменует окончательное введение христианина в церковное общество.

Политура — спиртовой лак с прибавлением смолистых веществ, применяется для полировки изделий из дерева.

Шерри — сорт испанского крепленого виноградного вина, херес.

Бомбазин — плотная ткань из смеси шелковых и хлопчатобумажных нитей. Черный бомбазин в викторианской Англии использовался для траурной одежды.

Миля — примерно 1,6 км.

Крипта — подземная часовня в церкви.

Волшебный фонарь — аппарат для проекции изображений. В XIX веке был в повсеместном обиходе.

В XIX веке кухонную утварь нередко изготавливали из меди. Этот материал прекрасно распределяет тепло, что очень хорошо для приготовления пищи, но медная посуда подвержена окислению — из нее выделяются ядовитые вещества. Поэтому ее необходимо лудить — покрывать изнутри безопасным металлом, чаще всего оловом. Профессия лудильщика в те времена была весьма распространена.

Коронер — специальный судья, в обязанности которого входит выяснение причины смерти, происшедшей при необычных или подозрительных обстоятельствах.

Симбионт — участник симбиоза, формы взаимоотношений, при которой оба партнера или только один извлекает пользу из другого.

Животный магнетизм — антинаучная теория немецкого врача Фридриха Месмера, бытовавшая до середины XIX века.

Клинометр — инструмент для определения положения горных слоев и ходов.

Долихоцефальный — длинноголовый. Имеется в виду отношение длины черепа к его наибольшей ширине (на теменных костях).

Английский фунт равен примерно 453 г.

«Бедлам» — госпиталь святой Марии Вифлеемской, психиатрическая больница в Лондоне.

Работный дом — в Англии заведение, куда помещали бедняков, оставшихся без средств к существованию. Им предоставляли кров и скудное пропитание взамен на каторжный труд, лишение возможности свободно перемещаться, разлуку с членами семьи и подчинение жестокому внутреннему распорядку.